

Инв. №
6505 / 3 эк.

РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ПОСОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVII В.

Н. П. ШАСТИНА

РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ
ПОСОЛЬСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
XVII ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Н. П. ШАСТИНА

Русско-монгольские
посольские
отношения
XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА—1958

Ответственный редактор

С. Д. ДЫЛЫКОВ

ВВЕДЕНИЕ

История русско-монгольских отношений в XVII в. еще недостаточно изучена. У нас нет не только ни одного исследования, посвященного специально этой проблеме, но даже общего обзора посольств, которыми многократно обменивались Россия с Монголией в течение всего XVII в. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы русско-монгольским отношениям совсем не уделялось внимания в исторической литературе. Отдельные части этого большого и важного вопроса освещены в трудах дореволюционных русских и советских ученых.

Так как русско-монгольские отношения в XVII в. тесно связаны с политикой России на Востоке, точнее в восточных областях Сибири, эта тема впервые была затронута в исследованиях по истории Сибири. В этих трудах содержатся довольно подробные сведения о некоторых русских посольствах к монгольским ханам, в них можно найти или целые главы, или большие абзацы об отдельных эпизодах русско-монгольских отношений. Немало опубликовано и архивных материалов. Поэтому, несмотря на недостаточную изученность проблемы, все же имеется довольно большая библиография, которую можно условно разделить по характеру изданных материалов на две части: к первой части относятся всякого рода публикации архивных материалов, различных документов, дипломатической переписки.

ски и т. д., ко второй—историко-литературные данные из исследований по истории Сибири, Бурят-Монголии и Хакассии, а также из трудов о русско-китайских отношениях.

Первые работы по истории Сибири, принадлежащие перу официозных историков XVIII в. Г. Миллера и И. Фишера, содержат немало сведений и о русско-монгольских связях, особенно с Алтын-ханами. Рассматривая историю сношений с Монголией как часть истории Сибири, авторы этих работ ограничились констатацией фактов и описанием исторических событий. Апологетическая точка зрения на внутреннюю политику России в Сибири распространялась ими и на внешнюю политику, в частности на отношения с Монголией. Основным и несомненным достоинством этих монументальных работ является открытие и введение в научный оборот многих архивных документов, в том числе нескольких статейных списков русских послов.

К официозным трудам по истории Сибири относятся также работы В. К. Андриевича, более поздние по времени и менее значительные по содержанию. Андриевич во многом повторяет сведения по истории русско-монгольских отношений, имеющиеся у авторов XVIII в., дополняя их немногочисленным новым материалом. Он также придерживается апологетической точки зрения на внешнеполитическую деятельность Московского государства на Востоке.

Интересный материал по истории русско-монгольских отношений содержится в нескольких работах, принадлежащих перу русских архивистов XIX в. Из них следует отметить статью Н. Оглоблина «Сибирские дипломаты XVII в.»¹, в которой впервые опубликованы архивные материалы о встречах сибирских казаков с Турухай-табуном и о посольстве к Цэцэн-хану. Особого внимания заслуживает статья Ф. Покровского «Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г.»². В этой статье автор доказал, что беспримерную по смелости поездку в Китай в 1618 г. совершил сибирский казак Иван Петлин. Известно, что достоверность путешествия Петлина подвер-

¹ «Исторический вестник», т. 46, СПб., 1891.

² «Известия ОРЯС», т. XVIII, вып. 4, Пг., 1913

галась сомнению и его статейный список приписывали другому лицу. Путем тщательного изучения архивных документов и археографического анализа их Покровский убедительно показал, что авторство Пстлина несомненно.

Немалый интерес для нашей темы представляют монография французского историка Гастона Каэна и двухтомный труд английского исследователя Джона Бэддли. Книга Каэна³ основана на русских архивных материалах. Автор использовал не только документацию, опубликованную в различных изданиях, но и много новых сведений из русских архивов. В основном его работа посвящена истории русско-китайских отношений, данные о связях с Монголией содержатся лишь в первых двух главах («Соперничество России и Китая в конце XVII в.», «Таможенная политика России на Дальнем Востоке в конце XVII — начале XVIII в.»).

Автор оценивает русскую внешнюю политику в XVII и XVIII вв. на Востоке как агрессивную, а русско-маньчжурский конфликт — как столкновение двух агрессоров. Отношения с монгольскими ханами рассматриваются им в свете общей политики России в последней четверти XVII в. Каэн собрал много материалов о Нерчинском договоре и довольно подробно изложил историю посольства Ф. А. Головина, отметив его стремление наладить дружеские связи с монгольским хутухтой. Несмотря на недостаточную объективность, книга Каэна представляет значительный интерес для изучения истории русско-монгольских отношений.

Упомянутое сочинение Бэддли⁴ состоит из двух томов. Во втором томе собраны английские переводы русских архивных документов (в том числе и статей-

³ G. Cahen, *Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand (1689—1730)*, Paris, 1912.

⁴ J. Baddeley, *Russia, Mongolia and China. Being some record of the relations between them from the beginning of the XVII century to the death of tsar Alexei Mikhailovich a. d. 1602—1676. Rendered mainly in the form of narratives dictated or written by the envoys sent by the Russian tsars, or their voevodas in Siberia to the Kalmuk and Mongol khans and princes and to the emperors of China with introductions historical and geographical, also a series of maps showing the progress of geographical knowledge in regards to Northern Asia during the XVII and early XVIII centuries. The texts taken more especially from manuscripts in the Moscow Foreign Office Archives*, vol. I—II, London, 1919.

ных списков) о сношениях с халха-монголами, ойратами, киргизами и китайцами. Значительная часть использованных Бэддли документов была ранее опубликована в русских изданиях, меньшая же часть, извлеченная автором из Московского архива Министерства иностранных дел, появилась в печати впервые. Всего Бэддли опубликовал 16 статейных списков (начиная с отчета Тюменца 1616 г. и кончая отчетом Николая Спафария 1675 г.). Из семи списков, относящихся к поездкам в Монголию, два были изданы впервые. Публикации сопровождаются комментариями и небольшими вводными статьями, в которых автор показал хорошее знание старой востоковедной литературы на русском и западноевропейских языках, хотя и не был специалистом в этой области. К недостаткам труда Бэддли следует отнести неточное воспроизведение архивных материалов. Давая английский перевод документа, Бэддли не всегда печатает его полностью; иногда он дополняет его сведениями из других трудов, чаще всего из «Сибирской истории» И. Фишера. В большинстве случаев подобные вставки оговорены автором. Не всегда точны и некоторые переводы статейных списков. Несмотря на эти крупные недостатки, книга Бэддли имеет большое значение, так как автор собрал воедино много разрозненных материалов, выявил немало новых и ввел их в научный оборот, снабдив обширными комментариями, пользование которыми облегчено хорошо составленными указателями. Можно сказать, что труд Бэддли представляет собой единственное большое собрание прокомментированных русских архивных материалов о сношениях с Монголией, Ойратией и Китаем.

Книга Бэддли была выпущена в Лондоне почти сорок лет назад весьма ограниченным тиражом (всего 250 нумерованных экземпляров). По поводу этой книги В. Л. Котвич писал в 1925 г., что «теперь делается еще более ясным все значение русских архивных документов, и если ближайшие потребности науки в известной степени и удовлетворяются английским трудом, то им все же не снимается с русских обязанность приступить к надлежащему изданию документов в подлинном виде, с возможной полнотою»⁵. Прошло более тридцати

⁵ «Записки Коллегии востоковедов», т. 1, Л., 1925, стр. 551.

лет с тех пор как было высказано это пожелание, однако до настоящего времени не вышло в свет ни одного собрания архивных документов по истории русско-монгольских отношений, хотя многие материалы архивов по этому вопросу были использованы советскими историками в статьях и исследованиях.

Проблема русско-монгольских отношений привлекла внимание советских ученых, занимающихся историей народов Сибири, в частности историей бурятского народа. В работах А. П. Окладникова, Ф. А. Кудрявцева, С. А. Токарева, П. Т. Хаптаева, Г. Н. Румянцева, Е. М. Залкинда и Б. О. Долгих имеется немало материалов по данной проблеме и новых сведений из обнаруженных авторами архивных документов. Занимаясь изучением истории бурят, указанные авторы не могли пройти мимо взаимоотношений между русскими, бурятами и монголами.

В работах В. В. Бартольда, Н. Н. Козьмина и Л. П. Потапова, посвященных истории Хакассии, можно найти немало сведений о сношениях России с монгольскими ханами, в частности с Алтын-ханами. В этих трудах использованы частично новые данные, извлеченные из архивных документов.

Отрывочные сведения о русско-монгольских отношениях имеются во втором томе фундаментального труда Г. Е. Грум-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» (М. — Л., 1926). Они содержатся в примечаниях и небольших абзацах главы X, относящейся к интересующему нас периоду. Однако на основании их нельзя представить себе общего развития взаимоотношений. Кроме того, Г. Е. Грум-Гржимайло использовал только уже известные, ранее опубликованные материалы.

Меньше всего, как это ни странно, уделяли внимания данной проблеме историки-монголоеды. За исключением чрезвычайно интересного и содержательного обзора русских архивных документов, а также материалов на ойратском, маньчжурском и китайском языках, данного В. Л. Котвичем в статье «Русские архивные документы по сношению с ойратами в XVII—XVIII вв.»⁶, мы не имеем работ на эту тему. Хотя указанный труд

⁶ «Известия Российской Академии наук», Пг., 1919.

рассматривает сношения с ойратами, а не с халха-монголами, его нельзя не отметить, так как в нем особенно убедительно показано значение русских архивных документов для изучения внешнеполитической деятельности Русского государства на Востоке. После опубликования этого труда, ставшего классическим в своей области, прошло почти 40 лет. Несколько небольших статей, вышедших за это время, хотя и касались вопросов истории русско-монгольских отношений, новых сведений не дали. В недавно вышедшей «Истории Монгольской Народной Республики» (М., 1954) имеется отдельный параграф, посвященный этому вопросу. Однако он невелик и содержит только общие сведения.

Следует отметить, что издано много архивных документов из хранилищ СССР, но эти публикации разбросаны в разных изданиях. Кроме того, подбор их носит чисто случайный характер. Много материалов и публикаций отдельных документов и статейных списков содержат такие издания, как «Русская историческая библиотека» (т. II и VIII), «Акты исторические», «Дополнения к Актам историческим», «Полное собрание законов Российской империи», «Исторические акты XVII столетия», «Сборник князя Хилкова», приложения к «Сибирской истории» Г. Миллера, некоторые номера журнала «Красный архив». Интересные публикации архивных материалов имеются также в книгах Н. Бантыш-Каменского («Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год»), А. Титова («Сибирь в XVII веке»), в вводной статье Ю. В. Арсеньева к книге «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» и др.

Таковы в общих чертах печатные материалы по истории русско-монгольских отношений. Но этих материалов все же явно недостаточно для верного понимания развития русско-монгольских связей. Неизбежно возникает необходимость заполнить пробелы в истории русских посольств, отправленных в Монголию, начиная с 1616 и кончая 1691 годом.

Во многих архивах СССР хранятся материалы по данному вопросу. Наиболее богат по подбору докумен-

тов XVII в. Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА) в Москве. Из его собраний следует отметить использованные нами фонды: 1) столбцы и книги Сибирского приказа (ф. 214), где собраны документы о деятельности сибирской администрации и связях с пограничными государствами; здесь можно найти обширную переписку по поводу отправления посольств к ойратским и монгольским князьям, статейные списки послов, наказные памяти и другие материалы; 2) документы Посольского приказа (ф. 126), которые также необходимы для изучения истории русско-монгольских отношений; особенно важны разделы: «Мунгальские дела» и «Китайские дела»; 3) материалы Иркутской приказной избы, относящиеся ко второй половине XVII в. (ф. 1121).

Дополнением к трем указанным фондам служат так называемые «портфели Миллера», в которых содержатся многочисленные копии архивных материалов XVII в. из местных сибирских архивов. Копии, сделанные в XVIII в., в некоторых случаях имеют большое значение, ибо заменяют подлинники (многие архивы Сибири сильно пострадали от пожаров). Часть материалов из «портфелей Миллера» хранится в ЦГАДА, часть — в Архиве Академии наук СССР в Ленинграде, где находятся копии документов из Томской, Тобольской, Иркутской, Енисейской и Якутской приказных изб (ф. 21). Некоторые документы из «портфелей Миллера» опубликованы в упомянутых приложениях к двум томам «Сибирской истории» Г. Миллера. Том III, в котором должны быть опубликованы наиболее интересные из истории русско-монгольских отношений документы, до сих пор не вышел из печати. Кроме «портфелей Миллера», в Архиве Академии наук СССР есть другие фонды, имеющие значение для нашей темы. Из них нами использованы рукописи Иллариона Россохина.

В Архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (Архив ЛОИИ) хранится значительно меньше материалов, чем в указанных выше архивах.

Нами использованы некоторые документы из Иркутской и Якутской приказных изб. Среди них имеются интересные, но разрозненные материалы, относящиеся

к концу XVII в. (например, письма Галдана и Цэцэн-нояна к иркутским воеводам, записанные русскими буквами и передающие в какой-то мере звучание монгольской речи XVII в., или разорванный документ об ограблении бухарских купцов и список разграбленных товаров; часть списка товаров хранится в Архиве ЛОИИ, часть — в ЦГАДА). Документы из указанных трех архивов положены в основу нашей работы.

Кроме русских архивных документов, использованы также летописные материалы на монгольском языке. Следует отметить, что документация на монгольском языке нам пока недоступна; архивы Монгольской Народной Республики еще недостаточно изучены, и материалов, относящихся к русско-монгольским связям в XVII в., в них еще не обнаружено. Только недавно начаты в Улан-Баторе разбор и инвентаризация богатого материала, собранного из разных аймачных архивов и из архивов министерств (ямыней). Можно предположить, что со временем будут обнаружены и документы по истории сношений монгольских ханов с Россией в XVII в. Пока же нам приходится ограничиваться летописными материалами на монгольском языке. Из них наиболее ценным для нашей темы является многотомное сочинение «Илэтхэл Шастир» — собрание биографий и генеалогических записей монгольских князей, ставших вассалами маньчжурского императора. Иногда в этих официальных биографиях цитируются подлинные документы, в которых можно обнаружить некоторые сведения об отношениях с Россией. Материалы «Илэтхэл Шастир» помогают нам точно установить личность того или иного монгольского князя, имя которого встречается в русском документе иногда в очень искаженном виде. Использованы нами также сведения из монгольских летописей — знаменитой «Эрдэнийн тобчи» ордосского летописца Саган Сэцэна, анонимной «Шара Туджи», «Эрдэнийн эрихэ», составленной в XIX в. тайджи Галданом, а также из биографий (намтар), написанных известным буддийским деятелем Нейджи-тойном. Хотя в этих материалах не содержится сведений, непосредственно относящихся к нашей теме, все же они помогли нам установить некоторые факты по изучаемому вопросу.

Из китайских источников нам были доступны лишь те, которые переведены на европейские языки. Большинство этих источников широко известно востоковедам, например «Мэн-гу-ю-му-цзи» («Записки о монгольских кочевьях», СПб., 1895, перевод с китайского П. С. Попова) — своеобразная историко-географическая энциклопедия о монгольских кочевьях. В ней можно найти сведения о том, когда и кому из монгольских князей был пожалован маньчжурским правительством тот или иной хошун; иногда встречаются замечания о том, кто из монгольских князей вступал в переговоры с русскими.

Некоторые данные можно найти также в «Дневнике Ма-сы-ха»⁷. Это — дневник маньчжурского военачальника, участника походов в Монголию, предпринятых Канси в конце XVII в. В нем нет материалов по истории русско-монгольских связей, но описываются происходившие в период нерчинских переговоров события, к которым имели отношения монгольские князья.

Из этого краткого обзора основных печатных работ и архивных материалов ясно видно, что история русско-монгольских отношений еще не исследована во всей полноте. По нашему мнению, первой ступенью в предстоящей работе следует считать изучение истории посольских связей между Россией и Монголией. В данном труде использована значительная коллекция документов, связанных с отправлением русских посольств к монгольским ханам, с приемом монгольских посольств и пребыванием их в России, и двадцать шесть статейных списков, составленных русскими послами во время пребывания их в Монголии. Некоторые из этих статейных списков уже известны в исторической науке, некоторые же используются нами впервые⁸. Мы огра-

⁷ Перевод «Дневника Ма-сы-ха», сделанный В. П. Васильевым, помещен в книгах: [Г. Н. Потанин], *Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению Императорского русского географического общества членом-сотрудником оною Г. Н. Потаниным*, вып. 3, СПб., 1883, стр. 300—305; А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн зрихэ»*, СПб., 1883, стр. 366—378.

⁸ Институт востоковедения АН СССР предполагает издать в недалеком будущем архивные, летописные и другие материалы по истории Монголии.

ничиваем исследование обзором посольских отношений с Монголией, понимая под этим названием те монгольские княжества, которые в конце XVII в. вошли в состав Внешней Монголии, или Халхи.

* * *

Исторические связи Русского государства с Монголией возникли в начале XVII в., когда границы России придвинулись к верхнему течению рек Оби, Иртыша, Енисея. Постепенно эти связи развивались и крепились, особенно после того, как в состав России вошли земли, расположенные восточнее оз. Байкал. Во второй половине XVII в. территория, занятая русскими, соприкасалась с монгольскими землями на протяжении 2 тыс. с лишним километров. Это способствовало установлению более тесных отношений между двумя государствами и двумя народами—русскими и монголами (или мунгалами, мугалами, как было принято называть монголов в XVII—XVIII вв.). Близкие отношения возникли на почве взаимной экономической заинтересованности. Монголы стремились поддерживать с русскими торговлю лошадьми и скотом. Они требовали открытия конских базаров наподобие тех, которые были организованы для них в пограничных городах Китая Минской династией. В обмен на лошадей и скот монголы пытались получить жизненно необходимые им предметы домашнего и хозяйственного обихода, производить которые они не могли в условиях кочевого хозяйства, а также русское огнестрельное оружие, которое они очень ценили. Россия тоже была заинтересована в торговом обмене с Монголией, поскольку в связи с развитием в Сибири «государевой пашни» ощущался острый недостаток тягловой силы, крупного и мелкого рогатого скота в недавно заселенных русскими областях. Пригон монгольских конских табунов и стад рогатого скота в сибирские города (Томск, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Удинск) в какой-то мере восполнял этот недостаток. Россия стремилась поддерживать отношения с Монголией еще и потому, что у монголов можно было узнать путь в Китай и установить с ним торговый обмен. Этого Россия добивалась в течение всего XVII в. Укрепление связей между Россией и Монголией в XVII в. выразилось в довольно ин-

тенсивном взаимном обмене посольствами, который в тот период являлся основной формой дипломатических отношений между двумя этими государствами. Русских послов, как правило, сопровождали торговые люди. Так в начале века завязались политические и экономические отношения России и Монголии, продиктованные взаимными интересами двух государств. Они продолжали развиваться и укрепляться в течение всего XVII в., до тех пор, пока Монголия (Халха) не потеряла своей независимости, войдя в 1691 г. в состав Маньчжурской империи. Однако и после этого связь не прерывалась, а изменилась лишь форма взаимоотношений, поскольку маньчжурское правительство стало контролировать внешнеполитическую деятельность монгольских князей.

Политические и экономические отношения между Россией и Монголией в XVII в. определялись общим характером политики, которую проводило Русское государство в Сибири, на крайнем востоке своих новых владений. В общих словах ее можно определить как политику мирного закрепления «новоприбыльных» сибирских земель. Подобная политика диктовалась главным образом недостатком военной силы в далеких от центра России областях. Приобретение новых земель осуществлялось в течение всего XVII в. местными силами.

Не следует также забывать, что основные дипломатические интересы Русского государства в XVII в. были сосредоточены на западе и на юге. Известно, что перед Россией в этот период стояли три основные задачи, определявшие ее внешнюю политику: во-первых, воссоединение украинских и белорусских земель; во-вторых, борьба за выход к Балтийскому морю; в-третьих, борьба с Турцией и крымскими ханами. Задачи внешней политики на востоке отходили в течение первых трех четвертей XVII столетия на второй план. Только к концу века противоречия между Россией и Маньчжурской империей превратились в международную проблему, которая была решена заключением Нерчинского договора. Внешнеполитические задачи России в Восточной Сибири сводились к поддержанию добрососедских отношений с монгольскими ханами и установлению дипломатических и торговых отношений с Китаем.

Внешнеполитическая деятельность русского правительства в Сибири выражалась в обмене посольствами с Монголией и в отправлении русских представителей в Китай. Правда, в последней четверти XVIII в. возник русско-маньчжурский конфликт, в котором приняли участие и вооруженные отряды некоторых монгольских феодалов, перешедших на сторону маньчжуров. В основном же Россия в XVII в. стремилась избежать конфликтов и столкновений в Сибири.

Поэтому московское правительство настойчиво рекомендовало сибирским воеводам приводить население Сибири к шерти (приносить клятву верности русскому царю) «с ласкою, а не жесточью», одаривать «иноземцев, честно жалуюя», облагать местное население ясаком в таком размере, чтобы не разорять жителей, и отнюдь не вымогать больше, чем следует. Заброшенные в глухую глубь Сибири небольшие гарнизоны служилых людей, живших в острогах и острожках, были окружены местным населением. Они получали из Москвы указы жить мирно и «усторожливо», поступать с «новоприбыльными людьми с любовью и с ласкою». Именно в таком духе составлены указы Бориса Годунова. Это—первые дошедшие до нас документы, в которых изложены мирные принципы русской политики в Сибири. В одном из них (от 1600 г. тобольскому воеводе) дается прямое наставление: «Сибирских бы есте всяких ясачных людей велели беречи и ласку и привет к ним держали и их ни чем не жесточили»⁹. Во втором, направленном к томским воеводам Писемскому и Тыркову в 1604 г., сказано: «А которые волости новопроведывают, и те б волости потому же приводити под государеву високую цареву руку, и смотря по людем и по тамошнему делу, чтобы новых людей привести ласкою, а не неволею и не жесточью»¹⁰.

Слова о том, что следует поступать «с ласкою, а не жесточью», красной нитью проходят во многих наказах Москвы к сибирским воеводам. По отношению же к народам, которые не стали объектом русской колонизации и с которыми русские обменивались посоль-

⁹ РИБ, т. II, СПб., 1875, стр. 47.

¹⁰ «Томск в XVII в. Материалы по истории города», СПб., [Б. г.] (см. наказ царя Бориса Федоровича от 1604 г.).

ствами, рекомендовалось «не чинить никаких споров и задоров». Выражение «не чинить задоров» часто встречается в русских архивных документах по вопросам сношений и с ойратами и с монголами.

Во второй половине XVII в. в пограничных с Монголией землях обложение ясаком было значительно меньше, чем в других районах. Судя по некоторым имеющимся данным, ясак в Забайкалье был легче¹¹, чем «албан», который монгольские феодалы собирали со своих подданных. Низкие нормы обложения ясаком были обусловлены тем, что русские власти стремились удержать уже обьясаченное население.

Появление русских в Восточной Сибири (как и в Сибири вообще) имело огромное значение. Следует особенно подчеркнуть культурно-цивилизаторскую роль русских в Сибири. Трудовая деятельность русского народа несомненно способствовала сближению его не только с сибирским населением, вошедшим в состав России, но и с соседними народами, с которыми русские стремились вести мирную торговлю. Все это обусловило прогрессивную роль России на Востоке. По словам Ф. Энгельса, «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизирующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹².

В конце XVII в. Россия стала крупной политической силой на восточных окраинах Сибири. Благодаря вмешательству русских была приостановлена экспансия Маньчжурской военно-феодалной империи на север, положен конец ее экономической и политической гегемонии.

Характеризуя политику Русского государства на восточных и юго-восточных окраинах Сибири как политику мирного освоения новых районов и установления дружеских отношений с соседними государства-

¹¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 104; Е. М. Залкинд, *Из истории Западного Забайкалья в конце XVII—начале XVIII в.* («Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук», вып. I, Л., 1949), стр. 225.

¹² Ф. Энгельс, *Письмо к К. Марксу от 23 мая 1851 г.* (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, изд. 1), стр. 211.

ми и народами, не следует забывать и отрицательных ее сторон. На практике Россия не раз отступала от своих мирных принципов. История Сибири XVII в., так же как история отношений с Монголией и Китаем, содержит немало примеров самой беззастенчивой эксплуатации коренного населения служилой верхушкой. Воеводы, приказчики, головы и другие представители сибирской администрации иногда жестоко притесняли и русских поселенцев и сибирских местных жителей, которые нередко поднимали восстания. Как пример можно вспомнить деятельность балаганского приказчика Ивана Похабова, вызвавшую протест и возмущение бурят, которых поддерживали русские крестьяне. Это восстание западных бурят подробно исследовано А. П. Окладниковым¹³. Можно припомнить также восстания киргизского населения, страдавшего от притеснений томских воевод, и усмирительные походы на киргизов Романа Старкова¹⁴. Подобных примеров можно привести немало. В них отразились темные стороны деятельности русских и о них нельзя забывать при определении общего характера политики России в Сибири.

Возникшие в начале XVII в. русско-монгольские посольские отношения поддерживались и развивались в течение всего века. Их можно разделить на два периода. В течение первой половины XVII в. монгольские феодалы стремились установить дружественные отношения с Россией, развивать с ней торговый обмен и были заинтересованы, говоря языком русских архивных документов, в «дружеской ссылке» с русскими. Во второй же половине XVII в. халхаские княжества, оказавшиеся между двумя большими централизованными государствами—Россией и Маньчжурской империей, стали менять свою политику по отношению к России. Некоторые из них искали поддержки у русских против маньчжурских посягательств на их независимость, а другие, опираясь на маньчжурское правительство, стали протестовать против укрепления русских в Забайкалье.

¹³ А. П. Окладников, *Очерк из истории западных бурят-монголов*, М.—Л., 1937, стр. 98—138.

¹⁴ «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879 (см. док. 100).

Первый период русско-монгольских связей начинается с 1604 г., т. е. со времени получения первых сведений об Алтын-хане, монгольском князе, кочевья которого были расположены в северо-западном углу Северной Монголии. Обмен посольствами с ним возник несколько позднее, в 1616 г. В конце первой половины XVII в., когда русские проникли в Забайкалье, начинают развиваться отношения и с другими ханами Северной Монголии. В это время Россия, стремившаяся установить с монголами добрососедские отношения и узнать от них путь в Китай, начинает обмен посольствами с крупными монгольскими феодалами Алтын-ханом, Тушету-ханом, Цэцэн-ханом.

Второй период русско-монгольских отношений следует считать с начала пограничных столкновений (конец 50-х—начало 60-х годов) до 1691 г., когда Внешняя Монголия официально вошла в состав Маньчжурской империи. В этот относительно небольшой отрезок времени в Забайкалье создалась довольно напряженная обстановка. Маньчжурская империя стала предъявлять свои претензии на восточную часть Забайкалья и на Приамурье и развернула агрессивные действия против районов, где уже обосновались русские. Монгольские князья неоднократно нападали на северную часть бассейна р. Селенги, уже заселенную русскими. Эти вторжения усилились в 80-х годах. Монгольские князья в течение всего русско-маньчжурского конфликта представляли собой определенную политическую силу, с которой считались и Русское государство и Маньчжурская империя, оказывавшая большое влияние на положение дел в восточных окраинах Сибири.

Несмотря на напряженное положение, русско-монгольские отношения не прерывались. Посольства отправлялись неоднократно как с той, так и с другой стороны.

Россия продолжала свою политику установления добрососедских отношений и невмешательства во внутренние феодальные распри монгольских князей.

Кроме предлагаемого условного деления русско-монгольских отношений на два периода, можно также заметить и две самостоятельные линии, по которым шел обмен посольствами: 1) между Россией и Алтын-ханами; 2) между Россией и теми монгольскими князь-

ями, с которыми русские столкнулись при освоении Забайкалья (Цэцэн-ханом, Тушету-ханом, Ундур Гэгэном и др.).

Излагая историю русско-монгольских посольских отношений, мы придерживаемся указанного выше деления их на два периода и на две самостоятельные линии, которые были подсказаны собранными нами архивными материалами.

Глава I

ПОСОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С АЛТЫН-ХАНАМИ (до 1650 г.)

Начало посольских отношений между Россией и Монголией связано с именем хотогойтского Алтын-хана (Золотого хана)¹ Шолой Убаши-хунтайджи. Это был самый крупный и влиятельный феодал северо-западной части Монголии.

Довольно обширное его владение соприкасалось на севере с землями, освоенными русскими в конце XVI — начале XVII в. При движении на юг от построенного в 1604 г. Томского острога русские казаки встретились с различными тюркоязычными племенами, которые, как выяснилось, платили ясак Шолою Алтын-хану. Они не были в полном смысле слова подданными монгольского князя. Экономическая зависимость этих племен выражалась лишь в платеже ежегодной дани, размеры которой, по видимому, не были точно установлены. Дань собирали эмиссары Алтын-хана, приезжавшие для этого из Монголии. Местное население жестоко страдало от этих неужи-

¹ «Золотыми ханами» (altan han) монголы называли китайских императоров чжурчженской династии Цзинь (Золотой династии). «Цзинь» значит золото. Этот почетный титул, или, скорее, почетное прозвище, носил известный в истории Монголии Алтан-хан тумэцкий (1507—1583), внук Даян-хана. В русских архивных материалах этот титул сохранился в его тюркской форме—«Алтын-хан», так как стал известен от тюркоязычных племен, населявших земли южнее Томска и по верхнему течению Енисея. Мы также придерживаемся этого названия, ставшего традиционным в исторической литературе для обозначения хотогойтских князей XVII в.

данных наездов. Во многих русских архивных документах² часто встречаются жалобы «ясашных людей» на то, что Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи «ясак с них емлет», «животы грабит», «жен и детей поимал».

По меткому выражению историка Сибири Г. Ф. Миллера, «гордое имя Золотого царя» связано в документах сибирских архивов с репутацией сильного и могущественного владыки. Было ли так на самом деле? В монгольских летописях³ мы найдем мало сведений об этом феодале, так как северо-западный угол Монголии был слишком далек от центров составления известных нам монгольских летописаний XVII в., в которых и обо всей-то Халхе имеется немного сведений, не говоря уже о таком отдаленном уголке, как владение Алтын-ханов.

Основываясь же на русских архивных материалах⁴, мы можем говорить о создании Шолоем Алтын-ханом и его преемниками крепкого феодального владения, которое, возникнув на рубеже XVI—XVII вв., просуществовало около ста лет. Хотя монгольская национальная историография и не внесла в свои анналы имени Шолоя Алтын-хана, но тем не менее оно должно войти в историю монголов уже по одному тому, что он первый из монгольских князей вступил в близкие отношения с русскими и поддерживал их в течение длительного времени.

² См.: РИБ, т. II, СПб., 1884, стр. 195; Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. I, М.—Л., 1937, приложение № 66 (отписка воеводы Волынского, 1609 г.); Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 10, л. 18 (отписка воеводы Волынского, 1610 г.); Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 5 (отписка тюменских воевод, 1620 г.); ЦГАДА, ф. 214, стлб. 513, л. 19 (отписка воеводы М. Ф. Скрябина); Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 81, л. 97 (отписка томских воевод, 1621 г.).

³ Летопись «Шара Туджи» дает лишь генеалогические данные об Алтын-ханах (см. «*Шара Туджи*». *Монгольская летопись XVII в.*, М.—Л., 1957, стр. 84, 85, 113, 118).—«Илэтхэл Шастир» сообщает несколько беглых сведений о Шолое Убаши-хунтайджи, о его походе на Куко-Хото (ИВ АН СССР, Сектор восточных рукописей, Монгольский фонд, Г.—60, тетради 45, 60, 61).

⁴ В Архиве АН СССР хранятся сделанные в XVIII в. копии стейных списков Василия Тюменца, Ивана Петлина, Василия Кова и других, впервые побывавших у Алтын-хана (см. ф. 21, д. 17, док. 40, лл. 51—60; док. 188, лл. 333—375). В Центральном государственном архиве древних актов имеются стейные списки Василия Карякина, Якова Тухачевского, Дружины Огаркова (ф. 214, стлб. 617), Романа Старкова (ф. 214, стлб., 617), Степана Грешкова (ф. 214, стлб. 914), Зиновия Литосова (ф. 214, стлб. 218) и др.

Как было отмечено выше, обмен посольствами с Алтын-ханами является самостоятельной линией в истории русско-монгольских отношений. Наиболее активные связи между Русским государством и Алтын-ханами наблюдались в 1616—1621 гг., 1631—1645 гг., 1657—1679 гг. Имя Алтын-хана впервые появляется в русских документах в 1604 г. К нему были отправлены три русских посольства (в 1608 г., 1616 г., 1618 г.). В 1621 г. переговоры были прерваны. Этот отрезок времени характеризуется стремлением русских установить с монгольским князем добрососедские отношения, главным образом для того, чтобы узнать от него дорогу в Китай⁵.

В 1631—1645 гг. Алтын-хан Омбо Эрдэни пытался завязать более тесную дружбу с русскими и даже встать под защиту «белого царя» в условиях феодальных междоусобиц, происходивших в то время в Монголии. Московское же правительство стремилось поставить Алтын-хана в вассальную зависимость и заставить его принести присягу на верность русскому царю. И хотя формально такая клятва была принесена в 1634 г., она не повлекла за собой никаких реальных последствий. Отношения были прерваны из-за нежелания монгольского феодала соблюдать условия клятвы. За это время было отправлено пять посольств к Алтын-хану и два — к ламе Мерген-ланзу⁶, бывшему духовным наставником Омбо Эрдэни.

В 1657—1679 гг. могущество третьего Алтын-хана Лубсан-тайджи начинает падать и он то пытается прибегать к помощи русских, то нападает на сибирские города. Отправление посольств к нему вызывается необходимостью момента, когда надо устранить возникшие недоразумения. Последним было русское посольство 1681 г., которое, прибыв в Монголию, не смогло найти ставки Алтын-хана, попавшего в плен к ойратам.

Остановимся несколько подробнее на развитии связей между Россией и Алтын-ханами. Узнав о существовании царства Шолоя Алтын-хана, московское правительство ре-

⁵ В годы, когда отношения были прерваны и обмена посольствами не было, томские воеводы продолжали получать сведения о том, что происходило в Монголии.

⁶ Термин «ланзу» встречается в русских архивных документах всегда вместе с собственным именем. Это искаженное тибетское слово «лоцаба» (lo-tsa-ba), что означает—лама, ученый переводчик с тибетского на монгольский язык.

шило вступить с ним в переговоры. Первое посольство к Алтын-хану Шолой Убаши-хунтайджи было отправлено в 1608 г., но оно не дошло до кочевий монгольского феодала. Посольство (во главе его находился томский голова Иван Белоголов) пробыло у киргизского князья Ишея почти всю зиму, ожидая возможности поехать к Алтын-хану. Но положение складывалось неблагоприятно. Монгольский князь был занят войной с джунгарами, ехать к нему было далеко не безопасно. Иван Белоголов вернулся в Томск ранней весной 1609 г., не достигнув цели.

В последующие годы Томский острог достаточно укрепил свое положение «украинного» города. Сфера юрисдикции Томской приказной избы значительно расширилась. Но закрепление за русскими некоторых территорий, расположенных по Енисею и по южным его притокам, происходило медленно, так как эти районы находились фактически под властью Шолоя Алтын-хана. «В указанных пределах (верховья Енисея, Иртыша и Оби. — *Н. Ш.*) русские должны были все время выдерживать борьбу с монголами и калмыками... и делить свое право на ясак с Алтын-ханами, порою с калмыцкими Кон-тайшами»⁷. Поэтому по-прежнему было необходимо установить отношения с Алтын-ханом и упорядочить сбор ясака с населения, с которого в то же время требовал свой албан и монгольский феодал. Кроме того, в эти годы в Москве пытались выяснить, есть ли возможность проехать в Китай сухопутным путем через Сибирь. Поэтому к Алтын-хану снаряжается в 1615 г. новое посольство во главе с Василием Тюменцем, которое должно было установить дружеские отношения с Алтын-ханом и уговорить его принести вассальную присягу русскому царю. Но основной задачей посольства было открытие торгового пути в Китай.

Формировалось посольство согласно наказу из Москвы в стольном сибирском городе Тобольске. Тобольский воевода И. С. Куракин, человек образованный, попавший в Сибирь, по-видимому, за то, что придерживался «польской ориентации» в вопросах наследования русского престола, настаивал, чтобы посольство ехало непосредственно в Китай. На этой почве произошел конфликт между Василием Тюменцем и всесильным воеводой стольного города

⁷ С. В. Бахрушин, *Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVIII вв.*, М., 1927, стр. 159.

Сибири Тобольска. Куракину все же пришлось уступить. Василий Тюменец отправился к Алтын-хану, как было намечено в Москве. Однако выезд посольства задержался, и оно смогло отправиться в путь лишь в мае 1616 г.⁸

Так как посольство Тюменца явилось первым, побывавшим в ставке монгольского феодала, то его статейные списки представляют особый интерес. Хотя Василий Тюменец и его помощник Иван Петров Текутьев были неграмотны, записанный с их слов статейный список⁹ содержит ценный материал, который помогает восстановить маршрут посольства, выяснить новые географические данные, ставшие известными в результате поездки русских в Монголию¹⁰. Для нашей темы наибольший интерес представляют сведения о переговорах с монгольским князем и о торжественном приеме, оказанном посольству.

Алтын-хан вынужден был считаться с могущественным соседом, появившимся на севере и утвердившим там свою власть. Приезд специального русского посольства не мог не польстить ему. Поэтому прием московских послов был

⁸ Ф. И. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году* («Известия ОРЯС», т. XVIII, вып. 4, СПб., 1914), стр. 270.

⁹ Сохранилось два варианта статейного списка Тюменца. Первый — предварительный отчет — был записан со слов посла сразу после возвращения в Томск. Второй — полный отчет — был сделан в Москве в начале 1617 г. Предварительный отчет Тюменца опубликован в книгах: И. Е. Фишер, *Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием*, СПб., 1774, стр. 254—264; В. К. Андриевич, *История Сибири*, ч. 1, СПб., 1889, приложение «Статейный список Василия Тюменца», стр. 206—210. — Подлинник опубликованного текста хранится в ЦГАДА. В Архиве АН СССР имеется копия, выполненная в XVIII в. (ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 40). Полный отчет опубликован Ф. И. Покровским в статье «Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году» и Бэддли (J. Baddeley, *Russia, Mongolia and China...*, vol. II, London, 1919, p. 47—58). Подлинник этого списка хранится в ЦГАДА.

¹⁰ Статейный список В. Тюменца основательно изучен с географической точки зрения, чему посвящено несколько работ [см., например: К. Риттер, *Землеведение Азии. География стран, входящих в состав России или пограничных с нею*, т. IV (Дополнение, составленное Г. Н. Потаниным к третьему тому «Алтайско-саянская горная система», СПб., 1877), стр. 689; Ю. В. Арсеньев, *Очерк сношений России с Китаем через Сибирь и Монголию до 1675 г.* («Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.», СПб., 1882), стр. 9—13].

обставлен торжественно и пышно. Монгольский князь принял их в самой парадной из своих кочевых юрт — сумэ (род ламаистского храма), потчевал обедом «на белых фарфоровых блюдах» — словом, показал всю возможную в условиях кочевого быта роскошь¹¹.

Ритуал первого приема русских послов соответствовал традициям, выработанным дипломатической практикой монгольских ханов, поддерживавших посольские связи с Китаем, Тибетом и другими восточными государствами.

Со своей стороны послы также вели себя торжественно, помня, что они являются представителями Русского государства.

В беседе, состоявшейся во время приема, Алтын-хан подчеркнул, что слышал о первой попытке русских приехать к нему и ожидал их лет семь назад, что он рад видеть русских послов и получить «государево жалованье» (так в статейных списках XVII в. назывались подарки, посланные из Москвы от великого государя). Русские уговаривали монгольского князя стать «под высокую государеву руку». Но в 1616 г. у Алтын-хана не было никакой необходимости присягать на верность московскому царю, он только стремился установить дружеские отношения со своим сильным соседом. Поэтому Алтын-хан держался с московскими послами как полновластный хозяин западной части Халхи, как равный с равными.

Когда на третий день монгольский князь пригласил послов присутствовать на известном обряде поднятия бурхана (изображение буддийского божества), Тюменец был

¹¹ В назначенный для приема день за послами были отправлены две верховые лошади в сопровождении «лутчего ближнего царева человека», и послы поехали в «царев стан верхами». За 200 шагов до ханских юрт, «за лучное стрельбище», они слезли с лошадей и пошли «пешим», как это полагалось по обычаям монгольской вежливости. Подъехать верхом к юрте князя значило нанести ему кровную обиду — русские послы знали об этом. В юрте-сумэ, куда привели послов, находился Алтын-хан со свитой и «лутчими людьми», в числе которых были один из его сыновей — хутухта (первоплотение какого-либо буддийского божества) и лама Тархан-бакши (монг. Дархан бакши), впоследствии бывавший в Москве в качестве посла. Все «лутчие» люди сидели, а свита «человек с 50» стояла. После речей и вручения царского послания Алтын-хану состоялась угощение, описание которого дано Тюменцем очень живо и интересно. Послов угощали, как почетных гостей. Они сидели напротив Алтын-хана, «стол им был особой, царь подачи им от себя давал и питье присылал» (см. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 40).

введен в заблуждение происходившим на его глазах: сложным ритуалом и расценил его как принесение шерти, наподобие русской клятвы на евангелии. Он так и описал этот обряд: «А на третий день царь Алтын хан перед нами государю шертовал по своей мусульской вере¹²; подымал на руки бога своего честно. А бог у них вылит в золоте, что робеночек не велик; а подымали ево всем крылом на пеленах. А как ево подняли, и царь де со всеми лучшими своими людьми поклонился и им, послом государевым, говорил, что у них только и веры, что они богов своих подымают и им кланяются, а не прикладывающа, и больши того у них веры не живет»¹³. Тюменец утверждал, что это был обряд шертования (т. е. принесение присяги) и изображение божества подымали для того, чтобы Алтын-хан «со своими всеми людьми государю служил и прямил». Но такое заключение является чистой водой недоразумением: у монголов нет подобного обычая принесения клятвы на верность. Это был просто обряд поклонения монгольского князя бурханам.

Заблуждение Тюменца выяснилось позднее в Москве, куда он прибыл, сопровождая ответных монгольских послов. Алтын-хан, отправляя в Москву свои более чем скромные дары, хотел, чтобы русский «государь пожаловал, прислал к нему с послы его судна три серебряных, да жемчугу, да пищалей с 20, да сабли 2—3 добрых, а сукон бы и олова и меди не посылал»¹⁴.

Монгольский князь в свою очередь предлагал московскому царю своих ратных людей, в случае если тому понадобится военная сила «на какова на недруга». Подобное предложение мог сделать только равный по положению владыка или государь, а не принесший вассальную присягу князь.

Алтын-хан расценивал прибытие послов и вручение подарков как начало дружеских отношений с Российским

¹² Тюменец первый из русских послов XVII в. столкнулся в Монголии с буддизмом и не смог правильно определить название неизвестной ему религии. Поэтому он, описывая буддийский храм в своем статейном списке, называет его знакомым ему словом «мечеть», а говоря о вере монголов, именует ее «мусульской», по аналогии с известным ему исламом, которого придерживались некоторые народности, населявшие Юго-Западную Сибирь.

¹³ Ф. И. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году*, стр. 278.

¹⁴ Там же, стр. 279.

государством. Поэтому он отправил в Москву с возвращавшимся В. Тюменцем двух послов — Даяна и Киченгу в сопровождении обслуживающего персонала («кашеваров», согласно терминологии архивных документов).

Так было положено официальное начало русско-монгольским отношениям.

Отправляя в Москву посольство, Алтын-хан хотел узнать, что представляет собой Русское государство, его новый сосед на северной границе. Письмо к московскому государю, написанное по-монгольски, до настоящего времени в архивах СССР не обнаружено. Вероятно, оно не было даже прочтено, так как в первой четверти XVII в. в Посольском приказе еще не было переводчиков с монгольского языка¹⁵. В первый период русско-монгольских отношений делались лишь устные переводы «с речей» послов, излагавших содержание писем¹⁶. Толмач, владевший лишь разговорной речью, переводил сказанное, а подьячий приказной избы, где обычно производился прием послов, записывал этот перевод. Принимая во внимание невысокий культурный уровень толмача (первым толмачом с монгольского языка в первом русском посольстве был «новокрещенный Лучка Васильев», записанный в томские казаки) и условные выражения отписок, куда попадали переводы «с речей», приходится относиться с большой осторожностью к документам подобного рода. Они, по-видимому, не всегда точно воспроизводят речи монгольских послов.

Монгольские послы на приеме у томского воеводы подчеркивали намерение Алтын-хана находиться в дружеских отношениях с русскими, «быть в любви и ссылке»¹⁷ и высказали желание закупить у русских огнестрельное оружие¹⁸.

¹⁵ Переводчики монгольского языка в Посольском приказе появились позже, в 60-х годах XVII в. Нам известны не только их имена и подписи на бумагах, но и образцы переводов и даже автобиографии (см.: С. Белокуров, *О Посольском приказе*, М., 1906, стр. 147).

¹⁶ Такие переводы «с речей» сохранились в Томских делах Сибирского приказа (см.: ЦГАДА, ф. 214, стлб. 74). Они относятся к посольствам, приезжавшим от Алтын-хана в 30-х годах XVII в.

¹⁷ М. П. Пуцилло, *Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири*, М., 1879, стр. 15.

¹⁸ Вероятно, Алтын-хан был одним из первых среди монгольских князей, который имел огнестрельное оружие, появившееся в Монголии не раньше второй четверти XVII в.

Из Томска посольство было отправлено в Москву в сопровождении пристава, которым был назначен Василий Тюменец, ехавший за получением награды «за мугальскую службу». Согласно установившемуся на Руси порядку послы получали «на человека на день по два калача двуденежных и говядины, как им можно сытым быть, да питья всем вопче по тринадцать чарок вина, три ведра пива, ведро меду»¹⁹.

Пребывание монгольских послов в Москве, куда они приехали в 1617 г., не прошло незамеченным. Они были приняты царем и участвовали в торжественном обеде во дворце. Известный в Москве английский негодциант Джон Меррик подробно расспрашивал о них у боярина Посольского приказа Ф. И. Шереметьева. Сведения о царстве Алтын-хана и о его связях с Москвой через Джона Меррика попали в Англию, где и были опубликованы известным английским географом Перкисом²⁰. Именно эта публикация положила начало легенде о богатом царстве Золотого царя в Татарии.

Англичане в начале XVII в. упорно искали возможности сухопутным путем добраться до Китая. Поэтому монгольские послы очень заинтересовали Джона Меррика. После царского приема он обратился к Шереметьеву с осторожным вопросом: «Чтобы бояре не покручинились, позволили ему спросить, как он был у царского величества стола, и в те же поры у царского величества у стола были Алтына царя послы, а рожеем люди дикие, и сказывают про них, что они палатам и храмам дивятся, что то видят впервые и где их житье, и какие у них товары?»²¹. На эти вопросы Ф. И. Шереметьев отвечал, что «Алтынхан кочует за Сибирским государством, от Сибирского последнего от Томского города до Алтына царя ходу осмнадцать недель через калмыки да через киргизы и иные земли, которые Алтыну царю дань дают»²². Шереметьев

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 119.

²⁰ Purchas, *His pilgrims (A briefe description of the ways and riuers, leading of Mongolia towards the East and North-East into Siberia, Samoiedia and Tinguesia as they are daily frequented by the Russes with further discoueries towards Tartaria and China)*, vol. III, London, 1625, p. 525—529.

²¹ Н. П. Лыжин, *Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие*, СПб., 1867, стр. 77.

²² Там же, стр. 77.

даже сказал Меррику, что «товары у Алтына царя, сказывают, тафты, и камки, и бархаты», чего на самом деле не было, но русские дипломаты при переговорах с западными коммерсантами были не прочь преувеличить возможности торговли с вновь открытыми восточными странами.

Сведениями о путях в Персию и Китай интересовались не только торговцы, но и дипломаты европейских стран. Так, во время пребывания в Швеции князя Ф. П. Барятинского (1617—1618 гг.) шведский канцлер расспрашивал русских в Упсале: «Кто из вас в Сибири бывал ли и сколько от Московского государства до Сибири?»²³. Шведский канцлер недаром интересовался Сибирским царством и царством Алтын-хана: его заинтересованность объясняется настойчивым стремлением европейских купцов найти торговый путь в Китай через Московию.

Пребывание монгольских послов в Москве затянулось: только 5 августа 1617 г. они были «с честью» отпущены на родину. Им вручили «государево жалованье» для Алтын-хана, которое включало именно те предметы, о которых просил монгольский князь. В Москве явно остались довольны результатами первого монгольского посольства. В Посольском приказе сочли, что появилась возможность утвердить в русском подданстве Алтын-хана. В письме томским воеводам Бобарыкину и Хрипунову прямо указывается, что «Алтын хан со всеми своими улусами и киргизские люди под государевою рукой быть хотят»²⁴. О том, что это не так, что невольное заблуждение Тюменца позволило трактовать прибытие монгольских послов в Москву как намерение вступить в подданство, узнали несколько позже, в связи с поездкой Ивана Петлина в Китай.

С монгольскими послами, возвращавшимися из Москвы, И. С. Куракин направил в качестве охраны пристава Ивана Петлина с двумя казаками, которые не только должны были довести монголов до кочевья Алтын-хана, но и добраться до Китая.

О посольстве Петлина написано немало. Его статейный список неоднократно публиковался в XVII в.²⁵ на многих

²³ Е. Якубов, *Россия и Швеция* («Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских», М., 1897), стр. 46.

²⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 54, л. 69.

²⁵ Сведения о публикациях статейного списка И. Петлина см.: Ф. И. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году*, стр. 272; J. Baddeley, *Russia*,

европейских языках. Но непосредственно для истории русско-монгольских отношений это путешествие Ивана Петлина не имеет большого значения, поскольку целью его поездки был Китай, а не Монголия. Следует только отметить, что Алтын-хан принял его, по-видимому, приветливо (Петлин очень скупно сообщает об Алтын-хане) и, снабдив проводником и лошадьми, отправил в далекий и трудный путь. Он помог Петлину и на обратном пути, причем не преминул отправить с ним в Москву новое посольство во главе с Тархан-ламой, которое выяснило недоразумение, возникшее по вине Тюменца. Интересно отметить, что принесение присяги, или шерти, состояло из двух актов: признание государевой власти на словах и принесение шерти по шертной записи, составленной в Посольском приказе. Имея предварительное согласие Алтын-хана, как утверждал Тюменец, русское правительство предполагало закрепить его подписанием грамоты. Но приехавшее с Петлиным монгольское посольство сообщило, что Алтын-хан не намерен приносить вассальной присяги русскому царю.

Отправляя своих послов во второй раз в Москву (1618 г.), Алтын-хан хотел получить от русского правительства военную помощь в его борьбе против ойратов и наладить торговый обмен с близлежащими сибирскими городами, поскольку кочевое хозяйство не могло производить всех необходимых предметов. С Тархан-ламой были отправлены две грамоты: одна на монгольском, другая на каком-то ином восточном языке (возможно, на тибетском)²⁶. О том, что тибетский язык был достаточно хорошо известен в Монголии в XVII в., имеется ряд указаний в исторической литературе. Так как прочесть монгольское письмо в Москве никто не мог, Тархан-лама изложил на словах причины отправления посольства: «Прошенье мое (т. е. Алтын-хана. — Н. Ш.), чтоб межь нас с тобою послы ходили и торговым бы нашим людем дорога в твое государство и твоим людем к нам была чиста». Далее Алтын-хан просит приказать томскому, тобольскому и

Mongolia and China..., vol. II, p. 67—68; М. П. Алексеев, *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей*, изд. 2, Иркутск, 1941, стр. 311—312.

²⁶ Тибетские буквы, употребленные в письмах Алтын-хана для пояснения произношения монгольских букв, позволяют нам высказать такое предположение (см.: ЦГАДА, ф. 214, стлб. 1469).

тарскому воеводам выслать ратных людей, чтобы совместными усилиями напасть на ойратов («на Каракул-тайшу и на ево людей») ²⁷. Естественно, что московское правительство отнеслось к такому предложению с осторожностью. В ответном письме царя Михаила Федоровича, отправленном с сопровождавшим Тархан-ламу русским приставом, подчеркивалось, что Российское государство согласно охранять Алтын-хана от врагов в том случае, если он станет «под высокую государеву руку» ²⁸.

Ничего не добившись, монгольское посольство выехало из Москвы в конце 1620 г., а вслед за ним в Тобольск была отправлена грамота с указом не вступать впредь с Алтын-ханом ни в какие отношения. В ней говорилось: «А впредь бы есте с Алтыном царем и с Китайским и с Мугалским государством без нашего указа ни о чем ссылки не держать, потому что те государства дальние и торговым людем ходити от них в наши государства далеко, а Алтын царь — кочевные орды, люди воинские, а нашим государствам прибыли от них, кроме запросов, никакие нет и впредь не чаяти» ²⁹.

Так были прерваны переговоры с Алтын-ханом о принесении им присяги русскому царю. Московское правительство не настаивало на своем первоначальном предложении, выяснив нежелание монгольского князя принести шерть. Но с Алтын-ханом пришлось считаться в дальнейшем, при продвижении русских на юг.

Через некоторое время после отъезда монгольских послов пришлось отправить еще одно письмо к Алтын-хану. В этом письме ясно выражено неудовольствие по поводу сбора монголами албана с киргизского старшего князя Немека, с князьков Номча, Кара и других, которые подали жалобу томскому воеводе на Алтын-хана. В Тобольске у монгольских послов был произведен обыск и найдено девять самопалов, которые они везли «украдом, а ни в каком городе не объявя» ³⁰. Известно, что московское правительство запрещало вывоз огнестрельного оружия из

²⁷ Ф. И. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году*, стр. 297.

²⁸ Письмо это опубликовано в кн.: J. Baddeley, *Russia, Mongolia and China...*, vol. II, p. 88.

²⁹ Ф. И. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году*, стр. 301.

³⁰ Там же, стр. 303.

Сибири, боясь, что при случае оно легко может обратиться против русских городов. Послам ничего не оставалось, как отдать увезенные украдкой пищали. На просьбу уплатить стоимость изъятых пищалей русские ответили отказом.

На этом обмен посольствами между Москвой и монгольским князем (два русских и два монгольских посольства) был прерван. Продвижение русских на юг от Томска было задержано, овладевать силой монгольскими землями или территорией, на которой время от времени появлялись эмиссары Алтын-хана и собирали албан, сибирская администрация не имела реальных возможностей. Стремление Русского государства узнать дорогу в Китай было в какой-то мере удовлетворено. В результате поездки Ивана Петлина стало ясно, что путь в страну далек и труден. Попытка завязать торговлю с Китаем в 20-х годах XVII в. не удалась. Но вследствие путешествия Ивана Петлина было совершено одно из важнейших русских географических открытий XVII в.

В 1623 г. в подтверждение приказа прервать переговоры с Шолоем Алтын-ханом в Томск и другие сибирские города был направлен новый указ не пропускать в Москву «мугальских и калмыцких послов: мугалы люди кочевные и воинственные, и прибыли от них государству не чаяти»³¹.

Только через десять с лишним лет возобновился прерванный обмен посольствами между Русским государством и монгольским князем. Алтын-хан не делал в течение этих лет попыток возобновить отношения, он был занят войной с ойратами, которая велась с переменным успехом³². Возможно, что именно под натиском войск Алтын-хана некоторые ойратские князья откочевали к Ямышеву озеру, где находились соляные варницы, снабжавшие солью русское население Западной Сибири.

Феодальные распри между Шолоем Алтын-ханом и ойратами создавали напряженное положение в пограничных районах Сибири, вынуждали сибирскую администрацию усиливать немногочисленные гарнизоны в городах и острогах, расположенных в южных районах бассейнов Енисея и Оби. Так, томские воеводы, боявшиеся близкого

³¹ И. Е. Фишер, *Сибирская история...*, стр. 320.

³² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 81, л. 97.

соседства Алтын-хана и ойратов, просили Москву об увеличении гарнизона³³, который состоял всего лишь из 283 казаков и был явно недостаточен для охраны города в случае нападения. Кузнецкий острожек, Чатцкий городок, острожек на Красном Яру обстраивались укреплениями и тщательно охранялись. Неоднократно воеводы этих городов получали наказания «жить с великим бережением и самим бы вам задору никаково не чинити»³⁴.

После 1628 г. в пограничных районах начали распространяться слухи о происходящей в Монголии войне. В Томск стали поступать отрывочные информации о царе Чачине (Чагире, или Дечин-хане), который будто бы собирается выступить против монголов, в частности против Алтын-хана. Каждая информация, полученная в Томске от киргизов и кузнецких татар, немедленно докладывалась в Москву³⁵.

Из-за скудости дошедших до нас сведений об этом времени мы не можем обойти молчанием те слухи о военных междоусобицах в Халхе, которые просочились в Томск и были зафиксированы в воеводских отписках в Москву. Сопоставляя сведения этих отписок с имеющимися данными монгольской истории за указанный период, приходится согласиться с положением, высказанным Бэддли, что под именем царя Чачина следует понимать Лэгдан-хана чахарского³⁶, который, как известно, имел своих союзников

³³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 79, л. 96; док. 78, л. 93.

³⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 83, л. 102.

³⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 110, 129, 143.

³⁶ В донесениях русских информаторов сохранилось несколько названий чахарского хана. Татарин Алтын Чалка, один из первых доставивший о нем сведения, называет его или царь Чачин, или Чагир; казак Ивашко Тимофеев, ездивший в 1630 г. «в Моторскую землицу на Красный Яр», называет его Дечен кан. Посол Алтын-хана Байгал Баксаев в 1631 г. рассказывал о «Чахир кане», а русский посол Казый Карякин (1632 г.) неоднократно упоминает о «Чачиркане». Другой русский посол, Яков Тухачевский (1634 г.), называет его «Чагарским Дючина ханом». Во всех документах употреблены названия «Чачин», «Чагир», «Чачир», «Чахир», которые представляют собой искажение монгольского *Сагаг-ун пап*. Другое название — «Дючина хан» или «Дечен кан» является довольно незначительным искажением от монгольского „*döcün Mongγol-un han*“, что значит «хан сорока монголов» (т. е. хан сорока монгольских туменов).

Если хронологически сопоставить сведения, полученные русскими информаторами, с датами жизни Лэгдан-хана, то не останется сомнений, что в русских документах речь идет именно

в Халхе, с ним поддерживал связь Цокту-тайджи³⁷. Вспыхнувшие в Халхе междоусобицы связаны, по мнению Б. Я. Владимирцова, с выступлением Лэгдан-хана против маньчжуров, с его попытками объединить монгольские княжества. Эти предположения Владимирцова находят подтверждение в русских архивных документах. Так, один из разведчиков, «юртовский татарин Куска», сообщил в Кузнецкий острожек, что «царь Чачин поднялся войной на Китайское царство и даже угрожает пойти на Алтына царя войной же», и последний поэтому «прикочевал под киргизские люди за три днища на их киргизских людей кочевье»³⁸. В этой информации представляют несомненный интерес, во-первых, известие о войне «царя Чагира» с «Китайским царством», что совпадает по времени с действиями, предпринятыми Лэгдан-ханом против маньчжуров; во-вторых, сообщение, что Алтын-хан в страхе перед Чагир-ханом перекочевал на север. В монгольских материалах не имеется никаких данных, подтверждающих второе сообщение, но в то же время известно, что против Цокту-тайджи, поддерживавшего Лэгдан-хана, выступила коалиция монгольских князей. Возможно, что и Алтын-хан принял участие в этих событиях и в результате каких-то столкновений вынужден был откочевать на север.

Сведения «юртовского татарина Куски» подтверждались и другими информаторами. В июле 1629 г. в Кузнецкий острожек «прибежал... ясачный татарин Алты Чалка» и сообщил, что подлинно де ходил войною царь Чагир кан, а взял он Китайское государство приступом передовыми людьми на верблюдах, а бой у тово царя Чагира кана пищальной, а идет подлинно на Алтына царя с войною же, и тот Алтын царь тово царя Чагира кана откочевал... где кочевали верхние и нижние киргизские лю-

о нем. Первые сведения русских о Лэгдане относятся к 1627 г., когда он вел войну с монгольскими феодалами. В 1632 г., отступая на запад, Лэгдан захватил в Ордосе знаменитые «*пайман сауан герг*», где хранились реликвии Чингис-хана, и лишил титула джинона ордосского князя Эринчина Омбо-хунтайджи. Последний, как сообщает Тухачевский, убил Лэгдана. На самом же деле чахарский князь умер от удара в 1634 г.

³⁷ Б. Я. Владимирцов, *Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи* («Известия Академии наук СССР», М., 1927), стр. 234.

³⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 110, л. 128.

ди, а киргизские люди побежали от Алтыновых людей»³⁹. Тот же татарин утверждал, что «говорил тот царь Чагир кан — де дойду до русских людей и яз к ним к русским людем учну своих послов посылать»⁴⁰. В доступных нам монгольских материалах не удалось обнаружить подтверждения этим сведениям. Можно только высказать предположение, что подобная информация является отражением каких-то слухов, распространившихся в Монголии.

Надо отметить, что Томская приказная изба внимательно следила за событиями в Монголии. В сентябре 1631 г. от Алтын-хана неожиданно прибыл гонец, который просил «оборонить ево (Алтын-хана. — *Н. Ш.*) от Чагир кана»⁴¹. Так было записано в приказной избе переданное посланцем поручение Алтын-хана, но запись оказалась не совсем точной, как выяснилось впоследствии.

Томский воевода князь Иван Татев, воспользовавшись случаем, грубо и решительно потребовал от монгольского гонца принесения присяги на верность. Томский воевода обещал выполнить просьбу Алтын-хана только в том случае, если тот станет под «государеву высокую руку». Татев заставил монгольского посла принести клятву на верность по широко распространенному в Сибири обычаю: дающий присягу должен съесть кусок хлеба, поднесенный ему на острие ножа, в то время как над его шеей поднимали обнаженную саблю. Монгольский посол выполнил этот обряд, но очень обиделся, так как этот обычай принесения присяги показался ему унижительным. Впоследствии Алтын-хан припомнил русскому послу это оскорбительное для него происшествие⁴².

Воспользовавшись приездом монгольского посланца, Татев решил отправить к Алтын-хану томского сына боярского Казыя Карякина, поручив ему собрать сведения о таинственном Чагир-хане и проехать, если это будет возможно, в его кочевья, чтобы самому «провеждать про Чагир хана доподлинно»⁴³.

Таким образом, прерванный обмен посольствами был восстановлен по инициативе Алтын-хана, искавшего опоры и поддержки у могущественного соседа. Казый Каря-

³⁹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 143. л. 222

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 74, л. 404.

⁴² Там же, л. 225.

⁴³ Там же, л. 338.

кин побывал на р. Кемчик, где в эти годы находилась ставка Алтын-хана, и по возвращении представил воеводе свой статейный список, который впервые исследуется довольно подробно в данной работе. Отчет Карякина весьма любопытен. Он содержит новые интересные подробности о положении в Монголии. Сведения о Чагир-хане, собранные русским посланцем, помогли окончательно установить, что под этим именем в русских документах фигурирует Лэгдан, знаменитый хан чахаров. Из рассказов Алтын-хана Карякину стало известно, что Лэгдан-хан имеет большое войско, снабженное «боем лучным, копейным и огненным», что он «поимал и Китайское и Лабинское государства взял, и ныне де с ним с Чагир каном, сказывают, люди многие»⁴⁴. Не следует, однако, принимать на веру весь рассказ Алтын-хана, обросший легендами и слухами, так как это всего лишь своеобразная интерпретация событий, происходивших в Южной Монголии.

При изучении статейных списков Казыя Карякина, Якова Тухачевского и Дружины Огаркова можно установить, что они имели дело не с Шолой Убаши-хунтайджи, а с его наследником, старшим сыном Омбо Эрдэни. Никто из трех русских посланцев не указывает собственного имени Алтын-хана, но они сообщают имена двух его братьев — Иэлдэн и Дайчин. Как раз у Омбо Эрдэни были братья по имени Дайчин и Иэлдэн⁴⁵. Кроме того, Тухачевский в статейном списке упоминает о матери Алтын-хана, «царице Чеченкатун», что также подтверждает наш вывод. Ведь Шолою Убаши в 1616 г., когда его посетил Тюменец, было 60 лет, и трудно допустить, чтобы через 16—18 лет (в 1632—1634 гг.) еще была жива его мать. Точной даты смерти Шолоя установить не удастся. По-видимому, он умер в конце 20-х годов, а Омбо Эрдэни сменил его, сохранив титул Алтын-хана. Из «Илэтхэл Шастир» известно, что Омбо Эрдэни пользовался в Халхе большим влиянием. Его имя встречается в числе имен четырех дзасаков, управлявших Халхой еще до учреждения в 1655 г. восьми дзасаков⁴⁶. В «Илэтхэл Шастир» об этом сказано так:

⁴⁴ Там же, л. 392.

⁴⁵ «Шара Туджи». *Монгольская летопись XVII в.*, стр. 165—167.

⁴⁶ Дз а с а к и — князья-правители. Подробнее см. на стр. 79.

«Прежде, до того как были установлены восемь дзасак-ов восточного и западного крыла, западным крылом управлял один дзасак по очереди: Норбо Джочи, Омбо Эрдэни, Сэцэн-джинон, Хундулэн-тойн»⁴⁷. В «Илэтхэл Шастир» имя Омбо Эрдэни упоминается неоднократно, главным образом при описании событий 40-х годов.

Карякин вел переговоры с Алтын-ханом о формальном принесении им присяги на верность Русскому государству. По его словам, Алтын-хан не отказывался от своего намерения «стать под высокую государеву руку» и готов был отправить в Томск двух специальных послов, которые бы от его имени принесли присягу. Казый Карякин утверждал, что монгольский князь во время переговоров сказал: «И будет государь велит мне Алтыну шерть дать, и я де с табунами своими и с лутчими людьми шертовать готов, где государь укажет»⁴⁸. Однако несколько ниже Карякин сообщает, что Алтын-хан только тогда пошлет в Томск своих челобитчиков, когда ему «про Чачиркана будет весть, что пойдет на меня, Алтына, войною»⁴⁹.

Таковы данные русского архивного документа. К сожалению, они не подтверждены монгольскими материалами, и поэтому мы располагаем лишь односторонними сведениями. Следует весьма осторожно относиться к уверениям русских послов о намерении монгольского князя принести присягу, так как дальнейшее поведение и действия Алтын-хана противоречат этим утверждениям. Алтын-хан стремился к союзу с Русским государством, искал в нем опоры и военной помощи только тогда, когда ему угрожала опасность. Отправляя своих послов с возвращавшимся в Томск Казыем Карякиным и давая им наставление о принесении шерти, Алтын-хан подразумевал под этим своеобразный дружеский договор о взаимной помощи. А томские воеводы считали, что принесенная шерть обязывает хана быть подданным Москвы и платить ясак. Каждая из сторон по-своему понимала предстоящий акт принесения присяги.

Московское правительство, получив информацию из Томска об отправке Алтын-ханом послов с просьбой о подданстве, решило возобновить с ним отношения и принять

⁴⁷ «Илэтхэл Шастир», тетр. 61, л. 9.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 74, л. 395.

⁴⁹ Там же, л. 394.

его в подданные Русского государства. Это позволило бы русским разрешить вопрос о пути в Китай и упорядочить взимание ясака в южных районах Сибири. Принятие в подданство столь влиятельного владыки северо-западного района Монголии, каким являлся Алтын-хан в первой четверти XVII в., сопровождалось соответствующей церемонией.

В Казанском приказе, занимавшемся вопросами Сибири, были выработаны особые правила приема послов Алтын-хана в Томске и церемониал принесения ими шерти. Все эти приготовления свидетельствуют о том, что московское правительство благосклонно отнеслось к намерению монгольского князя добровольно принять русское подданство и решило обставить этот акт торжественно и пышно.

На случай прибытия нового посольства от Алтын-хана томским воеводам была направлена подробная инструкция⁵⁰, в которой рекомендовалось выстроить посольский двор, где поместить приехавших монголов после встречи, которая должна быть «людна, нарядна и стройна»; назначить к ним особого пристава из сынов боярских, подьячего и «добротоулюбца»; для охраны выделить отряд служилых людей с пищальями. Томская приказная изба должна содержать послов «честно и доволно», снабжать угощением, вином и в день приезда подарками. Если послы, выполнив поручение, захотят вернуться в Монголию, то надлежало уговорить их дожидаться ответа из Москвы. В том случае, если они будут настаивать на отъезде, отпустить их, задержав лишь одного. Монголов, выразивших желание ехать в Москву, следовало хорошо снабдить на дорогу. Словом, инструкция предусматривала все возможные варианты для приема монгольских послов.

Кроме инструкции, в Томск было направлено сообщение об отправке к монгольскому князю нового большого посольства во главе с Яковом Евстафьевичем Тухачевским для принятия от Алтын-хана присяги.

В Казанском приказе была заготовлена особая шертная грамота, парадно оформленная: «На олександрейской на средней бумаге и государево имя написано золотом, а буки писаны золотом же... Печать у грамоты государева царственная на красном воску под кустодею»⁵¹.

⁵⁰ Инструкция была отправлена в Томск 8 апреля 1632 г. (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 74, лл. 422—434).

⁵¹ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 74, л. 359.

Кроме того, послы везли Алтын-хану письмо от царя Михаила Федоровича и дорогие подарки. Из Оружейной палаты был затребован тесак в серебряной и позолоченной оправе, из Приказа серебряных дел — два кубка «с кровлями золочены» и серебряная братина. Были посланы сукна «аглини и лундыш» (английские и лондонские — названия высших сортов сукон), турецкий атлас и другие материалы, всего на большую по тем временам сумму в 320 рублей.

Посольство Тухачевского по сравнению с предыдущим было значительно многолюднее и богаче. Его сопровождал довольно большой торговый караван. Кроме Якова Тухачевского, в состав посольства входили Лука Васильев (по-видимому, тот самый «новокрещен Лучка Васильев», который сопровождал в Монголию Василия Тюменца в 1616 г. и стал впоследствии томским сыном боярским), секретарь посольства подьячий Дружина Огарков и свыше 30 служилых людей.

В первые же дни совместной работы между Тухачевским и Огарковым произошли трения, которые вылились впоследствии в открытую ссору. Дружина Огарков усмотрел в действиях Тухачевского чуть ли не измену русскому царю, и это вынудило его по возвращении в Томск подать отдельный статейный список, а затем подробное дополнение к нему.

Судя по сохранившимся документам, Яков Тухачевский был хорошо образованным человеком, обладавшим незаурядными способностями. Об этом свидетельствует поданный им статейный список, который сохранился в двух вариантах. Один из них, находящийся в фонде Сибирского приказа, подписан Тухачевским лично⁵². Другой является дефектной копией с первого и хранится в делах Посольского приказа⁵³. Статейный список Якова Тухачевского впервые был опубликован на английском языке⁵⁴. На русском же текст списка не публиковался, но краткое содержание его было изложено И. Е. Фишером.

⁵² Там же, лл. 218—258.

⁵³ ЦГАДА, ф. 126, 1634 г., стлб. 1.

⁵⁴ J. Baddeley, *Russia, Mongolia and China...*, vol. II, p. 97—104. — Относительно публикации на английском языке следует отметить, что перевод сделан с дефектного списка, хранившегося в делах Посольского приказа. Список же, находившийся в де-

Тухачевский, приехавший в ноябре 1634 г. во владения монгольского князя, был направлен в ставку его матери Цэцэн-хатун (в русских документах—Чеченкатун), куда для свидания с ним приехал сам Алтын-хан. Когда начались переговоры о принесении шерти, выяснилось, что монгольский князь изменил свое намерение, так как необходимость в военном союзе с русскими отпала. За время, прошедшее между приездом в Томск монгольского посланца (сентябрь 1631 г.) с просьбой о военной помощи и приездом Якова Тухачевского к Алтын-хану, положение в Монголии изменилось. В 1634 г. Лэгдан-хана, как известно, уже не было в живых, Цокту-тайджи еще раньше был изгнан из Халхи. Угрожающее положение, которое вынудило Алтын-хана обратиться в Томск за помощью, по-видимому, уже прошло. Поэтому он отказывался принести шерть. Только после настойчивых требований Тухачевского Алтын-хан согласился на компромисс — он не хотел сам лично совершить обряд принесения присяги, а поручил выполнить его доверенными лицами по монгольскому обычаю. Обычай же этот связан с принесением клятвы в побратимстве, когда равный с равным заключают дружественный союз и для подкрепления клятвы пьют из чаши вино (или воду), куда положено золото. Табунанги⁵⁵ Алтын-хана, исполнявшие обряд присяги, настояли на том, чтобы Тухачевский тоже выполнил его. Последний, не понимая истинного значения обряда, согласился. После этого Тухачевский решил, что монгольский князь стал вассалом московского царя и в таком духе составил свой отчет. Но Алтын-хан рассматривал акт принесения присяги скорее как заключение дружественного

лах Сибирского приказа, значительно полнее и в хорошей сохранности. В списке Посольского приказа отсутствуют листы, которые в списке Сибирского приказа числятся под номерами 230, 231, 232, 233, 234, 235, 238, конец листа 239, начало 240 и др. Кроме того, в английском переводе имеются искажения текста, вызванные или неверно понятым старинным выражением, или какой-либо другой причиной, которую даже трудно объяснить. Например, при переводе абзаца, в котором рассказывается об отказе табунангов (приближенных Алтын-хана) пить воду «с золота» без русского посла, выражение «нашему быть и большему» почему-то переведено так: «We shall be bewitched» — «мы будем околдованы». Подобных примеров перевода можно привести несколько.

⁵⁵ Табуна́нг (tabunang) — термин, обозначающий родственную связь и вассальную зависимость. ■

союза. Это различное понимание совершившегося факта привело в конце концов к разрыву между договаривающимися сторонами.

Хотя Яков Тухачевский и привез шертную грамоту от Алтын-хана, ставившую монгольского князя в зависимость от московского царя, но некоторые обстоятельства делали этот документ не очень убедительным. Отсутствие личной подписи Алтын-хана, бесконечные препирательства с Тухачевским по поводу формы присяги доказывали непрочность вассальных отношений. Об этом же свидетельствовала подача отдельного статейного списка Дружиной Огарковым, который опровергал утверждение Тухачевского об удачном выполнении задачи посольства и обвинял его в том, что он заключил с Алтын-ханом только союз. Огарков, как видно, более правильно подметил сущность принесенной монгольскими табунангами клятвы, когда утверждал, что они шертовали «на том, что им мугалским людям жить с русскими людьми в совете и в дружбе и женитца руским людям у мугальцев, а мугальцом у русских людей»⁵⁶.

Необходимо было выяснить действительное положение дел, воспользовавшись прибытием в Москву в 1635 г. монгольских послов. Они везли жалобу Алтын-хана на поведение русских, особенно Дружины Огаркова, в ставке монгольского князя. Действительно, когда читаешь документы и отписки томских воевод Егупова-Черкасского и Шишкина по делу Тухачевского и Огаркова, то удивляешься недостойному поведению последнего. Не однажды дело доходило до угроз оружием, инициатором чего неизменно являлся Огарков. Так, «декабря в 19 день Дружина хотел зарезать сына боярского Луку Васильева и кричал на него огюльным матом, и поблиску Чечен царицы стояли и увидели де дворовые жонки Чечен царицы и сказали Чечен царице, и царица присылала человека своего говорить, как де они Яков и Дружина грозново и великого государя не блюдетесь... ножом режетесь и кричите всегда»⁵⁷.

Впоследствии Тухачевский писал, что «подьячий Дружина Огарков ево, Якова, не слушал и статейново списка не писал, и Алтына царя и мать ево, Чечен цари-

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 74, л. 290.

⁵⁷ Там же, л. 199.

цу, лаял, и послом Алтына царя угроживал, и ево, Якова Тухачевского, лаял же и, лаючи, называл его воровским и метовщиком⁵⁸.

Кроме жалобы Алтын-хана, были также поданы томским воеводам челобитные монгольских послов Тарханабакши и Урал Конзина, оскорбленных Дружиной Огарковым. Подлинники этих челобитных были отправлены в Москву.

Дружина Огарков был обвинен в том, что «бесчестил всякою бранью Дурала Табуна (родственник Алтын-хана. — *Н. Ш.*)⁵⁹, как к нему приходили з дарами, бранил всякого неподобною бранью и дары ево бросал и его бранил, да и лабу⁶⁰ Даин Мерген ланзу, как их провожал до кыргиз на дороге и в кыргизах, бесчестил»⁶¹.

Посольский приказ принял решение наказать Дружину Огаркова в присутствии монгольских послов, что и было выполнено на обратном пути последних из Москвы летом 1636 г. в Томске: «Перед послы Алтына царя и лабиным и бит кнутом нещадно и посажен в тюрьму, чтоб, на то смотря, неповадно было иным так воровать»⁶². Несмотря на тяжесть наказания, Огарков продолжал обличать Тухачевского в том, что он «приводил табунов Алтына царя к шерти не в холопство тебе, государю, в братство и отдавал де Яков твои государевы города, и по Яковлеву де воровству алтыновы люди приходили под твои государевы города под Кузнецкой и под Красноярской и на Чюлымские ясашные волости»⁶³.

Встревоженные томские воеводы потребовали Огаркова на допрос в съезжую избу. На допросе Огарков вы-

⁵⁸ Там же, л. 197.

⁵⁹ В русских архивных документах Дурал-табун (Дурал-табунаг) в некоторых случаях называется братом или младшим братом Алтын-хана (в отписках воевод в Посольский приказ), двоюродным его братом (в статейном списке Я. Тухачевского) или зятем его (отписка Ромадановского). В монгольской летописи «Шара Туджи», где достаточно подробно перечислены имена братьев Алтын-хана Омбо Эрдэни, имени Дурал-табуна не встречается («*Шара Туджи*». *Монгольская летопись XVII в.*, стр. 167).

⁶⁰ В русских архивных документах очень часто вместо слова «лама» употреблено «лаба». Чередование «м» и «б» в западных диалектах монгольского языка отразилось в русских записях этого слова.

⁶¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 153, л. 243.

⁶² Там же, лл. 243—244.

⁶³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 168, л. 288.

двинул новое обвинение против Тухачевского. Он заявил, что во время переговоров табунанги Алтын-хана потребовали, «чтобы качинские татары, Красноярской острог, да тунгуские татары, Енисейской острог, да обинские татары, Кузнецкой острог, да чюлымские и чацкие мурзы были отданы Алтын хану». Дружина Огарков утверждал, что он в этом требовании табунангам отказал, «а Яков де им в те поры молчал... и про тое де отдаче острогов ведает Яков Тухачевский и толмачи»⁶⁴. Это могло быть квалифицировано как обвинение в государственной измене и подлежало дальнейшему розыску. Дружина Огарков тем временем был до новых распоряжений посажен в тюрьму.

Ранее произведенное дознание⁶⁵, которое было вызвано подачей отдельного статейного списка Дружиной Огарковым, не дает материалов, подтверждающих новые обвинения. Хотя обвинения, изложенные в этом списке, не были столь категоричными, какими они стали впоследствии, но и в них довольно отчетливо видно намерение Огаркова обвинить Тухачевского в государственной измене. Так, он утверждал, что Тухачевский допустил, чтобы люди Алтын-хана еще в Кузнецком остроге говорили про русского царя «непристойное слово», что на приеме русские послы были посажены ниже тангутских лам. Огарков утверждал, поскольку Тухачевский при совершении табунангами обряда принесения клятвы сам также «пил с золота», монголы решили, что русский посол заключил с ними союз.

На все эти обвинения Тухачевский дал подробные разъяснения. Так, например, он заявил, что «пил с золота» потому, что табунанги боялись порчи и не хотели первыми прикоснуться к чаше с водой, в которой лежало золото. Показания Тухачевского были подтверждены также другими участниками посольства: сыном боярским Лукою Васильевым и томскими конными казаками Щепеткинским, Серебrenиным и др. Так как все члены посольства дружно опровергали обвинения Огаркова по адресу Тухачевского, то дальнейшее расследование было прекращено.

⁶⁴ Там же, л. 289.

⁶⁵ Сохранившийся в Сибирском приказе протокол дознания датирован маем 1635 г. Оно велось еще томскими воеводами Егуповым-Черкасским и Шишкиным до смены их на воеводстве (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 74, лл. 288—295).

Через год Огарков возобновил свои обвинения, прибавив к ним, как мы видели, еще более тяжкие. Он обличал Тухачевского в прямой государственной измене, в подстрекательстве Алтын-хана на походы против сибирских городов и в стремлении отдать эти города монгольскому феодалу. Но поскольку в сохранившихся делах не встречается материалов дальнейшего расследования и известно, что Тухачевский через два года получил назначение вторым воеводой в Мангазею⁶⁶, то можно сделать вывод, что обвинениям Огаркова не было придано большого значения.

Необходимо было добиться ясности в вопросе о подданстве Алтын-хана. Эта цель и определила характер последовавших вскоре переговоров.

Как уже было сказано выше, Алтын-хан отправил с Тухачевским ответное посольство. В него входили два представителя от самого монгольского князя и один от тангутского ламы Даин Мерген-ланзу, сыгравшего видную роль при переговорах о принесении шерти. В Москву их сопровождали приставы Василий Старков и Лука Васильев.

Посольство доставило в Москву (в 1635 г.) письма Алтын-хана и ламы Даин Мерген-ланзу⁶⁷. В письме Алтын-хана, кроме жалобы на поведение Дружины Огаркова и некоторого неудовольствия настойчивыми требованиями Тухачевского по поводу принесения присяги, содержится просьба прислать ему «золота, серебра и жемчуга». Алтын-хан хочет, чтобы к нему направили переводчика, который умел бы читать и по-русски и по-монгольски, чтобы можно было с уверенностью вести переговоры, а то русские грамоты остаются непереуведенными. При этом он жаловался, что «послы Яков и Дружина... тое ныне грамоты ему не чли ж»⁶⁸. Просил также Алтын-хан послать ему «лекаря с зельем» и мастеров пищального и серебряного дела. Не в интересах Москвы было снабжать монгольского князя оружейными мастерами. Русское прави-

⁶⁶ «Древняя российская вивлиофика», т. III, изд. 2, М., 1788, стр. 163.

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 163, лл. 269—276.— Подлинники писем до сих пор в архивах не обнаружены. О содержании их можно судить по наказу, отправленному из Посольского приказа в Томск, вероятно, в феврале 1636 г.

⁶⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 163, л. 269.

тельство никогда не поощряло торговлю оружием. Известны случаи, когда у монгольских послов были отобраны пищали, купленные ими «в тай в Москве». И теперь, чтобы не обострять и так уже становившихся довольно напряженными отношений, было дано указание в Томск выплатить монгольскому посольству стоимость пищалей, изъятых у монголов более десяти лет назад.

— Лама Даин Мерген-ланзу свое письмо посвятил описанию той роли, которую он сыграл в принесении присяги на верность русскому царю табунангами Алтын-хана. Лама без всякого стеснения заявлял, что только благодаря ему и состоялось шертование, и просил прислать за это «государево жалованье».

— Хотя в столице монгольские послы пробыли недолго, вернулись они в Томск лишь в июле 1636 г. в результате задержек в пути. В Москве было решено отправить с ними новое русское посольство, которое должно было выяснить прочность принесенной Алтын-ханом присяги, получить его личную подпись под новой шертной грамотой и сгладить неприятное впечатление, оставшееся у монголов от действий Огаркова и ссор его с Тухачевским. К Алтын-хану поехали сын боярский Степан Александров по прозвищу Греченин и подьячий Андрей Самсонов в сопровождении толмача и семи казаков охраны. Они везли Алтын-хану царскую грамоту.

Было отправлено ответное посольство и к «тангутскому ламе». В него вошли сын боярский Бажен Карташов, подьячий Герасим Тимофеев, толмач и пять казаков охраны. Они также везли царскую грамоту ламе Даин Мерген-лаңзу.

Каждый из послов был снабжен отдельным наказом, письмом и «государевым жалованьем». В наказе Степану Александрову подчеркивалось, что необходимо «Алтына-царя к шерти привести самово»⁶⁹ и напомнить ему при этом, что он сам прислал в Томск гонца Байгала-бакшу и просил о принятии в подданство: «Бил челом твоему царскому величеству, чтоб ево, Алтына царя, ты, государь, пожаловал, велел ево со всею ево ордою принять под свою царского величества высокую руку в холопство и от недругов оберегати»⁷⁰.

⁶⁹ Архив АН СССР, ф. 214, оп. 4, д. 17, док. 153, л. 240.

⁷⁰ Там же, л. 239.

В наказе Бажену Карташову указывалось, что в ответ за «службу и раденье»⁷¹, за помощь, оказанную при приведении к шерти Алтын-хана, к ламе отправлено посольство с грамотой и подарками. Бажен Карташов должен был вручить «государево жалованье» и Дурал-табунангу, с которым вместе кочевал лама Даин Мерген-ланзу.

Послы должны были рассказать, что жалобы Алтын-хана и ламы на поведение Дружины Огаркова удовлетворены и он наказан в присутствии монгольских послов⁷².

Большое внимание в наказах уделялось киргизским делам. Этот вопрос довольно часто рассматривался во время переговоров между русскими послами и Алтын-ханом. Еще Тюменцу было поручено указать монгольскому князю, претендовавшему на сбор ясака с киргизов, что последние являются данниками Московского государства. Были времена, когда киргизам приходилось выплачивать ясак и московскому царю и Алтын-хану. Томские воеводы настойчиво добивались ясности в этом вопросе и требовали от Алтын-хана, чтобы он заставил киргизов признать русское подданство и прекратил собирать с них ясак. И на этот раз С. Александров должен был передать Алтын-хану, что киргизские князцы «изменою приходили под государевы города под Кузнецкой и под Красноярской и в ясачные волости войною и лошадиные и коровье стада отогнали и ясачных людей грабили, а иных поимали к себе в улусы»⁷³, и внушить ему, чтобы он «тех государевых изменников от измены унял и подвел бы их под государеву высокую руку в холопство»⁷⁴. Мало того, Алтын-хану предлагалось заставить киргизов вернуть в Красноярский и Кузнецкий остроги захваченные ими табуны, ясачных людей и дать заложников в Томск из своих «лутчих людей».

Отпускать послов с богатой государевой казней через киргизские земли было небезопасно. Русские обратились к Алтын-хану с просьбой выслать охрану и подводы, «чтоб государеве казне и послам итти было бестрашно». Для этого «в кыргызы» был отправлен казачий десятник Абрамка Кизылов в сопровождении казаков и нескольких человек из монгольского посольства.

⁷¹ Там же, л. 241.

⁷² Там же, л. 242.

⁷³ Там же, л. 243.

⁷⁴ Там же.

За это время у киргизов успел побывать «тангутский лама Даин Мерген ланзу», который пригнал в Красноярский острог «многие лошади и коровы на продажу»⁷⁵. Но не только торговые интересы, по словам ламы, привели его в киргизские кочевья. Он сообщил Дмитрию Копылову, специально посланному к нему из Томска, что он «ныне в кыргизах пришол от Алтына царя приводить кыргизских людей под государеву царскую высокую руку»⁷⁶. Весьма любопытно: лама из далекого Тибета, живущий в качестве духовного наставника у монгольского феодала, приезжает к киргизам, чтобы склонить их к русскому подданству. Однако это заявление ламы — скорее всего дипломатический прием. Он мог приехать в киргизские кочевья из любопытства или чтобы узнать, возможно ли проникновение ламаистской церкви и в этот район. Известно, что ламаистская церковь уделяла большое внимание вопросам пропаганды. Если даже допустить, что лама «увещевал» киргизов «быть под государевой рукой», то действительно реальных результатов он не смог добиться, хотя ездивший к ламе томский десятник Василий Пеунов из отряда Копылова привез сведения о том, что «кыргызский князец Иженей и сын его Атаяк» говорили после «увещаний» тангутского ламы: «Видим мы ныне и сами, что нам промежь государевыми города и промежь Алтына царя не прожить»⁷⁷. К сожалению, в цитированном документе имеется пропуск, который не позволяет решить, к каким же действиям в дальнейшем склонялись «кыргызские князцы», но кое-какие выводы можно сделать из другого документа — второй отписки красноярского воеводы Н. Карамышева томскому воеводе. Приехавшие в Красноярск «с торгом» в июне 1636 г. «лабины и алтыновы люди» заявили, что впредь «их государь пожаловал, не велел посылать в Красново острогу ратных служилых людей войною на кыргызских, и на тубинских, и на кизыл-

⁷⁵ См. две отписки енисейского воеводы (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 200, л. 389; док. 202, л. 390; ЦГАДА, ф. 214, стлб. 49, л. 320).

⁷⁶ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 202, л. 390. — Те же сведения о намерениях Даин Мерген-ланзу «киргиских князцей и улусных людей подвести под твою государеву царскую высокую руку» содержатся в отписке красноярского воеводы с отчетом о посылке Дмитрия Копылова к ламе (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 49, л. 320).

⁷⁷ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 200, л. 389.

ских людей»⁷⁸. Мало того, они претендовали на то, чтобы ясырь, захваченный казаками «в кизылах (т. е. у кизильцев, тюркоязычной группы, обитавшей в XVII в. в бассейне р. Чулым), был бы возвращен обратно. На это Красноярский воевода предъявил со своей стороны требование вернуть «русский ясырь и ясачных людей», а также угнанные стада, которые киргизы захватили под Красноярском в 1634 г. Из этих разговоров видно, что тангутский лама фактически не собирался приводить киргизов «под государеву руку», а его пребывание в киргизских кочевьях имело, по-видимому, другие цели.

Как уже указывалось выше, основной задачей посольства Степана Александрова и Бажена Карташова было получение от Алтын-хана личной присяги. В составленной в Москве новой шертной записи, как и в предыдущих, указывалось, что Алтын-хан со всей ордой должен стать подданным Русского государства: «...Быти под его царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным». Однако статьи, перечисляющие обязанности нового подданного, показывали, что вмешиваться во внутренние дела монгольского княжества московское правительство не собиралось. Алтын-хану не указывались размеры дани, он мог установить ее сам («какову дань дати нам в мочь») ⁷⁹. Кочевать ему предлагалось «на прежних своих кочевьях».

Алтын-хан должен был прекратить «утеснять» киргизов, «киргизским и иных земель ясачным и всяким людем утеснения и обид никаких не чинить и ясаку и иных никаких податей с них на себя ничево не имати»⁸⁰. В случае военных действий в пограничных областях Алтын-хан обязывался выступать на помощь «русским ратным людем», и если ему становились известны враждебные замыслы «изменников государю», он должен был сразу же известить об этом томских воевод.

Русские послы везли Алтын-хану и ламе дорогие подарки. Сохранившаяся «роспись государева жалованья» показывает, что большинство просьб, о которых упоминалось в письмах Алтын-хана и ламы, было выполнено⁸¹. «Государево жалованье» окупало посланные в Москву:

⁷⁸ Там же, л. 390.

⁷⁹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 167, л. 286.

⁸⁰ Там же, л. 287.

⁸¹ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 164, л. 276.

дары монгольского хана, которые там были приняты как дань.

Степан Александров и Бажен Карташов выехали из Томска в августе 1636 г., а в апреле 1637 г. вернулись, не добившись от Алтын-хана личной подписи. Алтын-хан вновь отказался «самолично» приносить шерсть, и опять за него подтверждали ранее принесенную присягу Дурал-табунанг и лама Даин Мерген-ланзу. Получить это подтверждение было не просто, переговоры о нем затянулись, и посольство Степана Александрова пробыло в ставке Алтын-хана с 18 октября 1636 г. по 8 февраля 1637 г.

С возвращавшимися в Москву Александровым и Карташовым отправили своих послов Алтын-хан, лама Даин Мерген-ланзу и Дурал-табунанг. Сам Дурал-табунанг со свитой в 40 человек провожал посольство до Томска. Александров и Карташов известили томских воевод, чтобы те «изготовили под послы и под государеву дань подводы... и велели к нему (Дурал-табунангу. — Н. Ш.) навстречу выслать с кормом и с подводами»⁸².

Так как впервые в сибирский русский город ехал крупный монгольский феодал, томский воевода готовил ему парадную встречу согласно инструкции, полученной из Москвы⁸³. Около Томского посада, «к Томи в нижнем остроге», выстроили особый посольский двор. Навстречу Дурал-табунангу был отправлен сын боярский Петр Сабанкин со свитой, «одетою в чистое платье». На всем пути от места встречи до съезжей избы выстроились «пешие служилые казаки и жилецкие и оброчные и торговые люди... с пищалями»⁸⁴. Петр Сабанкин должен был произнести приветственную речь и проводить послов на приготовленный для них специальный двор, где их ждало обильное угощение. На следующий день состоялась парадная церемония приема у воеводы. Приехавшего в сопровождении целой свиты Дурал-табунанга и его сына Есакту у крыльца съезжей избы, «убранной в сукна и ковры», встретили боярский сын Харламов и подьячий Редров. Они приветствовали гостя речью и проводили в избу, где их ожидали воеводы. «Дурал табун и сын его Есакту, а с ним людей ево дватцать человек и стали на

⁸² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 176, л. 307.

⁸³ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 74, лл. 422—426.

⁸⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 176, л. 308.

коленках и говорили речь»⁸⁵. После обмена речами о здоровье великого государя и Алтына царя и расспросов, за чем Дурал-табунанг пожаловал в Томск, состоялось угощение. В тот же день были приняты послы Алтын-хана (Мерген Дега и Дархан Сухэ), посол от ламы Даин Мерген-ланзу и посол от Дайчин-нояна и Иэлден-нояна (братья Алтын-хана), которые вручили письма от своих владетелей. Им было поднесено угощение, и, по-видимому, наугощались основательно все: и хозяева и приехавшие гости, так как даже в отписке в Москву впоследствии сообщалось: «Вином и медом поены довольно и отпущены на двор пьяни... листов тово дни переводить было некому, в Томском ниhto мугальской грамоты не умеет, а им мугальским лбдям прочитатъ было не мочно, что были государевым жалованьем пьяны...»⁸⁶.

Столь весело закончившаяся встреча была омрачена событием, разыгравшимся на посольском дворе: «пьяный от государевой милости» Дурал-табунанг лег спать и был ранен «киргизским мужиком». Дело в том, что с Дурал-табунангом киргизский князец Ишей отправил в Томск двух «киргиских мужиков в кашеварах». Они должны были выяснить, что Дурал-табунанг будет делать в Томске и какая к нему будет «государьская милость». Один из этих «кашеваров» и выстрелил из лука в Дурал-табунанга, за что его тут же «у избы изсекли до смерти люди Дурал табуна». Другой же киргиз, когда его товарища «учали ножами резать», спрятался по совету одного из монголов, «чтоб ево тут же случицом не иссекли». Всевода распорядился спасшегося киргиза пытать в своем присутствии. Но за него вступились сами монгольские послы, утверждавшие, что им придется объяснять, почему был убит первый киргиз, и оставшийся в живых будет им порукой в правдивости их рассказа: «...И в том бы киргизском изсеченом мужике была очиска, что своровал тот мужик, застрелил Дурал табуна из лука, и за то ево изсекли, а тот мужик все видел и киргиским людем расскажет...»⁸⁷. Послы просили не пытать киргиза, а «держатъ его приставу» до того времени, пока они не пойдут обратно.

⁸⁵ Там же, л. 309.

⁸⁶ Там же, л. 313.

⁸⁷ Там же, л. 315.

Раненного в горло и в грудь Дурал-табунанга взялся лечить «томский служилой человек Макарко Яковлев»⁸⁸, который со своей задачей справился успешно: Дурал-табунанг, пролежав полтора месяца, смог явиться в съезжую избу для переговоров. Во время болезни он получал «государев корм и питье», как того требовал обычай содержания иностранных послов в Русском государстве.

По выздоровлении Дурал-табунанг был принят воеводой, вручившим ему подарки (английские сукна и выделанные кожи). Только теперь, через полтора месяца, состоялся разговор между воеводой и Дурал-табунангом. В этой беседе выяснилось, что причиной отказа Алтын-хана подписывать шерть явился термин «холоп», употребленный в тексте шертной записи. Дурал высказал воеводе недовольство тем, что письмо Алтын-хана переведено порусски как челобитная холопа, тогда как в монгольском тексте письма таких выражений не было («у них тово не повелось, чтоб писатца холопством, а холопство у них безчестно»)⁸⁹. Эти слова Дурал-табунанга лишней раз убеждают нас в том, что в вопрос о подданстве Алтын-хана вкралась крупная ошибка, основанная на непонимании сущности обряда «питья с золота».

Дурал-табунанг вернулся в Монголию, послы же отправились дальше, в Москву, в сопровождении пристава сына боярского Василия Старкова. Они везли дары московскому царю и письма от Алтын-хана, его братьев Дайчин-нояна, Даин-нояна, Иэдден-нояна, от двух сыновей Алтын-хана и от ламы Даин Мерген-ланзу. К сожалению, отсутствие монгольских подлинников не позволяет точно восстановить содержание писем, а переводы томских толмачей слишком многословны и содержат явные вставки от себя. Но и в таком виде эти письма представляют несомненный интерес для изучения русско-монгольских отношений. По-видимому, это первые по времени образцы дошедших до нас переводов с «речей» монгольских послов. О более ранних письмах Алтын-хана мы знаем лишь из отписок воевод и ответных писем от имени московского государя, где излагалось их содержание.

В своем письме к царю Михаилу Федоровичу Алтын-хан заявляет, что он «служит» великому государю «со

⁸⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 154, л. 247.

⁸⁹ Там же, л. 324.

всею своею ордою, на чем шертовал, и никакова дурна над государевыми людьми учинить не думал». При этом Алтын-хан с большой настойчивостью подчеркивал, что вполне достаточно той присяги, которую давали за него лама Даин Мерген-ланзу и Дурал-табунанг, и он готов выполнять все приказы великого царя. Он просил московского государя прислать русских ратных людей «тысяч с восемь или десять», с помощью которых он сможет «подвести под государеву руку многие земли».

Письма братьев и сыновей Алтын-хана содержат перечисление отправленных в Москву весьма скромных даров и просьбы прислать им «государево жалованье».

Известный интерес представляет также и перевод письма ламы Даин Мерген-ланзу, в котором он вновь напоминает о своем содействии во время подписания шертной грамоты. Лама оказался человеком много повидавшим, так как он побывал «и в Китайской, и в Тангуцкой земле, и в черных калмыках (ойратских кочевьях), и в иных во многих землях»⁹⁰. Судя по письму, ламе была свойственна некоторая дипломатическая ловкость. Сравнив поведение Дружины Огаркова с поведением новых послов Степана и Бажена, он пишет, что и впредь следует «присылать таких же послов добрых людей, а не как был прислан Дружина Огарков». Прежде чем перейти к просьбам выслать ему подарки, лама дипломатично перечисляет, сколько он дани отправил на этот раз царю Михаилу Федоровичу, царице Евдокии Лукьяновне, царевичам Алексею Михайловичу и Ивану Михайловичу, словом, всей царской семье, и что подарил членам русского посольства. В заключение он просит прислать ему «жемчугу, корольков и черных лисиц».

В конце письма лама объясняет, что путь в Китайское государство ныне открыт («дорога чиста»). Он пишет об этом потому, что Яков Тухачевский расспрашивал его про дорогу в Китай, «и в те поры дороги не было».

Любопытно отметить, что письмо было написано по-тибетски: «А на подписи у грамоты лабина рука, а написано по-тангуцки...»⁹¹. В Русском государстве, по-видимому, впервые было получено письмо на тибетском языке. Воз-

⁹⁰ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 182, лл. 318—321.

⁹¹ Там же, л. 321.

можно, что мы имеем дело с результатом перевода с тибетского на монгольский и с монгольского на русский.

Переводы писем, копии статейных списков и другие документы были отправлены вперед с Баженом Карташовым, само же посольство выехало 21 мая 1637 г. в сопровождении Василия Старкова. Старков получил подробную «наказную память»⁹², в которой был указан точный маршрут и дана роспись «корму». Рекомендовалось следить за тем, чтобы «послы городов не рассматривали и ни с кем ничего не разговаривали», и Василию Старкову вменялось в обязанность «говорить о всяких делах с послами остерегательно».

Так как посольство Степана Александрова не выполнило основной своей задачи, в Москве было решено сделать еще одну попытку выяснить, является ли Алтын-хан русским подданным и собирается ли выполнять взятые на себя обязательства по шертной записи, подписанной ламой Даин Мерген-ланзу. Осенью 1637 г. к Алтын-хану отправляется сын боярский Василий Старков, чтобы добиться от монгольского князя личной подписи под шертной грамотой. Одновременно с ним выехал Степан Неверов, направлявшийся к ламе Даин Мерген-ланзу, и монгольское посольство, возвращавшееся из Москвы.

Василий Старков и Степан Неверов оставили подробные статейные списки о своем пребывании в ставке Алтын-хана⁹³, где им пришлось перенести много неприятностей.

Русские послы уже по дороге почувствовали враждебное отношение со стороны подданных Алтын-хана. Когда Неверов ожидал в мингатском улусе на р. Кемчик подвод и «корму» от ламы Диан Мерген-ланзу, к нему приехали посланцы от Алтын-хана и потребовали, чтобы он дальше не двигался, а ждал самого князя, кочевавшего

⁹² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 185, лл. 327—328

⁹³ Статейный список Василия Старкова сохранился в трех вариантах: первый и второй, более полные, хранятся в ЦГАДА (ф. 126, 1638 г., стлб. 1, лл. 15—117, 178—273); третий (без начала) хранится в Архиве АН СССР (ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 188, лл. 336—376). Это копия, снятая в XVIII в., по-видимому с черновика, хранившегося в Томском архиве. Статейный список Степана Неверова также известен нам в двух вариантах: один из них (подлинник) хранится в ЦГАДА (ф. 126, 1638 г., стлб. 1, лл. 118—151); второй (копия XVIII в. - без начала) хранится в Архиве АН СССР (ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 249, лл. 482—496).

в десяти днях пути в горах. На попытки Неверова получить подводы, чтобы проехать к ламе, монголы ответили, что он должен «здесь в мугалах слушаться Алтына царя указу», подобно тому как монгольские послы, «едучи по городам, слушали государева указу». Мало того, монголы заявили, что за полученные «от кыргиз» подводы Алтын-хан велит взыскать с русского посольства.

Такое начало ничего хорошего не сулило. Степану Неверову не разрешили поехать к ламе, а предложили вместе с Василием Старковым отправиться к Алтын-хану «на стан». Монгольский феодал при первой же встрече «против государьсково величества и многолетнего здоровья говорил спорна и невежливо». Послов принимали «без всякой чести». Монгольский князь отказался даже выслушать чтение и перевод присланной ему «государевой грамоты». Алтын-хан и лама Даин Мергенланзу прежде всего домогались получить «государево жалованье», считая, по-видимому, что в выдаче его и состоит основная цель приехавшего посольства. Подобной политики монгольский феодал придерживался и раньше, но сейчас она приняла особенно грубые формы.

После раздачи «государева жалованья», как правило, начиналась торговля. Необходимо отметить, что послы и сопровождавшие их казаки брали с собой много товаров, которые легко находили сбыт «в мунгалах». Это были прежде всего сукна и материалы разных сортов, обработанные кожи (юфть, сафьян), готовое платье (кафтаны, куфтеры, ферязи, епанчи, однорядки, рубахи и т. п.) и всякие мелочи вроде серебряных и позолоченных перстней, корольков — коралловых и янтарных, зеркал и пр.

Особый интерес у монголов вызывало русское оружие, главным образом огнестрельное. Алтын-хан неоднократно обращался к московскому царю с просьбой пристать «пищаль о семи зарядах» или «о пяти» и «пищальных дел мастера»⁹⁴. Ждал он присылки оружия и с Василием Старковым. Убедившись, что он не может свободно приобретать огнестрельное оружие в Москве или в сибирских городах, Алтын-хан стал насильно отбирать его у русских послов.

Монгольский князь и в этот раз пытался договориться с послами об организации торговли в Томске, куда бы он

⁹⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 163, л. 267.

мог привозить не только «многие свои товары», но «разные китайские». Он хотел, чтобы «государь бы пожаловал с руски торговать, повелел в Томской ездить со многими рускими товары по нашей Руси с сукнами, с кожами, с котлами, с корольками с красными и с деньгами»⁹⁵. Но русские послы не были уполномочены вести переговоры подобного рода. Перед ними была поставлена, как известно, другая задача, которую им так и не удалось разрешить.

Василий Старков не смог получить личной подписи Алтын-хана под шертной грамотой. Его попытка поставить этот вопрос во время первого приема посольства монгольским феодалом кончилась неудачей. Да и прием состоялся не сразу. Алтын-хан что называется выдерживал послов. Он отказывался спрашивать про «государево здоровье» первым, настаивая на том, что послы прежде должны спросить о его здоровье. Русские же расценивали это, как умаление достоинства московского царя. Поэтому Старков настойчиво подчеркивал, что «нигде не ведетца» такого обычая, чтобы русские послы первые спрашивали о здоровье «чужестранного государя»⁹⁶. Подобным вопросам московская дипломатия XVII в. придавала большое значение, усматривая в этих процедурных мелочах определенный политический смысл.

Василий Старков честно старался выполнить возложенное на него поручение. При отказе Алтын-хана спросить «о государском здоровье наперед» он указал: «Ты (Алтын-хан. — *Н. Ш.*) чинишься не послушен и не покорен и ево государсково повеления не слушаешь... прежнее государево жалованье к себе забыл и свою шертъ, на чем ты великому государю шертовал своєю душою за всю свою орду, и то не помнишь»⁹⁷. Старков напомнил все обязанности, взятые на себя Алтын-ханом: находиться в подданстве русском «навекы неотступно», дань с себя давать «еже лет безпереводно перед прежною данью с прибавкою» и, наконец, «служить и прямить и во всем добра хотеть»⁹⁸.

Прием окончился прямыми угрозами со стороны Дурал-табунанга, ведшего переговоры от имени Алтын-хана.

⁹⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, д. 17, док. 188, л. 367.

⁹⁶ Там же, л. 335.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, л. 334.

Дурал-табунанг заявил русским послам: «Вы де стоите теперь перед нами давно не живы, а ваши головы с плечь скатились, нашево повеленья не слушаете и Алтына царя не величаете, наперед про Алтыново здоровье не спрашиваете»⁹⁹.

Послы пробыли в ставке монгольского феодала четыре с половиной месяца и претерпели много неприятностей. Случалось даже, что им не давали «корма», и они «сидели голодом».

Недружелюбное отношение монголов проявилось и в пренебрежительном обращении с послами, и в том, что Алтын-хан и его родичи отправили в Москву взамен привезенного им «государева жалованья» значительно меньше даров, чем раньше. Старков пытался протестовать против уменьшения «дани» (он рассматривал ответные подарки как дань), но все же ему пришлось согласиться на замену недостающих соболей чаем, когорого в Российском государстве еще не знали¹⁰⁰. 13 марта послы были отпущены в Томск в сопровождении монгольского пристава Мерген Дега. На обратную дорогу им не дали достаточного количества лошадей, и пришлось покупать лошадей «дорогою ценою».

Во время длительных и безрезультатных переговоров выяснилось одно весьма любопытное обстоятельство. Оказывается, Алтын-хан домогался, чтобы одному из его послов позволили проехать из Москвы к турецкому султану, а другому — к «кызылбашскому шаху»¹⁰¹. Алтын-хан упоминал об этом в своем письме, отправленном, по видимому, с одним из предыдущих посольств. Письмо это среди известных нам архивных документов пока еще не обнаружено, и единственным свидетельством столь любопытной претензии монгольского князя остается пока стате́йный список В. Старкова.

Интересно было бы выяснить, зачем понадобилось Алтын-хану, владение которого находилось в центре азиатского материка, отправлять послов в далекую Турцию. Можно лишь высказать предположение, что о существовании турецкого государства стало известно в северо-западном углу Монголии через бухарских торговых лю-

⁹⁹ Там же, л. 337.

¹⁰⁰ Там же, л. 368.

¹⁰¹ Там же л. 367.

дей, проникавших со своими караванами и в Халху, и в кочевья ойратских тайшей, а оттуда и в сибирские города — Тобольск, Тару и др. Не исключена возможность, что Алтын-хан не только пытался наладить торговые отношения «с турецким султаном и с кизилбашами», но и стремился завязать с ними дипломатические связи. Не в интересах России было поддерживать это намерение Алтын-хана, поэтому в ответном письме из Москвы его просьба была обойдена молчанием, и Старков ничего не смог ответить на его вопрос.

Посольства Василия Старкова и Степана Неверова 1637—1638 гг. потерпели полную неудачу. Московское правительство, пытавшееся договорным путем присоединить к своим сибирским землям владения Алтын-хана, не смогло добиться успеха, хотя и использовало для этого удобный момент, когда он сам попросил помощи и покровительства. Принесение шерти, состоявшееся в 1634 г., не имело реальных последствий. Неоднократные попытки принудить Алтын-хана подтвердить эту клятву ни к чему не привели.

В конце концов в Москве было решено не поддерживать с Алтын-ханом обмена посольствами, не настаивать на выполнении им присяги и не добиваться личной его подписи под шертной грамотой.

Несмотря на неприязненный прием, оказанный последнему русскому посольству, Алтын-хан не хотел прекращать сношений с Москвой. Он не преминул отправить с возвращавшимися в Томск Василием Старковым и Степаном Неверовым своих послов Будат-бакши и Корчег-бакши (по-видимому, оба были ламами, судя по термину «бакши» — учитель, наставник). Они везли великому государю подарки: «200 соболей, 200 бумажек чаю, несколько кусков китайских камок и атласов»¹⁰². Вместе с ними ехал посол и от тавгутского ламы Даин Мерген-ланзу также с подарками. Монголы были задержаны в Томске и прибыли в Москву лишь в 1639 г. Узнав о недружелюбном приеме Алтын-ханом последнего русского посольства, московское правительство приняло по отношению к монгольским послам суровые меры. Послы не были допущены на прием к царю, подарки у них не приняли и через некоторое время весь состав

¹⁰² Там же, л. 368.

монгольского посольства отправили в ссылку в г. Чердынъ, находившийся в Пермском воеводстве¹⁰³. Сопровождал их Василий Старков, в распоряжении которого находилось 12 томских казаков. Чердынскому воеводе была направлена специальная царская грамота с распоряжением содержать монгольских послов под стражею, «чтобы приходу к ним никаково не было и ничего б не разведывали б»¹⁰⁴. Оружие у них было отобрано.

По царскому распоряжению послы должны были получать «корм» из пермских доходов, им разрешалось продавать не принятую у них в Москве «дань». Монгольские послы провели в небольшом северном городке целый год, прежде чем получили возможность вернуться в Монголию¹⁰⁵.

Отношения между Россией и Монголией были прерваны по инициативе Москвы. Но через несколько лет Алтын-хан вновь попытался возобновить связи с Москвой. Это желание выражено в письме, привезенном монгольским посланцем Тархан-ламой в Томск в 1645 г. (текст письма, по-видимому, не сохранился). Алтын-хан даже считал, что в ходе прошлых переговоров «утвердили де на том, что было безпрестанно промеж собою пославать». Монгольскому князю был необходим торговый обмен, происходивший при приезде послов, и «государеву жалованье». Алтын-хан не хотел признать, что недопустимое обращение с посольством Василия Старкова послужило лишь поводом для перерыва отношений, а причиной был его отказ принести присягу.

Тархан-лама недолго задержался в Томске. Приехав туда 2 мая 1645 г., он 9 мая выехал в Монголию. Письмо,

¹⁰³ «Сосланы они с Москвы по ево государеву указу в Пермь великую в прошлом же во 148 году генваря в 21 день... для того что Алтын царь правду и шерть свою забыл, в Сибири над государевыми людьми чинил многое дурно, а как к нему посланы были з государевым жалованьем томские дети боярские Василей Старков с товарищи и он царскому величеству чести не воздал и государеву жалованье велел у посланников взяти не по пригожу в стану у них сильно, а сам не взял. И от себя их отослал, и говорил непригожие слова, а посланников бесчестил и грабил» (ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, лл. 65—66).

¹⁰⁴ «Акты исторические», т. III, М., стр. 365.

¹⁰⁵ «А во 149 году (т. е. в 1640 г.) генваря в 16 день указал государь тех алтыновых послов ис Перми отпустить в Сибирь в Томской город, а из Томсково велено отпустить их к Алтыну: царю» (ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, л. 67).

привезенное им, было отправлено в Москву, а дары, присланные Алтын-ханом «за рассмотрене грамоты» (50 соболей и 5 бобров), были возвращены Тархан-ламе, так как томские воеводы, помня строгий приказ из Москвы о прекращении отношений с монгольским князем, не рискнули принять их «без государева указу»¹⁰⁶.

Еще раз получив отказ, Алтын-хан не прекратил своих настойчивых попыток вновь установить обмен послами. Через пять лет, в 1650 г., он еще раз попытался договориться с томской администрацией. Он направил в Томск уже бывавшего там Мерген Дегу, который должен был «спросить про государево цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии многолетное здоровье» и выяснить, почему в ответ на присылку в 1645 г. Тархан-ламы «к нему Алтыну-царю ничево ведомо не бывало»¹⁰⁷. И на этот раз монгольское посольство осталось без ответа.

После установления первых связей с Монголией прошло около трех десятков лет. Русские казачьи отряды продвинулись уже далеко на восток, к Байкалу, и в 40-х годах проникли в Забайкалье, где столкнулись не только с автохтонным бурятским населением, но и с пришельцами из кочевий монгольских владетелей, с которыми также пришлось вступить в посольские отношения. Первой же ступенью в развитии русско-монгольских связей явились вышеизложенные посольские отношения с Алтын-ханами Западной Монголии.

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 455, л. 680.

¹⁰⁷ Там же, л. 683.

Глава II

НАЧАЛО ПОСОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ХАНАМИ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

К середине XVII в. русские казачьи отряды проникли не только в район Байкала, но и в Забайкалье, где столкнулись с бурятами, которые постепенно перешли в русское подданство, табунгутами, эвенками и монголами. Границы расселения всех этих групп в середине XVII в. могут быть условно намечены на основании архивных данных.

Хотя в последних работах¹, посвященных, в частности, этногенезу бурят, неоднократно ставился вопрос о расселении отдельных бурятских племен, но из-за недостатка материалов он не мог быть решен с достоверной точностью. Исчерпывающие сведения о расселении бурят, табунгутов и монголов в Забайкалье в XVII в. находятся в фундаментальном труде «Народы Сибири», где имеется специальная карта этнических групп коренного населения Сибири, составленная Б. О. Долгих. На этой карте, представляющей результат большой работы над архивными материалами, наглядно показаны районы расселения этих племен. Северная граница монгольских кочевий шла по правому притоку Селенги — р. Чикой.

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», Улан-Удэ, 1954; Б. О. Долгих, *Некоторые данные к истории образования бурятского народа* («Советская этнография», 1953, № 1); С. А. Токарев, *О происхождении бурятского народа* («Советская этнография», 1953, № 2); Б. О. Долгих, *Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа* («Советская этнография», 1954, № 1).

Встречались монголы и по левому притоку Селенги — р. Джиде. Но, по-видимому, в некоторых случаях они заходили и севернее, поскольку точных границ не существовало. Неопределенность границ не мешала обмену посольствами между Русским государством и ханами Северной Монголии (Халхи).

Русско-монгольские посольские отношения можно разделить, как было указано в предисловии, на два коротких периода. В течение первого периода русские казачьи отряды, отправленные на поиски серебряных руд, впервые встретившись с кочевавшими в Забайкалье монголами, вступили с ними в переговоры. Эти встречи повлекли за собой официальный обмен посольствами.

Проникновение русских за Байкал диктовалось стремлением не только освоить новые промысловые области, но и найти удобный путь в Китай. В поисках пушнины (мягкой рухляди), серебряных и золотых руд русские отряды все дальше продвигались на восток, облагая ясаком и приводя «под государеву руку» население забайкальских районов.

Освоение новых земель было одной из важнейших задач, которые ставило московское правительство перед сибирскими воеводами. Так, в 1644 г. якутский воевода Д. Францбеков получил наказ послать служилых людей для «прииска новых земель», чтобы «тех новых землиц лутчим ясачным людям быть к себе... и чтобы шерть дали... чтобы ясак и государевы поминки приносили сполна... ясак бы платили без замотчанья...»².

При этом рекомендовалось «приводить и ясак собирать... ласкою, а не жесточью», и «держатъ с ними ласка и привет и береженье, а напрасные жесточи и никаких налогов им не чинить... и в ясаке не ожесточать, и от государевой милости не отгонить...»³. Особенно осторожно приходилось действовать в Забайкалье, где русские столкнулись с более организованными и многочисленными группами населения, чем в районах Енисея и Ангары.

Неясность и неопределенность границ позволяли монголам заходить довольно далеко на север по р. Селенге и ее притокам, а бурятам — углубляться на значительные расстояния в просторные мон-

² ДАИ, т. II, № 100, стр. 264.

³ Там же, стр. 265.

гольские степи. Обстоятельство это было отмечено в донесениях казаков, впервые проникших в Забайкалье в 40-х годах XVII в. Первые расспросные сведения о монголах, кочевавших за Байкалом, встречаются в известной «Росписи рек»⁴, составленной в 1640—1641 гг.: «В Ламу ж (в Байкал. — Н. Ш.) впала Селенга двенадцатью устьи, а по той же реке Селенге, идучи от Ламы в правую сторону, живут мугалы кочевные люди». Более подробные сведения были получены якутским служилым человеком Василием Власовым во время похода вверх по р. Лене «в Братскую землю». Один из бурят сообщил ему, что «Мугалы живут за Ламую вверх по Селенге, князец у них контайша, а городов и острожков у них нет, а бой у мугал лучной, а легким ходом на конях ездим в десять дней до Мугал...»⁵.

В 1645 г. с монголами встретились уже непосредственно русские казаки во главе с Василием Колесниковым, который в своем донесении отметил: «На устье реки Селенги большие брацкие люди... кочуют... в ряд с мунгальскими людьми»⁶.

Колесников был отправлен в Забайкалье в 1644 г. из Енисейска во главе большого отряда, основной задачей которого было «проведывание о серебряной руде». Переправившись через Байкал, он встретился в устье Селенги с кочевавшими там монголами и «брацкими» людьми. Оказавшись отрезанным огромным водным пространством Байкала от земель, уже более или менее освоенных русскими, Колесников не решился идти дальше или открыть военные действия и вернулся на северный берег Байкала [«И тут де ему поиску над ними (монголами) войною никакого не удалось»⁷]. Основавшись в устье Верхней Ангары и выстроив там острог (впоследствии г. Верхнеангарск), Колесников в октябре 1646 г. отправил небольшой отряд для «прииска и привода новых земель» и «для вести серебряные руды» (т. е. сбора сведений о серебряных рудах). Отряд состоял из четырех человек,

⁴ Сохранилось два довольно близких друг другу варианта «Росписи рек». Один из них был опубликован в ДАИ (т. II, № 89), другой хранится в Архиве Института истории в Ленинграде [Якутские акты, картон 2 (187), 1641 г., стлб. 19].

⁵ ДАИ, т. II, № 91, стр. 250.

⁶ ДАИ, т. III, № 4, стр. 25.

⁷ Там же.

главным среди которых был десятник Константин Иванович Москвитин, оставивший подробный и интересный рассказ⁸ о своей поездке к монгольским феодалам Турухай-табуну⁹ и Цэцэн-хану. Москвитин, преодолев тяжелый зимний путь через Байкал, Баргузин-реку и Баргузинские степи, вышел к Еравнинским озерам. По дороге к этим озерам он наткнулся на большие снега, «которые пришлось казакам прорубать топорами»¹⁰. По утверждению Москвитина, вокруг мелких Еравнинских озер кочевали монголы и тунгусы вместе. Не задерживаясь в этих местах, он отправился на запад, к Селенге, где кочевали мелкие монгольские «князцы», подчинявшиеся Турухай-табуну, которого Москвитин называл «мунгальским большим князем». В съезжей избе в Енисейске Москвитин заявил, что «с Еравны озера дорога в Мунгальскую землю к мунгальскому царю Чичину и ко князю ево Турокаю Табунану»¹¹, по этой-то дороге (по рекам Уде и Селенге) расположены кочевья мелких феодалов. О том, кто такой был Турухай-табун, где были расположены его кочевья и в каких отношениях он находился с одним из крупнейших феодалов Цэцэн-ханом, существует довольно много различных предположений. За последние годы этот вопрос неоднократно освещался в различных работах. Большинство авторов приходят к заключению, что Турухай-табун был главой монголоязычной группы табунгутов, кочевавших по правому берегу р. Селенги между притоками ее Чикоем и Хилком. Заключение это, впрочем, высказывается с некоторой осторожностью, так как в архивных документах Турухай-табун упоминается как «мунгальский князь», а сведения о табунгутах появляются в документах, относящихся к 60—80-м годам

⁸ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 308, лл. 8—13; ДАИ, т. III, № 30, стр. 110 (отписка енисейского воеводы Ф. Полибина). — Пересказ этого сообщения Москвитина был опубликован еще Н. Оглоблиным и долгое время служил источником сведений об этом первом в Забайкалье соприкосновении русских с монголами.

⁹ Имя этого князя в русских архивных документах пишется по-разному: Турукай-табун, Турукой-табун, Турокай-табунан, Турокой, Турхай. Также по-разному пишут его в своих работах советские ученые: Турукай-табун, Турухай-табун, Турхай-табун и т. д. Мы придерживаемся написания, принятого в «Истории Бурят-Монгольской АССР», — Турухай-табун (или Турухай).

¹⁰ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 308, л. 355.

¹¹ Там же, л. 356.

XVII в. Поэтому Г. Н. Румянцев и Ф. А. Кудрявцев (авторы гл. VI «Истории Бурят-Монгольской АССР») отмечают осторожно, что Турухай-табун был, вероятно, главой табунгутов¹². Более решительно поддерживает это предположение Е. М. Залкинд, основываясь на материалах Селенгинского острога, также относящихся к более позднему времени¹³. Присоединяется к этому мнению и Б. О. Долгих, отвергнувший существовавшее в науке мнение о том, что Турухай-табун был главой хоринцев. Б. О. Долгих показал несостоятельность этого предположения, основанного лишь на измышлениях «верхушки хоринцев, стремившихся обосновать свои политические и земельные притязания»¹⁴.

Мнения о том, что Турухай-табун был главой табунгутов, придерживается и С. А. Токарев, но также с некоторой оговоркой. Доказывая, что табунгуты не представляют этнической группы, он пишет, что они выступают как «чисто политическая общность, по-видимому как подданные князя Турухая-табуна»¹⁵. При этом Токарев убежден, что Турухай-табун был монголом.

Таким образом, имя Турухай-табуна связывается всеми исследователями с существованием особой этнической группы — табунгутов, живших в Забайкалье в середине XVII в., ко времени прихода туда русских, и представляющих собой один из компонентов, вошедших впоследствии в состав бурятского народа. Вопрос о том, были ли табунгуты монголами, не может быть решен только на основании данных, извлеченных из русских архивных документов. Для этого необходимы подтверждения монгольских летописей и архивных материалов из Монгольского государственного архива. Название «табунгуты» в монгольских летописях XVII в. не встречается. Можно предположить, что в монгольских архивных документах, которые еще очень мало изучены, будут обнаружены сведения о табунгутах. Ведь, например, в обширном сочинении

¹² «История Бурят-Монгольской АССР», стр. 151.

¹³ Е. М. Залкинд, *Из истории западного Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в.* («Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук», вып. 1, Л., 1949), стр. 216.

¹⁴ Б. О. Долгих, *Некоторые данные к истории образования бурятского народа*, стр. 52.

¹⁵ С. А. Токарев, *О происхождении бурятского народа*, стр. 50.

«Бейе дайиламе варги амарги бабе нэцихэмо токтобуха бодогони битхе» («Премудрое предусмотрение, по которому богдыхану собственною персоною западные и северные земли покорить»¹⁶), посвященном монгольским событиям конца XVII в., есть упоминание о табунгутах: «Обратно возвратился посланный от нас (от Канси. — Н. Ш.) на север Лобдзан Эрдэни тайдзи (Лубсан-тайджи. — Н. Ш.) и объявил о табунутах в 1000 человек, кочующих вниз по р. Онон... оные должны в наше подданство отдаться... и тогда уже никого из калков (халхасцев. — Н. Ш.) шатающегося не останется»¹⁷. Возможно, что сведения о табунгутах заимствованы из монгольских материалов. Весьма интересно отметить, что маньчжурское правительство считало, что табунгуты входили в состав Халхи. Имеющихся материалов недостаточно для решения вопроса об этнической принадлежности табунгутов. Вопрос этот все еще остается открытым. Несомненно одно: табунгуты были монголоязычной группой. Численность их доходила до 6 тыс.¹⁸.

По-видимому, Турухай-табун действительно являлся главой табунгутов и был по национальности монголом. В распоряжении исследователей, занимавшихся этим вопросом, имеются материалы двух статейных списков, составленных русскими, которые побывали у Турухай-табуна в 1646—1647 гг., — списка Москвитина (вернее, сведений из него в отписке воеводы Полибина) и отчета Ивана Похабова. Оба русских казака уверенно называют Турухай-табуна богатым и влиятельным «мунгальским князем». По мнению Москвитина, Турухай-табун был подчинен Цэцэн-хану. Это видно из его донесения, где встречается фраза: «К мунгальскому царю Чичину и ко князю ево Турокаю Табунану»¹⁹. В словах «князь ево» подчеркнута зависимость Турухая от Чичина. (т. е. Цэцэн-хана), которо-

¹⁶ Это сочинение написано в 1709 г. на маньчжурском языке. Переведено на русский язык Илларионом Рассохиным. Перевод хранится в Архиве АН СССР и описан нами в «Ученых записках ИВ АН СССР», т. VI, М., 1954, стр. 200—211.

¹⁷ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, т. II, л. 1316.

¹⁸ Б. О. Долгих, *Некоторые данные к истории образования бурятского народа*, стр. 55.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 308, л. 356. — Следует заметить, что Москвитин, единственный из всех русских посланцев, встречавшихся с Турухай-табуном, пишет правильно его титул «табунан» от монгольского «tabunang» (табуанг).

го Москвитин называет царем. При встрече сам Турухай заявил, что он находится «под рукою» Цэцэн-хана²⁰.

В донесении Москвитина Турухай назван не «табуном», как в других документах, а «табунаном», что по-монгольски означает «зять». Все исследователи на основании русских материалов считали Турухая зятем Цэцэн-хана. Известно, что термин «табунан» показывает также вассальную зависимость лица, носящего этот титул, от хана²¹. Таким образом, термин «tabunang» обозначает и родственную связь и вассальную зависимость.

Монгольский князь Турухай-табун произвел большое впечатление на русских казаков как богатый и влиятельный феодал. Москвитин подробно описал пышное убранство его юрты, переносного войлочного храма с дорогими серебряными и золотыми изображениями буддийских божеств. Он сообщил, что Турухай-табун владеет 20 тысячами «добрых детных и конных людей» и прочими «мелкими людьми и кыштымами»²². Среди князьцов, подчиненных Турухай-табуну, Москвитин называет «князца тушету», «князца богатыря», «князца кутыхту»²³. Все эти названия являются почетными прозвищами, которые так широко были распространены в феодальной Монголии. Установить же, кто из князей носил эти почетные звания и кочевал в 40-х годах в районе нижнего течения Селенги и по р. Уде, в настоящее время затруднительно, так как монгольские материалы не дают достаточно ясных сведений²⁴.

Определенный интерес представляет факт пребывания монгольских феодалов в районе современного Забайкалья. Были ли там кочевья, искони им принадлежавшие, или они временно зашли так далеко на север в связи с разными событиями в собственно монгольских степях, можно решить предположительно. Нам представляется весьма вероятным второй вариант. Некоторые монгольские фео-

²⁰ Там же, л. 360.

²¹ Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934, стр. 144.

²² ЦГАДА, ф. 214, стлб. 308, л. 357. — Кыштымы — данники бурятских и табунгутских князьцов.

²³ Там же, л. 356.

²⁴ Во всяком случае упоминаемых Москвитиним «князца тушету» и «князца кутыхту» не следует смешивать ни с Тушетуханом, ни с Ундур Гэгэном, которому в это время было всего десять лет.

далы, связанные с Цэцэн-ханом, могли откочевать подальше на север в 1646 г. потому, что именно в этот год в Халхе произошли волнения, связанные с походом маньчжуров против монголов²⁵. Попробуем сопоставить факт маньчжурского похода 1646 г. со сведениями Москвитина. Москвитин был у Турухай-табуна в июне 1647 г., т. е. через восемь-десять месяцев после того, как маньчжуры, понеся значительные потери, ушли из Халхи. И невольно возникает вопрос, не в связи ли с движением маньчжурских войск ушел со своими подданными далеко на север Турухай-табун. На этот вопрос наши материалы не могут дать ясного ответа. Но события в Халхе проливают свет на причины, заставившие Турухай-табуна не только приветливо принять русских гостей, но снабдить их богатыми подарками для московского царя (золотой «усичек», серебряная «торель», серебряная чаша) и отправить далее к Цэцэн-хану с проводниками. С чего бы стал богатый и влиятельный Турухай дарить двести своих улусных людей русскому царю и обещать не брать с них ясака?²⁶ Конечно, подобный поступок был своего рода политическим шагом со стороны монгольского феодала, стремившегося наладить добрые отношения с русскими перед лицом грозной опасности со стороны маньчжуров.

Москвитин в поисках серебряной руды отправился по совету Турухай-табуна к Цэцэн-хану, кочевавшему на расстоянии дневного пути от р. Орхон²⁷. Цэцэн-ханом в те времена был известный монгольский феодал, собственное имя которого было Шолой. Он родился в год огня-коровы (1577 г.) и, следовательно, к моменту приезда русских был уже семидесятилетним стариком²⁸.

Он был одним из наиболее влиятельных ханов Халхи, о чем свидетельствуют его многочисленные почетные титулы и прозвища. В монгольских источниках Цэцэн-хана называют по-разному: Шолой Далай Сэцэн-хаган²⁹, Шо-

²⁵ Подробности маньчжурского похода, во время которого отряды Канси, дойдя до р. Толы и выдержав сражение с Цэцэн-ханом, а через некоторое время с Тушету-ханом, были вынуждены повернуть обратно, см.: А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ»*, СПб., 1883, стр. 137—142.

²⁶ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 308, л. 364.

²⁷ Там же.

²⁸ «„Шара туджи“. Монгольская летопись XVII в.», М.—Л., 1957, стр. 166.

²⁹ Там же.

лой Далай-джинон³⁰, Шолой Гэгэн Маха Самади Сэцэн-хан³¹. Он был одним из тех крупных феодалов Халхи, которые стремились к объединению халхаских хошунов под властью первого ургинского хутухты. Не без участия Шолоя хутухтой был выдвинут сын крупного халхаского феодала Тушету-хана. Шолой одним из первых поднес новому духовному владыке в числе других даров большое число своих подданных. Этот поступок Шолоя можно объяснить сложившейся к тому времени политической ситуацией и сильным нажимом маньчжуров на южномонгольские княжества. К этому-то халхаскому хану и отправился Москвитин.

Очутившись в условиях более сложных, чем те, которые были до Байкала, в районе, где, по-видимому, большую роль играли монгольские феодалы, где бурятские «князцы» были более организованы, русский отряд вел себя осторожно и, можно сказать, дипломатично. К Турухай-табуну казаки пришли «з государевым жалованьем, з бобром да с выдрою, да с рысью, да с собольими с парю, да сукна лазоревого вершек»³².

Прибыв к Цэцэн-хану и добиваясь приема, русские казаки поднесли ему более богатые дары, причем подчеркнули, что несут их «мунгальскому царю посылкою, а не в подарки»³³. Этим они хотели показать, что явились как гости, а не как просители. Но встреча не состоялась, так как Цэцэн-хан, согласившись принять казаков, потребовал, чтобы они при виде его юрты поклонились и стали на колени («перед юртой кланяться и садитца на коленках»³⁴). Казакам показалось это обидным, поэтому они к Цэцэн-хану не пошли, а ограничились беседой с одним из его приближенных, которого называли «мунгальским посольским дьяком». Цэцэн-хан велел отправить казаков к Турухай-табуну «с честью и бережно». Это обстоятельство следует отметить, так как оно свидетельствует о том, что Цэцэн-хан, по-видимому, был достаточно хорошо осведомлен о русских и не желал с ними портить отношений. Дорогой «царев дьяк» рассказал подробно, что Цэ-

³⁰ Там же, стр. 157.

³¹ А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»*, стр. 134.

³² ЦГАДА, ф. 214, стлб. 308, л. 359.

³³ Там же, л. 361.

³⁴ Там же.

цэн-хан получает серебро из Китая, от «царя Богды», у которого серебряные рудники охраняются специальным отрядом в 20 тыс. конников, одетых в железные кюаки³⁵. Поведал он также и о том, что у «Богды царя» есть «бой огненной всякой и пушки всякой наряд»³⁶. В этих рассказах о могуществе маньчжурского владыки нашли отражение недавние бои в Монголии во время маньчжурского похода 1646 г.

Москвитин собрал также сведения о р. Шилке, выяснил, что на Шилке кочует «седачая орда... Левкаева роду»³⁷, которая платит ясак Цэцэн-хану. На обратном пути он еще раз побывал у Турухай-табуна. Получив подарки «для государя» и собрав с двухсот человек, подаренных русскому царю, ясак (50 соболей), Москвитин вернулся к Колесникову, а оттуда в Енисейск. Енисейский воевода Ф. Полибин со слов Москвитина поспешил написать в Москву, что Турухай-табун готов принять русское подданство, что «в Мунгальской земле мунгальский князец Турукай табун тебе государю поклонился и впредь тебе государю хотел послушен быть»³⁸. Но такого вывода нельзя было сделать из письменного донесения Москвитина, хотя он описывал в своем отчете доброжелательный прием Турухаем русских, подчеркивал, что монгольский князь стоя выслушал речь казаков, подарки от имени государя принял сам и поднес их к голове³⁹, выражая этим свое внимание и расположение к русским. Готовности принести шерть московскому царю Турухай не выказывал, да и, по-видимому, не собирался этого делать.

Пока Москвитин ездил в Енисейск с донесением от Колесникова, последний успел отправить к Цэцэн-хану еще один небольшой отряд казаков, чтобы выяснить, откуда Цэцэн-хан получает серебро. Москвитина до р. Баргузин провожали «мунгальские люди», и они-то и посоветовали («натакали», как сказано в одном документе⁴⁰) Колесникову отправить второй отряд. Возглавлял отряд стрелец Якунка Кулаков. При нем был толмач «Ганка»

³⁵ Кюак от монгольского «кија», что значит «защитная одежда, панцирь».

³⁶ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 308, л. 361.

³⁷ Там же, л. 358.

³⁸ ДАИ, т. III, № 30, стр. 109.

³⁹ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 308, л. 359.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, л. 10.

и «охочий человек Васька Власов». Кулаков выехал с устья р. Баргузин, по-видимому, осенью 1647 г. и только через четыре недели добрался до кочевий Турухай-табуна, которому передал отправленные для него Колесниковым подарки. Турухай-табун не задержал у себя русских, и Кулаков со спутниками отправился дальше, к Цэцэн-хану. Последний не пожелал сразу принять русского стрельца, а отправил его в «иные усулы», по-видимому находившиеся где-то неподалеку от его собственной ставки. Через три дня он потребовал казаков к себе. Прием, надо полагать, не был особенно доброжелательным и торжественным, так как Цэцэн-хан принял русских сидя и спросил довольно неприветливо, «для чего они ходят»⁴¹. Разговор шел только о серебряной руде. Кулаков пробыл у Цэцэн-хана пять дней, а затем был отпущен в сопровождении монгольских послов, повезших «к государю поминки». К этим «поминкам» Турухай-табун, к которому заехали по дороге, присоединил также и свои. Узнав в пути, что русских на Байкале уже нет, Кулаков вернулся в ставку Турухая, а тот опять отправил его к Цэцэн-хану. Последний был недоволен вторичным появлением Кулакова и заявил, что он приехал рано, ибо послы, будто бы отправленные в Китай за серебром, еще не возвратились. Цэцэн-хан предложил Кулакову приехать в марте, а пока опять отпустил его к Турухай-табуну.

Пока Кулаков ездил от Цэцэн-хана к Турухаю, на Байкале разыгрались события, настроившие монгольских феодалов против русских. Дело в том, что в Енисейске в течение трех лет не было никаких вестей от Колесникова и его считали погибшим. Поэтому в 1646 г. вслед ему была отправлена группа казаков во главе с небезызвестным сыном боярским Иваном Похабовым⁴². Он должен был дойти до рек Иркута, Баргузина и Селенги и «на тех реках или, где пригоже, поставить

⁴¹ Там же, л. 11.

⁴² О деятельности Ивана Похабова написано немало. Он принадлежит к тем лицам, которые жестокостью, произволом, вымогательствами принесли немало вреда мирному освоению русскими новых сибирских земель в Прибайкалье. Данная советскими исследователями характеристика его деятельности как приказчика Братского острога относится к более позднему времени, ко второй половине следующего десятилетия (см.: А. П. Окладников, *Очерки из истории западных бурят-монголов*, Л., 1937; Ф. А. Кудрявцев, *История бурят-монгольского народа*, М.—Л., 1940 и др.).

острошки и укрепить всякими крепостми, и из тех острошков с тамошних иноземцов имать на государя ясак, и проводывать у них всяких вестей о серебре»⁴³.

Жестокий и решительный Похабов начал свою деятельность за Байкалом с погромов «иноземцев», которые оказались подданными или, точнее, кыштымами Турухай-табуна. Разгромив «иноземцев» на речке, получившей с тех пор название Погромной, казаки Похабова захватили большое число пленных, отобрали у подданных Турухай-табуна тридцать четыре соболя. Пленных и пушнину казаки поделили между собой. Уцелевшие от погрома кыштымы обратились к Турухаю с жалобой. В это время у монгольского феодала находился Якунка Кулаков со своими спутниками. Рассерженный Турухай-табун отправил к Похабову Кулакова с требованием вернуть захваченных пленных. При этом Турухай-табун «з большою досадою» заявил русским, «что они лживые люди в ево земле послуют, а за ними де и война»⁴⁴. Кулаков в сопровождении двух человек отправился к Байкалу выяснить, кто разгромил монголов, а его спутники были взяты Турухаем в качестве заложников. Кулаков нашел Ивана Похабова, объяснил ему положение дел, упрекнул, что «он, Иван, ходит войною»⁴⁵, и потребовал возвращения Турухаю захваченных в плен монголов. Похабов вынужден был отправиться к Турухаю с извинениями. В это время Похабов вел себя более скромно, он не развернулся еще во всю ширь своей необузданной натуры. Он вернул Турухай-табуну захваченных в плен кыштымов и поднес монгольскому князю в дар «пять пар соболей да два аршина с четью сукна англинсково красново»⁴⁶. Он даже не протестовал, когда монгольский князь «взял у него Ивана сильно топорок да натруску с порохом, да у казака взял пицаль»⁴⁷. Он уговорил Турухая пропустить его к Цэцэн-хану и вместе с Якункой Кулаковым отправился в глубь Монголии. Ехали медленно, останавливаясь во

⁴³ ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, л. 3.

⁴⁴ Там же, л. 13.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, л. 5.

⁴⁷ Интересно отметить, что и во время пребывания Похабова у Цэцэн-хана последний отобрали у посла приглянувшуюся ему «пицаль гладкую с лядункою и с натрускою» (ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, лл. 6, 8).

многих монгольских улусах. Казаки застали Цэцэн-хана кочующим «от реки Селенги недалече». Похабов вел себя в монгольских владениях очень осторожно. Он поднес монгольскому хану «два сорока соболей, да пять аршин сукна англинского красново, да с аршин сукна вишневого кармазину» и находившемуся тут же хутухте подарил «шесть пар соболей да два аршина сукна англинского»⁴⁸. Похабов пытался тактично выяснить, откуда хан получает серебро, и просил пропустить его в Китай. Но Цэцэн-хан не дал своего согласия, а предложил вернуться в Енисейск. Он отправил в Москву с возвращавшимися казаками посольство во главе с Седиком (Садиком). При этом Цэцэн-хан не объяснил Похабову причины отправления послов, а лишь сказал ему «для чего посылает и то де писано в грамоте»⁴⁹. Все же Похабову стало известно, что ехавшие в Москву монголы должны были передать просьбу Цэцэн-хана не посылать более воинских людей против монгольских владений. Иными словами, отправление посольства было вызвано поведением самого Похабова.

Кулаков утверждал, что Похабов пробыл у Цэцэн-хана шесть дней, причем не допускал Кулакова присутствовать при переговорах с ханом. Между русскими послами начались споры. Кулаков считал, что монгольские послы были отправлены именно с ним, а не с Похабовым, и именно ему было поручено доставить «государю в Москву» подарки от Цэцэн-хана и Турухай-табуна. Похабов требовал, чтобы эти подарки были отданы ему. Зная жадность Похабова, Кулаков подарки не давал, за что Похабов гневался, «лаял всякою неподобною лаею» при Турухай-табуне и предупреждал, что не возьмет на судно на Байкале ни монгольских послов, ни Якунку Кулакова. И действительно, когда подошли к Байкалу, Похабов оставил на берегу Кулакова с его спутниками, а сам ушел «в Байкал озеро». Но через некоторое время он все же вернулся за оставшимися. В таких условиях начался в 1648 г. длинный путь в Москву первого посольства от Цэцэн-хана и зятя его Турухай-табуна.

Посольство Цэцэн-хана было первым, пришедшим в Москву из Северной Монголии. Русское правительство,

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, л. 6.

⁴⁹ Там же, л. 7.

стремившееся укрепить свои позиции в Забайкалье, решило воспользоваться случаем, чтобы установить добрососедские отношения с монгольским ханом, «жить с ним за одно в любви и в совете». Поэтому приемы монгольских послов в Тобольске и Москве сопровождались торжественными церемониями⁵⁰.

Послы Цэцэн-хана приехали в Тобольск в октябре 1648 г. в сопровождении Похабова и Кулакова. Здесь им была назначена охрана, состоявшая из 11 человек (в нее вошли пристав Богдан Аршинский, Похабов, Кулаков и др.). В Москву посольство прибыло в конце января 1649 г. Как это было принято в Русском государстве, они получали из Посольского приказа полное содержание; для них даже шили парадные одежды из «атласного золотного по пятнадцати рублей платно»⁵¹. К ним полагалась однорядка «багрецова с кружевом» и шапка лисья «по 2 рубли с полтиною».

Почти через месяц после приезда в Москву послы были торжественно приняты царем Алексеем Михайловичем. От Кисельного переулка, где остановились монголы, до Фроловских ворот Кремля были выстроены стрельцы «с пищалями, в красном платье». За послами были отправлены с государевой конюшни двое саней, покрытых черными медвежьими полостями. Впереди ехали шесть ездовых и конюх в «цветных» одеждах. В Посольской палате монголов встретил думный дьяк Михайло Волошин и проводил их в Золотую палату, где на троне восседал царь в «царском платье». Вокруг в парадных тяжелых шубах и горлатных шапках сидели бояре, окольничьи, стольники и дворяне⁵². Царь пожаловал послов «к руке и положил на них свою царскую руку». Монголы поднесли царю грамоту, которую, как выяснилось, никто не мог прочесть. Пришлось Садику устно изложить содержание грамоты. Он передал жалобу Цэцэн-хана на приход в его кочевья «государевых людей», которые «ко-

⁵⁰ Обширная переписка по поводу приема монгольских послов сохранилась до нашего времени. Для лучшей организации встречи Посольский приказ затребовал старые материалы с описанием приема послов Алтын-хана. Копии этих описаний и материалов, относящиеся к приему первых послов Алтын-хана, составляют 186 листов (см.: ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, лл. 1—186).

⁵¹ ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, л. 68.

⁵² Там же, л. 84.

чевья воюют», его людей «побивают». Садик просил царя дать указ в сибирские города о том, чтобы каждый жил «по своим кочевьям попрежнему безстрашно и без опасения»⁵³. Но последующая запись речей Садика вызывает недоумение, так как в ней упоминается о намерении Цэцэн-хана платить ясак: «А их де улусные люди учнут царскому величеству платить ясак»⁵⁴. Вряд ли посол Цэцэн-хана мог высказать подобное желание, скорее всего эта фраза была вставлена усердствовавшими посольскими дьяками. Она не вяжется ни с предыдущим заявлением, ни с последующей фразой посла, который, как истинный степняк, заговорил о том, что было особенно близко его сердцу — о рысистых лошадях, о которых он в Москве «слухом слышал... а глазом не видывал», и просил прислать Цэцэн-хану аргмака. По-видимому, речи монголов не произвели хорошего впечатления в Москве. Послы были задержаны и подали особую челобитную об отправке их в Монголию. Началась переписка между Посольским и Сибирским приказами, как и чем снабдить послов на дорогу. Они просили выдать им по пять рублей на теплые платья. Пока решался этот вопрос, наступила весна, и дорога на Ярославль стала непроезжей. Опять монголы подали челобитную, чтобы им разрешили ехать через Вятку. Наконец, монгольское посольство отправилось из Москвы с подарками Цэцэн-хану и Турухай-табуну. Вместе с ним ехали и русские послы, которые должны были вручить подарки (серебряные кубки и дорогие сукна) и установить с монгольскими феодалами дружественные отношения.

Перед первым официальным посольством из Москвы к Цэцэн-хану было поставлено несколько задач, которые изложены в наказе⁵⁵. Содержание этого наказа несколько противоречиво. С одной стороны, посол должен был уверить Цэцэн-хана, что его не будут беспокоить

⁵³ Там же, л. 103.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Для выяснения задач посольства небезынтересны черновые листы грамоты, отправленной в Тобольск с провожавшим монгольское посольство приставом Богданом Аршинским. Первоначально грамота была адресована непосредственно Цэцэн-хану, но затем, по-видимому, было решено, чтобы посол лишь на словах передал ее содержание. Поэтому вместо грамоты был направлен наказ в Тобольск об отправке специального посольства к Цэцэн-хану (ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, лл. 141—154).

«ратные русские люди», что во все сибирские города отправлен наказ «с большим запрещением воевать и разорять его улусных людей» и что он может быть «надежен на царскую милость». С другой стороны, послу вменялось в обязанность уговорить Цэцэн-хана и Турухай-табуна перейти в русское подданство, «быть в вечном и прямом холопстве навеки неотступном» и «во всем великому государю служить и прямить»⁵⁶. Посол должен был «поступать остерегательно, чтобы нашему царскому имени было к чести и к повышению, а государству нашему к прибытку и к расширению»⁵⁷. Таким образом, давалась гарантия в неприкосновенности монгольских владений и в то же время делалась попытка путем переговоров добиться согласия Цэцэн-хана на присоединение его земель к Русскому государству.

Тобольский воевода назначил главой посольства боярского сына Ерофея Заболоцкого, а переводчиком при нем Панфила Семенова. Имя Заболоцкого достаточно широко известно в литературе по истории Сибири. Факт убийства русского посла за Байкалом был предметом неоднократного изучения, особенно в дореволюционное время. Несмотря на это, недостаток материалов не позволяет с достаточной ясностью выяснить все обстоятельства этого дела. По-видимому, убийство восьми человек посольства было результатом случайного нападения. Оставшийся в живых переводчик Панфил Семенов утверждает, что на Заболоцкого, гревшегося на берегу Селенги у костра вместе с сыном, подьячим Чаплиным и пятью служилыми, напали «брацкие люди человек со сто». Были ли они ясачными людьми Турухая, неизвестно. На то, что это нападение имело случайный характер, указывают следующие обстоятельства: никто не тронул двух казаков, посланных перед тем Заболоцким к Турухаяю, а также толмача Панфила Семенова⁵⁸, ездившего после убийства посла к монголам.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 126, 1648 г., стлб. 2, л. 150.

⁵⁷ Там же, л. 153.

⁵⁸ Статейный список П. Семенова содержит интересный материал. Он приложен к отписке тобольских воевод Хилкова и Болтина, в которой также изложены все обстоятельства, связанные с отправлением посольства Заболоцкого. Для нас наибольшую ценность представляют те сведения Семенова, которые относятся к посещению им Монголии (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 220, лл. 57—91).

В живых остались Панфил Семенов, два казака, отправленных гонцами к Турухаю с предупреждением о приезде русских, а также одиннадцать человек «промышленных» людей, сопровождавших посольство из Енисейска, и монгольский посол Садик, находившийся в момент нападения на судне. Тринадцать дней ждали остатки посольского отряда отправленных вперед гонцов Якунку Кулакова и Петрушку Чюкмасова, которые вернулись в сопровождении тридцати монголов. Несмотря на желание Семенова вернуться в Баргузин, монголы принудили его «силою» поехать к Турухаю. Через 12 дней Семенов дошел до «р. Кылче» (р. Хилок), где узнал, что незадолго до его приезда умер Цэцэн-хан⁵⁹. Турухай-табуна в улусе не было, он уехал в ставку вдовы Цэцэн-хана⁶⁰. Семенов вынужден был отправиться на р. Толу, где находились кочевья «царицы Тайки». Вдова Цэцэн-хана и Турухай-табун тотчас же приняли Семенова, который постарался изложить цели посольства и обратился с жалобой на людей Турухай-табуна, напавших на Заболоцкого. Он требовал наказания виновных и возвращения отобранных вещей и оружия⁶¹. В ответ

⁵⁹ Необходимо отметить, что сведения о дате смерти Цэцэн-хана Шолоя в различных источниках указаны разные. Семенов, побывавший в Монголии в 1651 г., не застал его уже в живых. Это заставляет предположить, что Шолой умер или в начале 1651 г. или в 1650 г. По сведениям же Позднеева, ссылающегося на «Илэтхэл Шастир» Сеценхановского аймака, Шолой умер в 1655 г. (А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»*, стр. 159). Другой монгольский источник (биография Зая-Пандиты) дает другую дату — 1652 г., причем сообщает, что в этом же году зимой Цэцэн-хан отправился в поход и покорил бурятов. Наиболее достоверны, видимо, сведения русских послов, ибо в статейном списке Семенова имеется точная дата его возвращения в Тобольск — «13 сент. 1652 г.»; ясно, что Цэцэн-хан умер еще до этого. Чем же объяснить такую большую неточность в монгольских записях? Думаю, тем, что они составлялись через несколько лет после данного факта, который поэтому и датировался приблизительно. Этим объясняется и разноречивость сведений в различных монгольских источниках. Кроме того, монголы не очень любили упоминать лишний раз о таких событиях, как смерть. И если в монгольских летописях даты рождения того или иного хана встречаются довольно часто, то даты смерти — значительно реже.

⁶⁰ Семенов в своем статейном списке называет вдову Цэцэн-хана «царицей Тайкой», переделав монгольский титул «тайху» (императрица) в собственное имя Тайка. Титул этот китайского происхождения. В Монголии давался старшей жене хана.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 220, л. 78.

Семенов получил уклончивые заверения в том, что будут приняты особые меры к розыску виновных. Но дальше заверений дело не пошло, хотя прием был достаточно дружелюбным. «Ханша-царица» задержала у себя послов на десять недель, а Турухай — на еще более долгий срок (30 недель), отговариваясь поиском виновных, которых он так и не нашел, да и, по-видимому, не искал. Семенов потребовал, чтобы «царица» отпустила его в Енисейск и отправила с ним ответное монгольское посольство. На это «ханша» ответила отказом. Тем не менее она заявила, что готова впоследствии обмениваться посольствами с русским царем, но о принесении ему присяги на верность не может быть и речи, так как «мугалской де царь и люди иво наперед сего в такой неволе не бывали и никому не служивали и дани с себя и с людей своих не давали»⁶². То же было сказано и Турухай-табуном⁶³. Подобный ответ весьма характерен для монгольских феодалов, еще сохранявших самостоятельность и не знавших тяжести маньчжурского ига.

В своем статейном списке Семенов указывал, что после Цэцэн-хана осталось «десять жен и двенадцать сынов» и оттого «в Мугалской земле смятене, и земля стала в растроенье»⁶⁴. Сведения русского посла о большом числе наследников Цэцэн-хана совпадают с материалами монгольских летописей. Так, в «Шара Туджи» перечислены восемь сыновей, рожденных от Ахай-хатун (старшей жены Цэцэн-хана, или «царицы Тайки») ⁶⁵. Нет ничего удивительного также и в сообщении Семенова о «смятении в Мунгальской земле», так как многочисленные наследники не раз начинали борьбу за ханский престол. Известны случаи, когда борьба за власть перерастала в феодальную войну, столь губительно отражавшуюся на общем положении Монголии и жизни ее народа.

Надвигавшиеся внутренние неурядицы заставили Турухай-табуна и вдову Цэцэн-хана благополучно отпустить русских послов в Енисейск. Но результаты посольства были неудачными: Заболоцкий был убит, розыски убийцы к чему не привели (да вряд ли и велись), монгольские феодалы (вдова Цэцэн-хана и Турухай-табун) решитель-

⁶² Там же, л. 86.

⁶³ Там же, л. 89.

⁶⁴ Там же, л. 85.

⁶⁵ «„Шара Туджи“. Монгольская летопись XVII в.», стр. 168.

но отказались стать русскими подданными и настаивали на том, чтобы «впред на их улусы сибирские служилые люди не приходили и не воевали»⁶⁶.

Неудача посольства Заболоцкого приостановила на некоторое время дальнейшие отношения с монгольскими феодалами. Как мы видим, связи эти еще не были систематическими, а возникали лишь от случая к случаю, при столкновениях русских казаков с монгольскими отрядами. Несмотря на неудачи, постигшие первых русских разведчиков за Байкалом, продвижение на восток в поисках новых «прибыльных» земель продолжалось. Оно шло двумя путями: первый путь проходил из Енисейска через Братский острог и озеро Байкал. По направлению этого пути были основаны остроги Верхне-Ангарский (1646 г.), Баргузинский (1648 г.) и Иркутский (1652 г.). Второй путь, идущий из Якутска, привел русских за Яблоновый хребет, на р. Амур, где русские столкнулись с маньчжурами. В 50-х годах XVII в. русские казачьи отряды, отправленные из Якутска, достигли р. Шилки, где ими были основаны остроги Нерчинский (1654 г.) и Албазинский (1657 г.). Появление русских в западном Забайкалье свидетельствовало о распространении власти Русского государства и на этот район.

В эти же годы состоялась первая попытка наладить непосредственные связи с Китаем. В 1654 г. было отправлено в Китай большое посольство во главе с Ф. И. Байковым. Известно, что это посольство не имело большого успеха, но вслед за ним последовали в Китай другие русские посольства, и было положено начало более близких торговых связей между этими двумя государствами. На пути между ними лежала Монголия, которая невольно вовлекалась в круг этих отношений. Таким образом, в конце первой половины XVII в. на Дальнем Востоке уже начинали складываться условия, которые в конце XVII в. привели к установлению дипломатических отношений с Китаем и Монголией.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 220, лл. 88, 89.

Глава III

ОТНОШЕНИЯ С АЛТЫН-ХАНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Русско-монгольские отношения во второй половине XVII в. носили несколько иной характер, чем в середине века. Обмен посольствами от случая к случаю сменился более частыми встречами, монгольские послы приезжали в Москву и в сибирские города (Томск и Иркутск) чаще, чем раньше. Пограничные вопросы определяли в большинстве случаев характер посольских связей в этот период. Постоянный обмен посольствами с ойратами, Алтын-ханом хотогойтским, с феодалами Северной Монголии (Цэцэн-ханом, Тушету-ханом) нередко вызывался именно пограничными инцидентами. Но еще одно обстоятельство следует учитывать при определении характера русско-монгольских отношений во второй половине XVII в. В этот период произошли большие изменения во внутреннем положении обеих заинтересованных стран. Укреплялись позиции русских в Сибири, где происходило медленное, но прочное заселение свободных земель русским крестьянством, где организовывалась и росла «государева пашня», т. е. происходили важные изменения в хозяйственной жизни, которые определили дальнейшие условия развития и историческую судьбу народов, вошедших в состав России, уже сложившейся в большое централизованное государство.

Монголия все еще была раздроблена на отдельные княжества, правители которых часто вступали в борьбу друг с другом за власть, за владение крепостными и скотом. Но вместе с тем неоднократно проявлялось стремле-

ние объединиться, особенно перед лицом неумолимо надвигавшейся опасности со стороны Маньчжурской империи. Произошло разделение Монголии на Внутреннюю и Внешнюю. Внутренняя Монголия уже потеряла свою независимость и вошла в состав Маньчжурской империи. Внешняя Монголия оказалась в середине XVII в. между двумя большими централизованными государствами — Русским и Маньчжурским. Действия маньчжурских императоров представляли большую угрозу независимости монгольских князей. Последние занимали противоречивую позицию по отношению к маньчжурам. С одной стороны, халхаские ханы вступали с ними в конфликт (например, оспаривая право владения некоторыми южными княжествами), с другой стороны, обменивались посольствами и подарками, заискивали и позволяли вмешиваться в свои внутренние дела. Вмешательство осуществлялось различными способами: прямым подкупом, натравливанием монгольских князей друг на друга и т. д.

Маньчжурское правительство всячески стремилось ослабить халхаских феодалов. Этой цели содействовало появление в 1655 г. восьми дзасаков в Халхе¹. Новое деление было утверждено маньчжурским императором Шунь-чжи, который пользовался большим влиянием среди халхаских князей. Через некоторое время число дзасаков было увеличено до 14. Этим достигалось дробление уделов. Хозяйская рука маньчжуров начинала чувствоваться в Монголии все сильнее. Все же монгольские

¹ Институт дзасаков (князей-правителей) появился в Монголии в XVI в. Первые сведения о нем можно найти у Саган Сэцэна (см. I. J. Schmidt, *Geschichte der Ost-Mongolen*, SPb., 1822, S. 200), который сообщает, что Тюмен-хаган организовал для управления Монголией особое правительство из пяти князей, получивших название дзасаков. В середине XVII в. Халхой, по сведениям «Илэтхэл Шастир», управляло четыре дзасака, среди которых был и Алтын-хан Омбо Эрдэни. В 1655 г. их число было увеличено до восьми. Это деление было узаконено маньчжурским императором (А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»*, СПб., 1883, стр. 58, 161). Во второй половине XVII в. «вообще все монгольские феодалы разделяются на две группы: к первой относятся князья-правители (*jasag* ил *поуан*), т. е. обладавшие полной юрисдикцией, ко второй — простые князья, юрисдикция которых была ограничена» (Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*. М.—Л., 1934, стр. 179).

князья стремились сохранить свое независимое положение. Они не раз в течение XVII в. предпринимали попытки объединиться, которые так и не дали реальных результатов. Монгольские феодалы хотели установить с Русским государством добрососедские отношения, чтобы в трудный момент можно было найти у него защиту от посягательств маньчжуров. Халхаским князьям, находившимся между двумя большими государствами, приходилось поддерживать посольские связи с ними обоими.

Отношения, завязавшиеся с Алтын-ханами в начале XVII в., не всегда имели мирный характер. В первые десятилетия они ограничивались обменом посольствами, который был прерван, но в 50-х годах возобновился в напряженной обстановке и сопровождался открытым вторжением Алтын-хана в русские земли. В южные районы Томского и Енисейского воеводств неожиданно вступили отряды Алтын-хана, угрожая русским острогам и поселениям. С Алтын-ханом пришлось по этому поводу начать переговоры, обменяться посольствами и в конце концов через два десятилетия вновь заставить его признать присягу, принесенную его отцом на верность Московскому государству в 1634 г.

Мы знаем, что Алтын-хан понимал присягу как заключение дружеского союза с Русским государством. Он продолжал вести себя как полновластный хозяин не только в собственных родовых владениях, но и в землях, ему не принадлежавших. Он претендовал на сбор ясака с «киргизских, матцких, тубинских людей» и других обитателей южной Сибири, уже присоединенной к русским владениям. Прервав обмен посольствами с Алтын-ханом, московское правительство старалось проводить политику невмешательства в его дела и демонстрировало свое нежелание поддерживать с ним дальнейшие отношения.

Не получив ответа на свои последние посольства, Алтын-хан и его сын Лубсан-тайджи, часто называемый в русских архивных документах Лубсан-царевичем, вторглись в 1652 г. в русские земли. Это был организованный военный поход, направленный главным образом против киргизов, добровольно принявших русское подданство и аккуратно плативших ясак. Еще до вторжения киргизы неоднократно жаловались в Томск и Красноярск, что «мугальские люди силою» собирают с них ясак в пользу мон-

гольского феодала². Теперь в их владениях появился большой отряд во главе с самим Алтын-ханом. Этому предшествовали следующие события: в киргизские кочевья пришла группа монгольских воинов во главе с Мергентайджи, которого в архивных документах называют племянником Алтын-хана. Он стал просить у киргизов защиты от притеснений своего дяди. Глава киргизских князей Ишей заподозрил в этих действиях военную хитрость и отказался принять Мергентайджи. Последний стал лагерем в горах около устья р. Ербы. Вскоре в киргизские кочевья вторгся сам Алтын-хан с четырехтысячным войском и начал хозяйничать на киргизской земле. «Киргизских и тубинских всех лутчих князцов поимал Алтын-хан к себе силою 70 человек, и его Алтыновы люди у киргиз, и у тубинцев, и у всех иноземцев кони и скот отгоняют и животы их на лабазах грабят и из земли выкапывают»³, так красочно описывает труднейшее положение киргизов красноярский воевода, к которому те обратились за помощью. Воевода отправил для разведки Степана Коловского. В результате переговоров и требований последнего Алтын-хан вынужден был уйти за Саяны, но при этом постарался дипломатично объяснить свое появление в русских пределах. Он уверял Коловского, что явился к киргизам только затем, чтобы представить им сына Лубсантайджи, которому собирается передать правление своим улусом.

Через пять лет (в 1657 г.) монголы вновь появились в киргизских землях. На этот раз во главе их находился Лубсан-тайджи, которому Омбо Эрдэни уже передал власть. С этого времени имя Лубсан-тайджи⁴ в течение четверти века не сходит со страниц русских архивных документов. Нередко упоминается оно и в монгольских источниках. Лубсан-тайджи с семитысячным войском появился в Красноярском воеводстве и разбил лагерь на речке Ербе, находящейся в пяти днях пути от Красноярска. Монгольский князь вел себя в русских землях как хо-

² Подробности см. в кн.: Л. П. Потапов, *Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)*, Абакан, 1952, стр. 55—57.

³ ДАИ, т. III, № 108, стр. 385.

⁴ Подробности о деятельности и жизненном пути Лубсантайджи см. в нашей статье «*Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в.*» («Советское востоковедение», VI, Л., 1949), стр. 391.

зяин, грабил окрестное население, захватывал в аманаты детей киргизских, тубинских князьцов, отбирал скот, лошадей, воинские доспехи и оружие. Лубсан-тайджи чувствовал себя настолько уверенным, что потребовал от воеводы выдачи тубинских князьцов, бежавших в Красноярск от грабежей и насилий монгольского феодала. Лубсан отправил воеводе по этому поводу грозное письмо. Мало того, он начал готовиться с телеутским князем Кокой к походу на Томск. Но в то же время Лубсан постарался начать переговоры с томским воеводой. В октябре 1657 г. он отправил к нему посла Мерген Дегу с письмом, в котором подчеркивал, что в прошлые годы между его отцом Алтын-ханом и Русским государством происходил обмен посольствами и подарками, а теперь эти отношения прервались и «государева жалованья» ему не присылают⁵. Томский воевода и его помощник не без основания сочли, что Мерген Дега приехал с целью разведки, но в переговоры с ним все же вступили. При этом они постарались укрепить город, разослали соответствующие распоряжения в близлежащие остроги и обратились в Москву с просьбой об увеличении гарнизона. По указу Москвы в 1658 г. к Лубсан-тайджи было отправлено ответное посольство во главе с сыном боярским Степаном Гречениным⁶.

Еще в 1657 г. у Лубсан-тайджи успел побывать пятидесятник Роман Кольцов. Красноярский воевода отправил его с ответом на письмо Лубсан-тайджи с «угрозами». Кольцов должен был напомнить монгольскому князю о присяге, принесенной его отцом на верность московскому царю, и заставить его уйти из русских владений. Лубсан-тайджи держался с Кольцовым надменно и дерзко, утверждая, что выполнять клятву для него не обязательно, поскольку он не давал ее: «Отец де мой, хотя и шертовал, он де стар, а лаба (лама) шертовал—тот умер, Турал табун шертовал в Томском городе, тот де умер же, а я де

⁵ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 614, л. 13.

⁶ Сведения о посольстве Степана Греченина и изложение его статейного списка см. в кн.: И. Е. Фишер, *Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием*, СПб., 1774, стр. 709—718. — Этот материал был переведен на английский язык и опубликован Бэддли (см.: J. Baddeley, *Russia, Mongolia and China...*, vol. II, London, 1919, p. 170—172). — В нашем распоряжении имеется полный статейный список Греченина, подлинник его хранится в ЦГАДА, ф. 214, стлб. 614, лл. 12—35.

не шертовал»⁷. На требование Кольцова покинуть русские владения Лубсан отвечал, что находится в своих землях, «какая де земля вашего государя, земля де извеку наша»⁸. Из этих ответов ясно видно, что миссии своей Кольцов выполнить не смог.

Выполнение этой задачи («неправды его выговорить»⁹) и было возложено на Степана Греченина и Степана Бобарыкина, выехавших из Томска по указанию Москвы только в сентябре 1659 г. Пока шла переписка и снаряжалось посольство Греченина, Лубсан-тайджи ушел со своими «воинскими людьми» в Монголию. Причиной этого внезапного ухода было известие о смерти его отца Алтын-хана Омбо Эрдэни. Лубсан так и не смог организовать поход против Томска и создать коалицию из киргизских и тубинских князей. Последние не были надежными союзниками, так как хозяйничанье монгольского феодала на территории киргизских и тубинских князей не могло не вызвать их недовольства. Для киргизских князей, долго и упорно сопротивлявшихся русскому влиянию, становилось ясно, что лучше соблюдать верность русскому государю, чем стать жертвой алчности монгольского феодала.

Во время поездки Степана Греченина через киргизские районы не все князья, подвергавшиеся нападению Лубсан-тайджи, держались вполне лояльно. Многие из них беспрекословно снабжали посольство подводами и проводниками, охотно пропускали его через свои владения. Но два киргизских князьца, живших от Томска на более далеком расстоянии и поддерживавших тесные связи с монгольскими феодалами, задерживали русских послов, отказывали им в лошадях, в проводниках и даже угрожающе заявляли: «Захошь де ты сам едешь, а не захошь — и ты назад воротишься»¹⁰.

Отказал в подводах Греченину и алатырский князек Абака, подчеркнув, что русские не пришли на помощь, когда Лубсан-тайджи грабил и «воевал» алатырцев. В марте 1660 г. после пятимесячного пути Греченин добрался до Монголии. Лубсан-тайджи, ставший к этому времени уже Алтын-ханом, находился в своих родовых кочевьях около оз. Убса. Он не сразу принял русского

⁷ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 513, л. 42.

⁸ Там же.

⁹ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 614, л. 1.

¹⁰ Там же, л. 17.

посла, так как в день его приезда отправился в кочевье своего брата («к кутухте»). Лишь через три недели состоялась встреча Греченина с Алтын-ханом, которая не дала никаких результатов. Почти два месяца прожил Греченин в ставке монгольского князя. Ему пришлось съездить и к брату Алтын-хана, который хотел вступить с русскими в переговоры и отправить в Москву посланцев. Подобное намерение лишней раз свидетельствует о большом интересе монгольских феодалов к Русскому государству, о стремлении держать с ним связь, несмотря на временные затруднения, возникшие по их же собственной вине.

В день возвращения Греченина от хутухты к Лубсан-тайджи у последнего скончалась старшая жена, и он решил тут же покинуть кочевье, как это делали в те времена монголы, избегавшие всего, что напоминает о смерти и что могло, согласно суеверным взглядам, принести несчастье. Пришлось Греченину опять переезжать вместе с монгольским князем вверх по р. Тес. Он пробыл у Лубсан-тайджи недолго, так как, по монгольскому обычаю, во время траура в ставке не должны жить посторонние люди.

При отъезде русского посольства Лубсан-тайджи произнес обдуманную дипломатичную речь. Он объяснил свой приход в русские владения желанием усмирить киргизов, которые «з государевыми людьми воевались». Он заявил, что хочет поддерживать добрые отношения с Москвой, оставаясь независимым и не считая себя русским подданным. Лубсан-тайджи такими словами мотивировал свой отказ соблюдать присягу: «И мне де Лобзяну учинитца в холопстве холопье надобе и делать, а написатца мне в подданстве, надобе погодно великому государю ясак платить. А меня де, Лобзяна, с такое дело не будет, великому государю не хочу солгать, за холопство де и за подданство великий государь меня пожалует златом и серебром и камением драгим, и всякими диковинками, и то де мне будет непрочно, все изтлеет, только одно имянишко мое останетца, а есть ли будет великий государь меня пожалует своею царьской силою на неприятелей моих и в те поры имянишко мое означитца, а я де за то ему, праведному государю, готов служить и прямить неподвижно и во всем добра хотеть в правду... Какая де прибыль великому государю, что я учинюся в подданстве, а в нашей де земле то бесчестье большое, взмолвят окольные моя братья мугальские цари и князи и властели —

что де Лобзян Саин контайчи над собою видел, что учинился великому государю в подданстве, войны и порабощенья над собою не видя?»¹¹. Судя по приведенной аргументации, Лубсан-тайджи нельзя отказать в чувстве собственного достоинства и стремлении сохранить самостоятельность своего небольшого, но независимого владения. Он предложил даже новую формулу для обозначения своей будущей зависимости от Русского государства — писаться в грамотах «меньшим братом» московского царя: «Буди великий государь мне большей брат, а я Лобзян ему великому государю меньшей брат». На эту претензию Греченин ответил отказом: «Ты, Лобзян, говоришь такие незбыточные речи, и будет впредь у тебя услышу такие невежливые слова и у меня с тобою посольства отнюдь не будет и говорить с тобою о государевых посольских делах ни о каких не стану»¹². Не желая ссориться открыто с русским послом, Лубсан-тайджи обещал в будущем «дать шерть великому государю»¹³, после того как убедится, какая к нему будет царская милость и «жалованное слово». Переговоры Греченина были далеко не безрезультатны: Лубсан-тайджи больше не вторгался во владения русских, перенеся свое внимание на халхаские дела¹⁴. Он не преминул, конечно, отправить в Москву со Степаном Гречениным своих послов — Дега-табуна и Серень Шееджина (Цэрэн-чойджин). Секретарем при них (подьячим, по выражению Греченина) был назначен Ачита-бакши. Следует отметить, что у Алтын-ханов сложилась традиция отправлять с возвращающимися от них русскими своих послов.

Обратный путь Греченин совершил без особых задержек. В июле 1660 г. он вернулся в Томск, где монгольские послы через несколько дней были приняты томскими воеводами, которые тщательно осмотрели привезенные подарки. По-видимому, прием был не очень дружелюбный, так как монголы, «умысля воровски», ночью «пристава и сторожей запоили и ис Томского збежали»¹⁵. Происшествие это встревожило томских воевод И. В. Бутур-

¹¹ Там же, л. 32.

¹² Там же, л. 33.

¹³ Там же, л. 34.

¹⁴ См. нашу статью «Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в.», стр. 391.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 614, л. 42.

лина и П. П. Поводова, которые вынуждены были отправить к Лубсан-тайджи казачьего пятидесятника Степана Бобарыкина, чтобы разыскать бежавших послов и требовать от Лубсан-тайджи «им наказание». Бобарыкин выполнил поручение довольно оперативно, совершив поездку туда и обратно в четыре с половиной месяца. Его статейный список¹⁶ невелик по объему, но достаточно интересен, так как по нему можно судить о действиях принявших русское подданство и в то же время враждебно настроенных против русских киргизских, тубинских, алатырских князей, искавших поддержки у монгольского феодала.

Бобарыкину пришлось с трудом пробираться через киргизские и алатырские улусы. Ему не давали лошадей и «корма», русский отряд несколько раз подвергался нападению «воровских людей». Остановившихся на ночевку казаков «обстреливали стрелами», и им приходилось «отбиваться из оружия». Такие недружелюбные действия были прямым результатом политики Алтын-хана, который пытался организовать против русских коалицию из киргизских и алатырских князьцов.

Бобарыкин выяснил у Лубсан-тайджи, что послы его бежали из Томска, напуганные речами «служилого человека Шумилова Васьки», предсказывавшего им «арест в Тобольске». Не понравились им также речи на приеме у воевод о скудости подарков, которые они везут в Москву. Лубсан-тайджи потребовал очной ставки послов с Васькой Шумиловым для выяснения истины. Сам он никаких препятствий Бобарыкину не чинил: принимал «честно», снабжал его «кормом» и отправил не задерживая. С Бобарыкиным вновь поехал в Москву послом Ачита-бакши.

Монгольское посольство, прибывшее в Москву в 1662 г., было, как всегда, торжественно принято царем. Цель приезда Ачита-бакши была изложена в письме¹⁷,

¹⁶ Там же, л. 41—47.

¹⁷ Подлинник письма и перевод с него, сделанный толмачом Посольского приказа, хранится в ЦГАДА, ф. 214, стлб. 614, лл. 75—77, 80. Так как данное письмо представляет собой редкий образец дошедших до нас немногочисленных рукописных памятников XVII в., исследованию его посвящена отдельная статья (см. нашу статью «*Письма Лубсан-тайджи в Москву в XVII в.*» в сборнике «Филология и история монгольских народов», выходящем в свет в 1958 г.).

переданном в Москве в Посольский приказ. Насколько мне известно, это письмо является одним из наиболее ранних эпистолярных образцов XVII в. На письме указана точная дата: год железа-коровы, средний осенний месяц.

В письме изложена жалоба Лубсан-тайджи на обращение в Томске с его послами и просьба разобрать это дело. Лубсан-тайджи подчеркивал, что хочет продолжать обмен посольствами с Москвой, но при этом требовал к себе отношения, как к царю. В этом письме отражены все прежние требования Алтын-ханов, стремившихся подчеркнуть свое независимое положение. Не желая прерывать отношений, Лубсан напоминал о прежде существовавших связях с Русским государством, которые поддерживались его отцом и дедом, и даже предлагал свою помощь в случае войны.

При обсуждении письма Лубсан-тайджи в Посольском приказе боярами было вынесено два решения¹⁸. Первое касалось требования Алтын-хана разыскать виновных, «запугавших» послов тюрьмой. Решение было суровым, в вопросах внешней политики Русское государство шутить не любило. Бояре боялись учинить «поруху чести государства» и строго карали действия, в которых «поруха» эта могла быть усмотренной. Они постановили «розыскать подлинно сыну боярскому и казаку перед приказною избою при ево посланцах учинить жестокое наказание — бити кнутом»¹⁹. На предложение Лубсан-тайджи поддерживать торговые и посольские отношения приказ ответил согласием и решил отправить монгольскому хану подарки и грамоту, в которой похвалить его за намерение стать в будущем «под государеву высокую руку». Однако в письме не содержалось никаких данных о том, что Алтын-хан хочет стать русским подданным. Тем не менее бояре, которые в отношении Алтын-ханов придерживались определенной линии — добиться подтверждения присяги, принесенной в 1634 г., поспешили сделать такой вывод.

Интересно отметить еще одну деталь: стоимость присланных Лубсан-тайджи даров оценена в «13 руб., 30 алтын, 2 деньги», а в ответ ему послано «великого государя жалованья... на 100 рублей на серебряные деньги»²⁰.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 1469, лл. 45—46.

¹⁹ Там же, л. 45.

²⁰ Там же, л. 46.

Русское правительство не скупилось, когда речь шла о поддержании авторитета государства и упорядочении отношений в пограничных районах.

Пока в Москве готовили ответ Лубсану, из Томска к нему было отправлено посольство Петра Лаврова. Судя по статейному списку, Лавров должен был напомнить монгольскому князю о присяге, принесенной Алтын-ханом Омбо Эрдэни. Установить более точно цели посольства, которое было несколько неожиданным, пока еще нельзя. Следует отметить, что оно выехало в то время, когда царь принимал в Москве Ачита-бакши (в мае 1662 г.). Никаких особых событий за этот период, по-видимому, не произошло. Томские воеводы хотели лишь удостовериться в намерениях Лубсан-тайджи.

Посольство Лаврова не внесло ясности в отношения с третьим из Алтын-ханов. Лубсан-тайджи в это время был занят монгольскими делами. Он вмешался в борьбу за престол Дзасакту-хана ²¹.

Лубсан-тайджи в начале 60-х годов находился на вершине своего благополучия. Он вернулся из русских владений с большой добычей, ограбив киргизское, тубинское, алатырское население. Влияние его в Монголии возросло, он смело потребовал, чтобы престол Дзасакту-хана занял угодный ему претендент, и сместил с престола Ваншука, старшего сына Дзасакту-хана. Это вмешательство привело к новой феодальной войне, охватившей западные области Монголии. Невольной жертвой ее стало русское посольство, на которое напал отряд «воинских Ясакты хана людей» (людей Ваншука). Лавров в своем статейном списке горько жалуется на перенесенное посольством нападение. «И августа в 4 день, — пишет он, — наехали нас алганутцково ²² царя Ясакту хановы воинские люди и нас взяли в полон и наказную память и животы наши взяли и нас ограбили. Держали нас день да

²¹ Вмешательство Лубсан-тайджи в вопросы дзасактухановского наследства достаточно известно по монгольским материалам. В летописи «Эрдэнийн эрихэ» оно названо даже «смутой Лубсана» (см.: А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»*, стр. 60). Подробности этой феодальной борьбы изложены в «Илэтхэл Шастир» («Илэтхэл Шастир» Дзасактухановского аймака, тетр. 61).

²² Алганутцкый (олхунутский) — название отока (административная единица в феодальном владении), входившего в состав княжества Дзасакту-хана.

ночь и на завтрее нас отпустили нагих... а товарищев наших... Стеньку Замятина да Кирюшку Микитина, убиты ль они, или взяты в полон, тово мы не ведаем»²³.

При возвращении Лаврова из Монголии Лубсан-тайджи отправил с ним посла с письмом к русскому царю. Монгольские послы («Уран с товарыщи») благополучно доехали до Москвы, где были приняты царем 13 июля 1663 г.²⁴. На предварительном приеме в Посольском приказе Уран на вопрос о цели приезда ответил, что Лубсан-тайджи стремится установить более тесный контакт с Русским государством. При этом он объяснил, что Лубсан-тайджи вел войну «с семью кочевными государствами», и «неприятели стали невмочь, потому что у тех семи государств кочевных людей с тысячу, а у царя их только было со 100, и бой был у них с утра до вечера. И как де царю их стали те неприятели ево невмочь, поворотился в свое кочевье назад... и ныне, де... кочует на урочище в енисейских вершинах»²⁵. Из столь чистосердечного рассказа Урана становятся совершенно ясными причины отправления Лубсаном нового посольства. Вмешавшись в дела наследования дзасактухановского престола и вызвав войну, Лубсан-тайджи оказался не в состоянии противопоставить имеющиеся у него военные силы Тушету-хану, который также принял участие в этой феодальной борьбе и выступил в защиту старшего сына Дзасакту-хана, смещенного Лубсаном. К Тушету-хану примкнули еще несколько князей²⁶ («семь кочевных государств», по терминологии посольских документов). Лубсану пришлось откочевать на

²³ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 1469, л. 6. -- Впоследствии стало известно, что один из пропавших без вести казаков был продан в рабство в глубь Монголии, где и провел несколько месяцев, а затем был освобожден «кутухтою», который был родным братом Лубсан-тайджи. Этот хутухта выкупил его на свободу и отправил на родину, так как стремился поддерживать добрые отношения с русскими.

²⁴ Подробности приема описаны в следующих документах: «Справка о преждебывшем приеме монгольских послов» (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 1469, лл. 12–18), «Отписка томских воевод И. Буртурина и П. Поводова о посольстве Урана» (там же, лл. 3–5), «Память о порядке приема монгольских послов 13 июля 1663 г.» (там же, лл. 30–35), «Описание приема монгольского посольства в 1663 г. в Посольском приказе» (там же, лл. 23–26).

²⁵ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 1469, л. 25.

²⁶ А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн эрхэ»*, стр. 169.

р. Кемчик, где и застал его П. Лавров. Естественно, у монгольского феодала возникла мысль обратиться за помощью к русскому царю. Гордость не позволяет монгольскому князю признать трудность своего положения и открыто просить помощи у московского правительства. Он прибегает к всевозможным уловкам. Лубсан-тайджи начинает свое письмо с обращения, которое сразу вызывает внимание: «Великому владыке Белому хану Алтын-хаган письмо поклонясь подносит»²⁷. Он называет русского царя «Белым ханом», а себя «Золотым хаганом», употребляя для первого термин «хан», т. е. «владыка местного значения», а для себя—термин «хаган», что значит «владыка, обладающий верховными правами императора». Надо полагать, что переводчики Посольского приказа не разобрались в тонкостях монгольского языка. В противном случае это выражение было бы опротестовано русским правительством, столь ревниво следившим за «честью имени великого государя». Лубсан-тайджи употребил его, чтобы показать свое значение и силу, которых он фактически не имел. Но он изо всех сил старался не уронить своего достоинства. Он и дальше пишет: «Ныне ты то же, что я», что должно значить: ты царь и я царь, оба мы одинаковы и равны²⁸. Лубсан-тайджи предлагает русскому царю покорить для него новых подданных, «покорить этот народ, который называется китайцы», а также «халхаский улус», но для этого необходима ему помощь в 10 тыс. русских ратников, причем лучше послать конных ратников, так как именно «конные цирики хороши будут»²⁹. И рядом с этими заносчивыми словами в письме содержится просьба выстроить город на истоках р. Кемчик, куда он мог бы скрыться от своих неприятелей. В этом-то и заключалась цель посольства Урана. Лубсан-тайджи была нужна помощь, нужно было надежное убежище.

Уран на приеме в Посольском приказе подтвердил содержание письма и добавил, что если великий государь «пожалует» Лубсан-тайджи ратными людьми, то тот «своих неприятелей всех, которые кочуют и до Китайского государства, приведет под царскую высокую руку»³⁰.

²⁷ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 1469. л. 29.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, л. 25.

Словом, не больше не меньше как всю Монголию обещает привести в русское подданство, лишь бы дали ему ратных людей. Конечно, подобные уверения посла и его господина Лубсан-тайджи никакой цены не имели, и большого значения этим обещаниям в Москве не придали.

Предложение монгольского князя о постройке для него острога привлекло внимание русского правительства. Но не для Лубсан-тайджи собиралось оно строить город на р. Кемчик — этот острог явился бы еще одним русским форпостом в новых землях, не объясаченных и не освоенных или, вернее, еще недостаточно освоенных русскими. Эта просьба Лубсан-тайджи в данном случае отвечала интересам России. Заинтересованность московского правительства в постройке нового острога объяснялась стремлением не только укрепиться в местах, еще недостаточно освоенных, но и прекратить там всякие недружелюбные вылазки, которые во второй половине XVII в. заметно участились в связи с антирусской деятельностью киргизского князя Иренака Ишеева. Постройка крепости смогла бы не только упрочить положение русских в южной Сибири, но и защитить ясачное население тех же киргизов, жестоко страдавших от «насилъств» своего князя.

В Москве было решено отправить в Монголию казачьего голову Зиновия Литосова в сопровождении двенадцати казаков. Они везли в подарок монгольскому князю пищаль, панцирь, сукна и пр. На этот раз русское правительство отступило от своего обычая, запрещающего продавать и дарить монголам огнестрельное оружие. На пути в Монголию Зиновий Литосов встретил 18 сентября 1663 г. монгольских послов, ехавших в Томск. Литосов откомандировал с ними часть своей охраны с пятидесятником Федором Рудаковым. В Томске монгольские послы были на приеме в съезжей избе, предъявили воеводам «мунгальский лист», т. е. письмо от Лубсан-тайджи, и просили отпустить их в Москву. По-видимому, в Томске их задержали, так как Зиновий Литосов успел побывать у Лубсан-тайджи, вернуться и поехать вместе с ними в Москву.

Из статейного списка Зиновия Литосова мы узнаем, что Лубсан-тайджи принял русское посольство доброжелательно, выслал ему навстречу гонцов, поставил три юрты, стоя выслушал государеву грамоту, затем грамоту при-

нял, поцеловал и даже на голову себе положил³¹. Пошатнулось могущество Лубсан-тайджи, изменилось и его поведение. Вместо заносчивых слов, отказа слушать чтение грамоты стоя и снять шапку Лубсан-тайджи спокойно выполняет требования русского посла, щепетильного в проведении церемониала. Он не стал задерживать послов, как это делал раньше, а поскорее отправил их назад с наказом, «чтоб великий государи изволили на Обакане реке поставить город, а он Лобжан (т. е. Лубсан-тайджи. — *Н. Ш.*) своею головою и с своими убашами и с улусными людьми весь их великих государей и рад им великим государем служить, где оне великий государи укажут»³². Вот какие речи повел теперь Лубсан-тайджи (правда, нам известно об этом лишь по словам посла Литосова), когда военные неудачи вынудили его к отступлению на север. Он говорит уже о постройке острога значительно севернее, не на р. Кемчик, а на Абакане. Свою просьбу Лубсан-тайджи подкрепил дарами, значительно более ценными, чем отправленные ранее (гнедой аргамак — самый дорогой и сердечный с точки зрения монгола-степняка подарок, серебряная кружка, хрустальный камень, лазоревый китайский атлас, 18 соболей и др.), словом, был любезен и внимателен. Положение для него складывалось не очень благоприятное: усилилась борьба с халхаскими феодалами, кроме того, ему начали угрожать ойратские князья, с которыми у Алтын-ханов издавна были враждебные отношения. Ойраты и Алтын-ханы оспаривали друг у друга право владения некоторыми кыштымами, и столкновения между ними были довольно частыми.

Успех посольства Зиновия Литосова, уверения Лубсан-тайджи в том, что он готов «стать под государеву руку», сохраняя при этом звание царя, показались настолько убедительными, что правительство решило издать специальный указ о приеме Лубсан-тайджи в русское подданство. Указ этот был впоследствии опубликован в «Полном собрании законов Российской империи». В нем отмечено, что «ему, Лозану, быть в Его Царском Всемилюстивом призрении». Но ему сохранялся царский титул: «И великий государь его, Лозана, пожаловал, велел за:

³¹ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 610, л. 26.

³² Там же, л. 27.

службу отца его Алтына царя и за его покорение милостиво похвалить и в своих великого государя грамотах написать его Мунгальским царем»³³. В указе дана также и мотивировка этого несколько странного положения, по которому монгольский князь мог быть одновременно и царем и подданным русского царя. Подобные примеры известны в истории Русского государства XVI—XVII вв. (например, касимовские царицы).

Вторичная просьба Лубсан-тайджи о постройке для него острога в южной Сибири нашла живейший отклик в Москве. В июле 1665 г. к нему было отправлено посольство Романа Старкова и Степана Бобарыкина³⁴, перед которыми была поставлена конкретная задача — найти удобное место для постройки крепости и договориться об этом с Алтын-ханом.

Старков нашел ставку Лубсан-тайджи на р. Ермак, значительно севернее его родовых кочевий, откуда он, по-видимому, был вытеснен халхаскими князьями. Прием, оказанный русскому послу, был дружелюбен и параден. Старков поднес монгольскому князю в подарок «шубу с царского плеча» — знак дружеского расположения и приязни, а шуба была дорогая («отлас золотой на соборных»).

В день приезда Старкова Лубсан-тайджи должен был срочно отправиться через хребет Танну-Ола на встречу с Очирой Сайн-ханом (Тушету-ханом), с которым пред-

³³ «Полное собрание законов Российской империи», т. I, СПб., 1830, стр. 604, № 367.

³⁴ В сибиреведческой литературе это посольство Р. Старкова и С. Бобарыкина освещено довольно подробно, особенно в связи с картой местности для постройки острога. Карта эта неоднократно привлекала внимание исследователей и была не раз опубликована, так же как и статейный список, представленный Старковым. Первые сведения о посольстве Р. Старкова имеются в кн.: Н. Е. Фишер, *Сибирская история...* — Краткое изложение статейного списка Старкова можно найти в кн.: *«Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году.»*, СПб., 1882. — В ней опубликован впервые снимок с карты Старкова. Полностью статейный список Р. Старкова опубликован в труде Бэддли (см.: J. Baddeley, *Russia, Mongolia and China...*, vol. II, London, 1919, pp. 173—176). — Им опубликована и карта, уменьшенная вполтину. Английский перевод сделан со списка Посольского приказа. Существует еще один список Сибирского приказа (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 646, лл. 65—74), использованный нами. Список датирован 14 ноября 1665 г.

полагалось заключить перемирие. Старкову пришлось ждать возвращения Лубсан-тайджи два месяца, которые он благополучно провел в ставке, получая, как сказано в документе, «для царьского величества корм и питье» (это значило, что Старкова как представителя русского царя снабжали всем необходимым). Лубсан-тайджи вернулся, не договорившись о мире: «А с Саинхан колканом миру у нево при нас не учинилось»³⁵. Вероятно, по этой причине в тот же день Лубсан-тайджи любезно принял русских послов и просил, «чтобы великий государи ево, Лоджана царя, пожаловали, указали против прежнева сво челобитья на киргиском кочевье на Упсе реке город или острог поставить, не замотчав для прибежища мне на время. А в городе и ратные люди будут их великих государей, а мне бы де Лоджану царю в тот город прибегать на время летним временем от неприятелей моих. А против неприятелей наших учнем мы быть з государевыми ратными людьми заодно»³⁶. На такие откровенные речи монгольского князя Старков отвечал, что ему велено сделать чертеж для постройки острога, и тут же просил Лубсан-тайджи прислать в Томск заложников, так как у русской администрации не было полной уверенности в искренности монгольского феодала. Лубсан дал на это согласие и даже обещал отдать в аманаты не только своих «мугальских людей», но и киргизских князьцов, считая себя вправе распоряжаться ими, хотя нет никакого сомнения, что они этого распоряжения не послушали бы. Старков не преминул попытаться воздействовать через Лубсан-тайджи на Иренака Ишеева, который незадолго до отъезда Старкова в Монголию «по Чюлыму реке государевых яшашных людей разорил, жен и детей у них забрал к себе и разорил их без остатку и шерть свою он, Еранак, забыл, на чом он великому государю шертовал»³⁷. Лубсан-тайджи обещал «учинить розыск» разграбленного имущества в киргизских землях. Однако ни реальных сил и возможностей, ни особого желания выполнять данное слово у монгольского князя не было, да и не могло быть. Он сам был не прочь при случае пограбить киргизов.

³⁵ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 646, л. 69.

³⁶ Там же, л. 70—71.

³⁷ Там же, л. 73.

Лубсан-тайджи был очень доволен посольством Старкова. Стараясь подчеркнуть свое расположение, он наградил отличившегося толмача посольства званием дархана³⁸ и просил русского царя освободить его от уплаты податей: «Пожалуй, великий государь, не веди с неволясаку брать»³⁹. Этому толмачу пришлось выступить примирителем в споре между княгиней и русскими казаками во время отъезда Лубсан-тайджи. Один из казаков, которые привезли товары, не согласился с княгиней, давшей в обмен за две сажени сукна слугу-монгола, коня и верблюда. Он потребовал материал обратно, а получив его, заявил, что в нем не хватает пяди. Мало того, он потребовал от княгини клятвенного подтверждения недостатка. Все эти неприятные житейские мелочи и бестактности не повлияли, однако, на общий результат посольства, хотя им и было посвящено отдельное письмо Лубсан-тайджи, который отправил на этот раз три письма⁴⁰. Первое было посвящено вопросам общей политики, второе — изложению случившегося неприятного происшествия между княгиней и казаками и третье — просьбе прислать подарки. Не желая смешивать вопросы, так сказать, «высокой» политики с просьбами о подарках, Лубсан-тайджи написал о последних отдельное маленькое письмецо. Со своей стороны Лубсан-тайджи также старается характером подарков показать свое отношение

³⁸ Звание тархана (или дархана) в старину в Монголии давалось вольноотпущенникам из рабов. Но так как, пишет Б. Я. Владимирцов, обычно «люди отпускались за какие-либо важные заслуги, то дарханы, особенно в век Чингис-хана, приобретали не только положение «свободных» и освобождение от повинностей и податей, но и достигали различных степеней и, таким образом, входили в круг феодалов» (Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов...*, стр. 117). В XVII в. термин «дархан» употребляется в несколько ином значении. Дарханом называли человека, освобожденного от всякой зависимости по отношению к своему феодалу: от личной зависимости и уплаты каких-либо податей. Интересно отметить, что первоначально слово «дархан» значило «кузнец». В современном монгольском языке слово «дархан» имеет несколько значений, в том числе и «кузнец». Дарханами также называют мастеров по серебряному или медному делу. В связи с первоначальным значением этого термина можно предположить, что профессия кузнеца, производящего редкие и ценные железные изделия, считалась почетной и уважаемой. Это и отразилось впоследствии в употреблении термина «дархан».

³⁹ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 623, л. 79.

⁴⁰ Там же, лл. 74—81.

к русскому царю. Он посылает ему самый почетный подарок, так называемый «девятюк», который можно считать данью. Цифра 9 имела, по-видимому, у монголов какое-то сакраментальное значение. Употребление дани «девятки» известно в истории Монголии издавна. В монгольских летописях неоднократно упоминается, что монголы посылали китайским императорам в качестве дани «девять белых» предметов. В данном случае Лубсан-тайджи также послал «девятку»: «девять человек, да девять верблюдов, да девять лошадей, да девять тангуцких черных коров»⁴¹. Посылая в Москву «девятку», Лубсан-тайджи хотел подчеркнуть свои дружеские чувства по отношению к русскому царю. Но не совсем ясно, понимали ли в Москве все дипломатические тонкости этого монгольского этикета.

Хотя Старков был хорошо снабжен, но ему пришлось претерпеть много неприятностей на обратном пути: при переходе через Саянский хребет «зимнем временем» от бескормицы пали все лошади и верблюды. Посольство с трудом добралось до р. Абакан. «И волоклися пеши, — рассказывает Старков в своем статейном списке, — и от великие зимние стужи и з голоду немного не померли»⁴². Только 13 февраля вернулся он в Томск. Старкову еще раз пришлось поехать на р. Упсу и осмотреть местность, где предполагалась постройка монгольского города. Вот тогда-то он и составил карту этого района. К карте приложено описание под названием «Доезд Романа Старкова»⁴³, в котором дано следующее заключение: «И вверх по Упсе реке городу или острогу быть мочно, яланные места и сенные покосы, и лес, и рыбные ловли, и всякие угодыя, и хлебородные места есть. А водяным путем из Енисейскова острогу и с Краснова яру большими судами по Енисею реке и по Упсе реке ходить мочно. Упса река большая, а в Мугалской земле Кои реки нет, есть де по нашему урочищу Коя гора»⁴⁴. Но пока решался вопрос, строить город или нет, монгольский посол «Езан» (это не было собственным именем, а означало, вероятно, дзайсан, а по произношению западных монголов, «яйсан»), прибывший в Томск вместе со Старковым, уехал

⁴¹ Там же, л. 76.

⁴² ЦГАДА, ф. 214, стлб. 646, лл. 74.

⁴³ Там же, лл. 147, 148.

⁴⁴ Там же, л. 148.

в Москву и в октябре 1666 г. был принят царем Алексеем Михайловичем. Письмо, которое «Езан» вручил в Посольском приказе, по-видимому, не сохранилось (на этот раз царю было послано пять писем от Алтын-хана и его родственников). Судя по переводу, Лубсан-гайджи старался всячески подчеркнуть свои намерения быть «под высокой царской рукою»: «Великому государю челом бью; пожаловал меня, Лоджана царя, учинил на своей земле царем... а ныне я великому государю сын»⁴⁵. Но в то же время монгольский князь хочет сохранить свою самостоятельность и стремится получить лишь покровительство царя. Он просит военной помощи, «чтобы воевать недругов заодно. С Калкою у нас недружба»⁴⁶. В том же письме есть намек на одно, не дошедшее до нас письмо, а быть может и посольство, в котором на просьбы Лубсан-гайджи о помощи ответили отказом: «И великий государь велел мне самому с ним (с халхаским ханом. — Н. Ш.) управливатца»⁴⁷. Подобный ответ был продиктован общим направлением политики Московского государства в Сибири, не стремившегося вмешиваться в действия пограничных владений и не оказывавшего военной помощи монгольским феодалам в их борьбе друг с другом.

Лубсан-гайджи не ограничился просьбой о помощи, он просит также прислать вооружение не только для него лично (пищаль), но и «доспехов и оружия» для его людей. Итак, ему нужны «ратные люди», «оружие и доспехи», т. е. как раз то, чего русские ему не собирались предоставлять. Интересуют Лубсан-гайджи вопросы торговли (чтоб «торговые люди приезжали и торговали на обе стороны в правду и без обману»⁴⁸) и особенно строительство нового острога.

В связи с этим в Москве было решено отправить к Лубсан-гайджи еще одно посольство с богатыми подарками, которые, однако, так и не дошли по назначению. Произошли непредвиденные события, задержавшие отправление посольства. Пока «Езан» находился в Москве, Лубсан-гайджи, теснимый с юга Тушету-ханом, осенью 1666 г. пришел на р. Упсу, «стал со всеми своими

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 623, л. 74.

⁴⁶ Там же, л. 75.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, л. 79.

Предполагаемый портрет монгольского хана из «Титулярника» 1672 г. «Титулярник» сохранился в трех редакциях, находящихся в ЦГАДА, Эрмитаже и Государственной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В двух из этих редакций имеется портрет неизвестного монгольского хана без подписи. На экземпляре из ЦГАДА есть надпись «Китайской», сделанная позднее (по-видимому, уже в XVIII в.), о чем можно судить по почерку и чернилам. В 1672 г. еще не мог быть написан портрет китайского богдыхана, к которому только в 1675 г. было отправлено посольство Н. Спафария. Скорее всего это портрет одного из монгольских ханов, возможно, Алтын-хана.

людьми и с кочевья на ясачной земле от Красноярского острогу в четырех днищах»⁴⁹ и, не дожидаясь русских, стал сам строить городок при впадении речки Сизой в Енисей. Впоследствии эта крепость у местного населения получила название «Лозоновы осады». Остатки ее развалин видел еще знаменитый сибирский историограф академик Г. Ф. Миллер во время своей длительной экспедиции в Сибирь. Построив крепость, Лубсан начал со свойственной ему энергией вести переговоры с киргизскими князьями, особенно с Иренаком Ишеевым, грабя в то же время киргизское население.

Красноярское и Томское воеводства были встревожены этим неожиданным соседством. Томский воевода срочно писал в Кузнецк, рекомендуя осмотреть укрепления, собрать служилых людей, жить «усторожливо» и из острогу без особой надобности не выходить. Положение становилось напряженным. В это время в южную Сибирь вторгся ойратский отряд князя Сенге. Ойраты нередко собирали с киргизов ясак в свою пользу, поэтому появление их в киргизских землях было событием довольно частым. На этот раз князь Сенге выступил против Алтынхана, что закончилось плачевно для последнего. Он потерпел полный разгром и был захвачен с семьей в плен (в монгольских документах сказано, что он бежал к ойратам⁵⁰). В июне 1667 г. победитель Сенге привез его в свой улус. В это время там находился русский посол П. И. Кульвинский, который красочно рассказал в своем статейном списке о судьбе Лубсан-тайджи: «Июня в 12 день Сенга тайша с мугалской службы в свой улус приехал, а с собою Сенга привез Мугалского царя Лоджана, детей ево — трех сынов, один лет в дватцат, а другой лет петинатцати, а третей лет десети, а сестру Лоджанову за себя взял, а самому Лоджану царю Сенга велел руку правую по завить отсечь и сабачья мяса Лоджану велел в рот класть. И отдал ево, Лоджана, з двема женами Онгонотцкому царю, да он же Сенга привез с собою мугалского полону добрых ближних людей и кыштымов з женами и з детьми тысени з две, и Сенга тайша лутчих людей скотом наделил и велел жить подле себя, а держит в береженьи»⁵¹.

⁴⁹ ДАИ, т. V, № 24, стр. 93—94.

⁵⁰ «Илэтхэл Шастир» Дзасактухановского аймака, тетр. 61.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 126, 1667 г., стлб. 3, л. 13.

В плену Лубсан-тайджи пробыл довольно долго. Можно предположить, что феодальная распря между Сенге и братьями помогла освободиться монгольскому князю. Прошло более десяти лет, прежде чем имя Алтын-хана III опять стало встречаться в материалах Красноярского воеводства. На этот раз он появился на р. Оке, значительно восточнее Красноярска, и в 1678 г. отправил туда своих послов Ерокту Тархана-бакши и Лизан Бачу Баатыря. Это был последний приход на русскую землю Алтын-хана и последний обмен с ним посольствами. Довольно любопытно письмо⁵², отправленное Лубсан-тайджи с его послами. В нем монгольский князь просит разрешить «ему, Лоджану Алтыну царю, воевать киргиз вместе с твоими государевыми людьми» и напоминает, что не получил «государево жалованье», присланное для него в Томск в 1667 г., так как «был развоеван от калмыцких и от киргиских людей и вести про него не было многие годы». Он сообщает, что ныне освободился от ойратов и направляет в Москву своих послов. Красноярский воевода задержал одного из них (Ерокту Тархана), а другого отправил в Томск для выяснения вопроса о подарках. Следует отметить, что между томским и красноярским воеводами неоднократно возникали трения. Воеводы вмешивались в дела друг друга, так как сферы их деятельности не были строго разграничены.

Через некоторое время красноярский воевода Д. Загряжский согласно просьбе Лубсан-тайджи отправил Ерокту Тархана в Москву, минуя Томск. Томский же воевода Львов, считая, что сношения с монгольским феодалом находятся в сфере его юрисдикции, срочно командировал своего служилого человека в Мелесский острог на р. Чулым, чтобы перехватить монгольского посланца и привезти его в Томск. При этом Львов жаловался в Москву на «самоуправство» красноярского воеводы. Таким образом, монгольский посол так и не попал в Москву, а был «с Чулыма реки» привезен в Томск. Львов решил не торопиться с отправкой монголов в столицу, так как хотел выяснить обстановку. Поэтому он отправил к Лубсан-тайджи Бачу Баатыря в сопровождении Степана Тупальского, которому было поручено вы-

⁵² Содержание этого письма известно из отписки томского воеводы П. Л. Львова (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 709, лл. 217—221).

яснить, в каком положении находится Лубсан-тайджи, и заставить его подкрепить новой присягой «свою прежнюю шерть». По возвращении из поездки Степан Тупальский подал статейный список, в котором содержатся интересные сведения.

Между тем Д. Загряжский не терял времени. Он отправил для разведки «в Мугалскую землю» своего толмача Меркушку Журжина. Последний утверждал, что во время этой поездки призвал под «государево имя Мугалсково кутухту, а у него де улусных людей пятьсот человек» (этот хутухта был, по-видимому, родным братом Лубсан-тайджи) ⁵³.

Степан Тупальский выехал в Монголию летом 1679 г. из Томска ⁵⁴. Путь его лежал через Красноярск, где к посольству, состоявшему из семи человек, воевода присоединил еще четырех казаков. После трудного пути, через многочисленные реки и отроги Саянов, добрались русские послы до ставки Лубсан-тайджи, находившейся «на низ Оки реки к той каменной Быстрой речке». Прием русских начался с длительных препирательств по поводу церемониала. Хотя Лубсан-тайджи и претерпел много лишений, испытал плен и разгром, но по-прежнему держался гордо. Он не хотел первым спрашивать про «многолетнее здоровье великого государя», не хотел снимать шапки, словом, вел себя очень строптиво. Только после длительных споров и уговоров Лубсан-тайджи уступил Тупальскому, который потребовал от него подтверждения ранее принесенной присяги: «Также б и ныне ты, Лоджан Алтын царь, с своими детьми и с яйзаны (т. е. дзайсаны. — *Н. Ш.*) и со всеми своими улусными людьми будь в подданстве у великого государя» ⁵⁵.

В конце концов Лубсан-тайджи решил еще раз поклясться в верности русскому царю. Он принес присягу вместе со своими вассалами ⁵⁶ и сыновьями Эрдэни-тайджи и Баин Чулум. При этом Лубсан-тайджи напомнил,

⁵³ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 709, л. 220.

⁵⁴ Сведения о его посольстве сохранились в подробном статейном списке (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 709, лл. 371—396).

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 709, л. 383.

⁵⁶ К этому времени у Лубсан-тайджи оставалось всего лишь десять вассалов. Двое из них носили титул тайджи (дворянин), двое — дзайсанов, остальные имели лишь почетные прозвища.

что в прежних грамотах ⁵⁷ ему была обещана поддержка в случае военной опасности. Однако он ее не получил, когда «был от киргиз и от калмыцких людей в разорении» ⁵⁸. Подобная претензия лишней раз показывает, что монгольский князь понимал заключенный им договор как дружественный союз.

При принесении последней присяги Лубсан-тайджи согласился также поклясться в том, что он не только будет «служить и прямить великому государю», но и обещает «под ево государьские города и остроги войною не приходит и русских людей не побивать и с ясашных татар, которые служат великому государю, ясаку с них на себя не имать и не грабить» ⁵⁹, т. е. повторял те же обязательства, что и в предыдущей присяге. Отсюда видно, что в переговорах с Алтын-ханом русское правительство прежде всего преследовало цель охраны своих «украинных мест».

В 1678—1679 гг. томский воевода прежде всего усмотрел в появлении Лубсан-тайджи угрозу для «русских и ясашных людей». Но реальной опасности Лубсан-тайджи уже не представлял. Он был обессилен пленом и разгромом ойратами его владений. Лубсан-тайджи пытался, по-видимому, поправить свои дела за счет киргизов, князья которых в эти годы вели длительную и упорную борьбу с русскими, но и это ему было теперь не по силам. Он и в переговоры с русскими вступил в расчете получить помощь против киргизов, повторяя все те же заявления: «Зачем не изволит Великий государь киргиз воевать, и мне б де изволил великий государь с своими улусными людьми их воров воевать вместе, а повоевав их, острог в киргизах поставить и пашни пахать» ⁶⁰.

Получив новую присягу, Тупальский вернулся в Томск в сопровождении монгольского посла Баадари

⁵⁷ Ссылаясь на грамоты, которыми он обменивался с русским царем, Лубсан-тайджи заявлял: «А ко мне Лоджану Алтыну царю были две грамоты великого государя за веслыми красными печатями, а в тех грамотах было написано как де на меня, Лоджана Алтына царя, будут воинские люди и от воинских де людей ево, Лоджана Алтына царя, оборонить служилыми людьми из сибирских городов от верхотуря и острога было в ево земле поставить и пашни пахать» (ЦГАДА, ф. 214, стлб. 709, л. 386).

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 709, л. 386.

⁵⁹ Там же, л. 388.

⁶⁰ Там же, л. 389.

Колочи-бакши. По прибытии в Москву в 1680 г. Баадари был принят в Посольском приказе. Результаты переговоров до нас не дошли. В делах Посольского приказа сохранилась лишь не отправленная с Баадари царская грамота к Алтын-хану.

Посольство 1679 г. было последним. На этом обрываются отношения между Россией и Алтын-ханами Западной Монголии. Вскоре Лубсан-тайджи навсегда покинул русские владения и перенес все внимание на монгольские дела. Но имя Алтын-хана еще изредка попадает в русских исторических материалах. Надо полагать, что вторжения Алтын-хана, систематический грабеж им ясачного населения оставили о себе тяжелую память, если через добрый десяток лет в Москве все еще продолжали тревожиться за спокойствие на границах южной Сибири⁶¹. Вероятно, к этому же времени относится еще одна попытка русского правительства связаться с Лубсан-тайджи. Недавно в Тибетском фонде ЦГАДА было обнаружено письмо, написанное тибетскими буквами на монгольском языке. Письмо это адресовано Алтын-хану Лубсан-тайджи от имени царя Петра I, но оно, по видимому, так и не было отправлено.

Более полувека (1616—1679 гг.) длился обмен посольствами с Алтын-ханами. В истории внешнеполитической деятельности Русского государства на Востоке отношения с Алтын-ханами занимают определенное место. И в истории Сибири они оставили свой след.

⁶¹ Боярин Матвеев, один из крупных работников Посольского приказа, осведомлялся в 1694 г. у вернувшегося из ссылки Юрия Крижанича об Алтын-хане. Крижанич не мог дать ответа, так как ничего не знал об Алтын-хане. Последний перестал играть какую-либо роль в русско-монгольских отношениях.

Глава IV

РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД НЕРЧИНСКОГО ДОГОВОРА

60—80-е годы XVII в. представляют собой второй период в истории русско-монгольских посольских отношений. Обстановка в этот период была довольно напряженной, причем напряженность все возрастала и в 80-х годах привела к вооруженному конфликту. В это время на обмен посольствами стало влиять Маньчжурское государство, укреплявшее свои позиции на северных границах и пытавшееся прибрать к рукам монгольских феодалов, которые во второй половине XVII в. оказались между двумя большими централизованными государствами и старались поддерживать отношения с тем и другим. Нажим и вмешательство маньчжуров во внутренние дела монголов создавали реальную угрозу независимости монгольских князей и вызывали у некоторых из них законное беспокойство и страх. Вполне естественно, что часть монгольских князей стремилась завязать близкие отношения также и с Русским государством. Однако Канси сумел привлечь на свою сторону одного из наиболее влиятельных в Халхе феодалов — Тушету-хана Чихунь Доржи, который еще в 1665 г. формально признал его сюзеренитет.

Обмен посольствами между Русским государством и халхаскими ханами в течение второй половины XVII в. все еще недостаточно исследован. Поэтому мы считаем необходимым более подробно и обстоятельно охарактеризовать положение в Забайкалье и историческую обстановку, в которой происходил обмен посольствами.

Проникнув в Забайкалье, русские казацкие отряды приступили к освоению обширных земель, лежавших на юго-восток от оз. Байкал. Следует отметить, что включение в состав Русского государства бассейна р. Селенги происходило несколько позднее, чем захват земель, расположенных на восток от него. Почти на десятилетие ранее были заняты русскими районы восточнее р. Селенги. Так, еще в 1653 г. группой сотника П. Бекетова был основан у оз. Ирген Иргенский острог. Бекетов не ограничился постройкой только одного укрепленного пункта, он отправил десятника Урасова для возведения еще одного острожка в устье р. Нерчи¹. Через несколько лет появляются новые остроги: Албазинский (1657 г.), Телембинский (1658 г.) и Еравнинский (1660 г.).

Таким образом, начиная от Баргузинского острога, образовалась небольшая линия русских укрепленных пунктов, которая с севера и северо-востока охватывала западную часть Забайкалья. Только после создания указанных пунктов русские могли начать заселение долины р. Селенги, которое сопровождалось различными инцидентами (ярким примером может служить печальный случай с посольством Ерофея Заболоцкого).

Монгольские феодалы не могли оставаться равнодушными к тому, что в долине р. Селенги укреплялись русские и большинство кочевавших здесь бурят, табунгутов и эвенков стали платить ясак «великому государю».

Особое беспокойство монгольских князей вызвало основание русскими Селенгинского острога, который был выстроен отрядом казаков во главе с пятидесятником Шульгиным в 1666 г. Так как Селенгинск имел немалое значение для событий, разыгравшихся в Забайкалье в последнюю четверть XVII в., то небезытересна и история его постройки. Осенью 1665 г. из Баргузина, который к этому времени стал хорошо укрепленным пунктом, был отправлен отряд (в него входили «охочие» и «торговые люди», всего 82 человека) на р. Селенгу. Начальнику группы Павлу Шульгину было дано указание выбрать удобное («угожее») место для возведения острога. Весной 1666 г. место было выбрано неподалеку от впадения в Селенгу р. Чикоя, и к концу сентября того же

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 97—98.

года был построен Селенгинский острог. «Новой Селенгинской острог поставлен близ мугальских царей и близ их каменного города, итти пешею ногою из Селенгинского острогу тот мугальский город в трех днищах, и место прилегло многолюдное, и царства разные, и орды многие»². Поэтому Селенгинск строился по всем правилам специфического фортификационного искусства, характерного для всех сибирских острогов. Были возведены высокие деревянные «рубленные» стены с башнями по углам, вокруг стен выкопаны рвы и поставлен чеснок (заграждения). Острожек был невелик: длина поставленных прямоугольником стен равнялась 80 сажням. Поскольку Селенгинск находился недалеко от «мугальских земель», строители острога, ставшие его первыми обитателями, обратились к енисейскому воеводе (юрисдикции которого они подчинялись) с челобитной об усилении небольшого гарнизона города, о снабжении его дополнительными запасами пороха, свинца и пищалей. При отъезде из Баргузина в распоряжении казаков имелись ружья и две пушки, но этого оказалось мало.

Около Селенгинска скоро возникла и «государева десятинная пашня», на что было ассигновано 10 рублей. «И будучи в Селенгинском, — сообщает организатор этого дела казачий десятник Федоров, — на те деньги напахал он (Федоров. — *Н. Ш.*) насмными работными людьми двести девяносто четыре пуда ржи... поселено к Селенгинскому острогу пашенных крестьян двадцать человек»³. Вокруг Селенгинска на привольных прибрежных лугах быстро появились казачьи «заимки», и вскоре же острог был, по-видимому, вполне обеспечен собственным «хлебным запасом».

В этом же (1666) году в устье р. Уды было поставлено Удинское зимовье. Его развитие в первые годы шло более медленно, чем Селенгинска. Только через 23 года Удинское зимовье преобразовали в острог, где уже было

² ЦГАДА, ф. 126, 1666 г., стлб. 2, лл. 10, 11.

³ Е. М. Залкинд, *Из истории западного Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в.* («Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук», вып. 1, Л., 1949), стр. 217—218. — В. И. Шунков полагает, что сведения Е. М. Залкинда относятся к несколько более позднему периоду, а не ко времени основания Селенгинского острога [В. И. Шунков, *Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век)*, М., 1956, стр. 200].

более ста дворов, отдельный посад и крепость с пятью дозорными башнями⁴.

Не прошло и года после окончания постройки Селенгинска, как казаки по собственной инициативе отправились «к мугальскому царю Кукану кану для призову» его «под высокую государеву руку»⁵. Неясно, кто именно из монгольских феодалов скрывается под искаженным именем «Кукан кан», хотя призывавшие его в русское подданство казаки и сообщают о нем следующие сведения: «Мугальской царь Кукан кан, а преж сего тот Кукан был де в их Мугалской земле славной имянем контайша (т. е. имел титул хунтайджи. — *Н. Ш.*), и как оне мугалы повоевали Алтыново царя, кои пословался к вам великим государям к Москве и в Томской город, и после де гон воины тово славново имянем контайшу мугалские цари за службу иво назвали меньшим мугалским царем Куканом каном»⁶. Это был, по-видимому, довольно крупный феодал. Ставка его, которую пятидесятник Гаврила Ловцов в своей отписке называет даже «каменным городком», была расположена всего в трех днях ходьбы от Селенгинска. «Кукан кан» сразу же выразил согласие принять русское подданство и направил в 1667 г. с Ловцовым двух послов в Москву. Однако из Иркутска эти послы сбежали. Ловцов вернулся к монгольскому князю и вновь призывал его «под высокую государеву руку». «И помня свое прежнее слово, Кукан кан послал с ним Гаврилком, других послов' Бодоя Зорюкту шуленгу⁷, Домок Кулюк зайсана с листом и з дары»⁸. Только через год (1668) один из них, Кулюк-зайсан (он же Рюкта-зайсан)⁹, доехал до русской столицы (другой по дороге умер). Кулюк-зайсан на приеме в Посольском приказе рассказал о войне, вспыхнувшей между Лубсан-тайджи

⁴ Ф. Шулунов, *Улан-Удэ, Улан-Удэ*, 1955, стр. 8.

⁵ ЦГАДА, ф. 126, 1666 г., стлб. 2, л. 3.

⁶ Там же, л. 12.

⁷ В конце XVII в. термином «шуленга» обозначали главу бурятского и табунгутского рода.

⁸ ЦГАДА, ф. 126, 1666 г., стлб. 2, л. 5.

⁹ О посольстве Кулюк-зайсана рассказано в отписке В. Голохвостова (ЦГАДА, ф. 126, 1666 г., стлб. 2, лл. 1—6), а о посольстве Рюкты-зайсана — в столбце 2 этого же фонда за 1667 г. Сравнивая сведения этих двух документов, мы приходим к выводу, что речь идет об одном и том же посольстве и что Рюкта-это искаженное монгольское имя Дзорикту.

и «желтыми мугалами», под которыми в данном случае следует понимать людей Тушету-хана. Он заявил также, что привез в Москву жалобу на постройку Селенгинска без ведома монгольского князя¹⁰. На вопрос, согласен ли пославший его князь стать русским подданным и прислать в Иркутский острог своих аманатов, Кулюк-зайсан дипломатично ответил: «..Какое де царского величества повеление х Калке (т. е. к «Кукан кану») с ним послано будет, и Калка де его царского величества воли и повеления послушник не будет»¹¹. На этом переговоры с «Кукан каном» кончились. Больше имя его не появляется в материалах Посольского приказа.

Близость Селенгинска к монгольским землям способствовала довольно частому обмену посольствами с виднейшим феодалом Халхи Чихунь Доржи (1634—1698 гг.), который был вторым по счету Тушету-ханом (правил с 1655 по 1698 г.) и родным братом Джебдзун Дамбыхутухты (Ундур Гэгэна). Это был едва ли не самый богатый и влиятельный феодал Халхи. За поддержку ламанской церкви он получил пышное прозвище «Суцук Хуцун тэгусугсэн очир сайн хаган»¹² («Благочестием и силою совершенный алмаз, славный хаган»). В русских архивных материалах он чаще всего упоминается под именем Очирой Сайн-хан.

С первых же лет правления Чихунь Доржи поддерживал близкие отношения с маньчжурскими богдыханами, посылая в Пекин в подарок «девять белых». Он обменивался посольствами с маньчжурским правительством, принимал у себя эмиссаров Канси. В 1691 г. Тушету-хан вместе с Ундур Гэгэном и своими крепостными (албату) принял маньчжурское подданство и стал вассалом Канси. Близкие связи Тушету-хана с маньчжурским правительством сказались на русско-монгольских отношениях, особенно во время албазинского конфликта.

Тушету-хан отправил первое посольство в Москву в 1672 г.¹³ Послы Чин-батур (от Тушету-хана) и Дзорикуту (от его брата Шидишири Багатур-хунтайджи) при-

¹⁰ ЦГАДА, ф. 126, 1667 г., стлб. 2, л. 4.

¹¹ Там же, л. 6.

¹² «„Шара Туджи“. Монгольская летопись XVII в.», М.—Л., 1957, стр. 86.

¹³ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 623, л. 439; ф. 126, 1673 г., стлб. 1, лл 1—7.

были в Селенгинск с письмом и подарками «великому государю». В сопровождении Гаврилы Ловцова они были направлены в Енисейск (Селенгинск принадлежал к Енисейскому воеводству), а оттуда — в Москву. По дороге Чин-батур умер. В Москву приехал только Дзорикту и секретарь умершего Чин-батура, которого в воеводских списках называют подьячим Секучи (вероятно, искажение от «хошучи», что является званием, а не собственным именем). В делах Посольского приказа сохранился отчет о переговорах с приехавшими монголами. Там же приведено содержание письма Тушету-хана. Оно состоит из четырех пунктов. В первом пункте изложена просьба Очирой Сайн-хана (т. е. Тушету-хана) отправить к нему посланника с грамотой от царя из Москвы. Подобная просьба объясняется тем, что в Монголию являлись из Селенгинска люди без царской грамоты и без печати. Во втором пункте содержится предложение жить «в совете и в миру» и «чтобы ратные украинные люди с ним (т. е. с Очирой Сайн-ханом. — *Н. Ш.*) и з братом ево войны не имели». В третьем пункте Очирой Сайн-хан настаивает на том, чтобы было выяснено, «по какому указу и чьему распоряжению приезжают из Селенгинска посланцы без царских грамот». И, наконец, четвертый пункт посвящен вопросу о постройке Селенгинска якобы «на мунгальской земле» и требованию Очирой Сайн-хана перевести жителей Селенгинска «на иное место». Письмо заканчивается заверениями: «А ныне де они с нами живут в совете и обид на обе стороны никаких нет, и впред они с ними, буде обид каких не будет, жить в совете и в миру станут, а буде что дурно учинят, и у них будет с ними ссора»¹⁴. Мы видим, что в данном документе претензии Очирой Сайн-хана переданы очень острожно. В оригинале письма они, по-видимому, были изложены более категорично, но оригинала не сохранилось. По поводу требований монгольского хана Дзорикту и сопровождавшие его казаки дали подробные разъяснения. Из Селенгинска к монгольскому князю «многожды» приезжали посланцы с просьбами пропустить их в Китай. Однако Очирой Сайн-хан отказывал им под предлогом, «что чаёт он, Селенгинской острог поставили они без воли царского величества, и называет их своевольными людьми и ни в

¹⁴ ЦГАДА, ф. 126, 1673 г., стлб. 1, л. 3.

чем им не доверяет»¹⁵. Дзорикту сообщил, что хан готов пропустить в Китай «послов или посланников, или купецких людей», если они направлены от русского царя. При этом он упомянул, что «с китайским царем хан их в дружбе и в ссылке»¹⁶.

К Тушету-хану был отправлен енисейский сын боярский Иван Перфильев, повезший ему подарки и царскую грамоту. В ней подтверждалась постройка Селенгинска «по его царского величества указу». Тем самым отклонялись неосновательные с точки зрения русского правительства претензии монгольского хана. Ни о каком перенесении Селенгинска на другое место не могло быть и речи: «Жити велено на том же месте. А на иное место того Селенгинского острогу и служилых людей переводить не изволили»¹⁷. Закрепляя за собой земли Забайкалья, русское правительство рекомендовало «служилым людям Селенгинского острогу и иным... с ним ханом и с улусными ево людьми быть в совете, а войны и задоров чинить им не велели»¹⁸. Это вызывалось тем, что открытая ссора с монгольским ханом могла привести к нежелательным осложнениям, которых русское правительство всячески избегало на своих далеких восточных окраинах. Оценивая результаты посольства Тушету-хана, можно считать, что монгольский посол не очень настаивал на возвращении селенгинских земель, он скорее стремился договориться о мирных отношениях и предупредить дальнейшее продвижение русских на юг по долине р. Селенги.

Посланный к Очирой Сайн-хану Иван Перфильев не застал его в Монголии. Князь уехал в Тибет, оставив управлять ханством своего брата Шидишири (Батур-тайшу, как называет его Иван Перфильев) и сына Галдана. Оба князя приняли Перфильева, но не стали решать никаких вопросов. Они предложили ему ждать возвращения Тушету-хана. Приехав в Селенгинск 2 февраля 1674 г. из Монголии, Иван Перфильев прожил там до 12 февраля 1675 г., когда за ним прибыли посланцы от Тушету-хана с подводами. Прежде чем попасть на прием к монгольскому князю, Перфильеву пришлось вести переговоры с его приближенными. Монгольские дзайсаны предъявили рус-

¹⁵ Там же, л. 5.

¹⁶ Там же, л. 4.

¹⁷ Там же, л. 7.

¹⁸ Там же.

скому послу ряд претензий. Во-первых, они утверждали, что русский царь «завладел их исконными людьми»¹⁹; во-вторых, что «острог Селенгинской на их земле поставлен»; в-третьих, что «из Нерчинских острогов служилые люди их людей побили и погромили»²⁰. В ответ на это Перфильев доказывал, что те люди, которых дзайсаны называют своими «исконными людьми», уже «больши пятидесяти лет» платят ясак русским, «а Селенгинской острог поставлен блиско их мугалские земли для того, чтоб великого государя ясашным людем от их людей обиды не было, а им от того острогу никакой тесноты нет»²¹. Относительно «погрома», учиненного нерчинскими казаками, Перфильев предложил монгольскому хану написать «великому государю», чтобы «тот погром сыскать».

Только после этих переговоров русский посол был допущен к Тушету-хану, которого он призывал «жить смирно и войны б и задоров не чинить»²². В сохранившейся части статейного списка Перфильева довольно верно переданы воинственные настроения монгольских феодалов.

Тушету-хан отправил еще одно посольство, которое прибыло в Москву в декабре 1675 г. На этот раз посольство было большое; кроме Гарма Биликту, отправленного Тушету-ханом, в него входили также представители от Ундур Гэгэна (Манжита-лама) и от Багатур-хунтайджи (Гурюк). В делах Посольского приказа сохранилось достаточно материалов, по которым можно составить отчетливую картину происходивших переговоров²³. Особенно большой интерес представляет сохранившийся фрагмент письма Тушету-хана на монгольском языке (см. монгольский текст этого фрагмента в приложении). Изучение этого письма позволяет сделать вывод, что Тушету-хан был заинтересован в установлении с русским правительством мирных отношений. Тушету-хан отмечает в письме, что «острог на Селенге реке блиско их живут дву царей люди смежно, быть бы в любви и в совете межь собою»²⁴. Но затем он перечисляет обиды, нанесенные ему казаками из Селенгинска, Иркутска и других прибайкальских остро-

¹⁹ ЦГАДА, ф. 126, 1675 г., стлб. 1, л. 82.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, л. 83.

²³ Там же, лл. 1—152.

²⁴ Там же, л. 64.

тов. Он указывает, что «и с тех де городов... государевы люди на тех наших ясашных людей в прошлых и нынешнем году весною, на марте месяце, войною ходили, людей наших многих з женами и з детьми и з животами побрали, а в которых урочищах те наши ясашные люди табунуты жили, и те места разорены, а достальные наши люди с тех мест от разорения врознь розбежались и от промыслов своих отстали»²⁵. Тушету-хан предлагал русскому правительству для урегулирования отношений выслать в Селенгинск «лутчево человека» («сайн хумун»), он со своей стороны также пришлет «сайн хумун». Несмотря на столь, казалось бы, миролюбивое предложение, тон письма, судя по сохранившемуся фрагменту, весьма высокомерный. Опытный переводчик Посольского приказа П. И. Кульвинский не рискнул даже перевести некоторых выражений²⁶.

Тушету-хан требовал, чтобы русское правительство вернуло ему «ясашных брацких», и указывал на «своевольные» действия селенгинских казаков, которые «многие обиды и разоренье мугальским жителем чинят и до смерти побивают»²⁷. Возможно, что монгольский князь преувеличивал нанесенные ему «обиды», напрасно претендовал на возвращение бсжавших, по-видимому от его собственного произвола, «брацких и других ево ясашных», но, надо полагать, жалобы его имели и реальное основание.

Посольство Тушету-хана было радушно встречено в Москве. Добрососедские отношения с монгольскими феодалами были необходимы Русскому государству для того, чтобы удержать уже захваченные и освоенные районы Забайкалья, чтобы проехать в Китай и установить с ним дипломатические и торговые связи.

²⁵ Там же, л. 12.

²⁶ Например, Кульвинский не осмелился перевести фразу: «...в Селенгинском, Иркутском и Иргенском городах жить будет нельзя, ходить, торговать будет нельзя». Он даже сделал пометку, что письмо написано неясно: «...В ыных местех речь скрытая загадками и тех речей розтолковать не мочно» (ЦГАДА, ф. 126, 1675 г., стлб. 1, л. 13). Кульвинский старался смягчить резкий тон письма, но тем не менее в его переводе встречаются такие фразы: «А буде сыску и разоренье, что чинитца им от государских людей не будет, в том де великого государя воля. Учнут сами управливатца, и острогам Селенгинскому, Баргузинскому, Даурскому и Иркутскому будет не стоять» (там же, л. 72).

²⁷ ЦГАДА, ф. 126, 1675 г., стлб. 1, л. 70.

Как раз в то время, когда послы Тушету-хана ехали в Москву, в Китай было направлено большое русское посольство, во главе которого находился известный Николай Спафарий. Чтобы обеспечить ему свободный проезд через монгольские земли, к Ундур Гэгэну и Тушету-хану был специально послан енисейский сын боярский Иван Поршенников. Известно, что Поршенников успешно выполнил возложенное на него поручение. Помог ему в этом Ундур Гэгэн, отправивший в подарок московскому царю «серебряную чашу и камку»²⁸. Это свидетельствовало о желании хутухты поддерживать с русскими дружеские отношения. Спафарий встретил в Енисейске монгольских послов, направлявшихся в Москву. Они снабдили его письмами к хутухте и Тушету-хану, «чтобы учинили всякое вспоможенье» русским при проезде через Монголию²⁹.

Итак, ряд обстоятельств благоприятствовал радушному приему монгольских послов. Их не держали взаперти на посольском подворье, как это делали в других случаях, приглашали на разные празднества. С послами долго и внимательно обсуждали предъявленные Тушету-ханом претензии. Они получили богатые подарки. Тушету-хану, Ундур Гэгэну и Шидишири Багатур-хунтайджи были отправлены подарки, ценность которых вдвое превысила стоимость монгольских даров. Тушету-хан получил дорогую шубу «отлас золотной на соболях» стоимостью «во 150 рублей». Все это, казалось бы, мелочи, но они лишней раз доказывают, что русское правительство стремилось поддерживать с монголами добрососедские отношения.

Как уже упоминалось, в Москву приехал посол и от Ундур Гэгэна. Манжита-лама на приеме в Посольском приказе стремился подчеркнуть дружеское расположение монгольского первосвященника к русскому царю. При этом лама просил пропустить его «к цесарю римскому». Трудно представить, что явилось причиной столь неожиданной просьбы—рассказы ли русских в Монголии, возбуждившие любопытство монгольского хутухты, сведения ли о папе римском, просочившиеся к нему от иезуитов, живших в Пекине, или встреча в Енисейске со Спафарием, который также мог рассказать послам о Европе. Вероят-

²⁸ ДАИ, т. VI, № 132, стр. 395.

²⁹ *«Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году»*, СПб., 1882, стр. 171.

нее всего последнее, но об этом можно лишь догадываться. Пропуска на запад посол Ундур Гэгэна не получил, ему деликатно объяснили, «что то цесарское государство от Росийского государства в дальнем расстоянии, и ехать до того государства чрез иных государей государства... и без письма Кутухтина ево лабу к цесарскому величеству для того отпустить невозможно»³⁰. Манжита-лама не настаивал. Если послы Тушету-хана, присутствуя на парадах, «дивились пехотному строю и множеству и пушкам и знаменам гораздо», то Манжита-ламу занимали более всего патриарх и патриарший «чин и урядство» при выходах. Впечатление от обрядов русской церкви было столь сильным, что лама на обратном пути в Тобольске заявил воеводе о своем желании остаться в России и намерении креститься. Ему не пришлось этого сделать, так как в Москве «боярин и воеводы говорили ему з большим подкреплением, чтобы он одноконечно ехал к кутухте в свою Мунгальскую землю... и крестить ево лабу без указу... не смели»³¹. На запрос тобольского воеводы боярин Артамон Сергеевич Матвеев, ведавший в те годы Посольским приказом, ответил, что лама «приехал к великому государю посланцом, а не собою, и крестить ево посланца невозможно... чтоб не учинить ссоры»³². Обычно монгольским посланцам не отказывали в подобных просьбах. В данном же случае отказ диктовался осторожностью и нежеланием обострять отношения с Ундур Гэгэном.

В феврале 1676 г. монгольские послы выехали из Москвы. С ними ехал тобольский татарин Сейдяш Кулмаметов, который вез царскую грамоту³³ и дорогие

³⁰ ЦГАДА, ф. 126, 1675 г., стлб. 1, л. 71 об.

³¹ ЦГАДА, ф. 126, 1667 г., стлб. 4, л. 2.

³² Там же, л. 4—5.

³³ Грамота царя была доставлена монгольскому хану не Сейдяшем Кулмаметовым, а другим посланцем (Михалевским), так как первый был задержан в Тобольске. По-видимому, причиной этого явились неосторожные беседы, которые вел Сейдяш с монгольскими послами еще в Москве. Впоследствии монгольские князья неоднократно указывали в своих переговорах с иркутскими воеводами, что Сейдяш вез в Монголию царское распоряжение вернуть «бращих людей» их прежнему владельцу Тушету-хану и что это распоряжение было задержано в Тобольске воеводой одновременно с самим Сейдяшем. Эти слухи в корне противоречили содержанию царской грамоты, отправленной из Москвы с Сейдяшем Кулмаметовым (см. письмо Мерген Ахая в Москву от 1691 г., хранящееся в ЦГАДА, ф. 214, стлб. 544, л. 343).

подарки монгольскому хану, а также особое распоряжение тобольскому воеводе Салтыкову. Воеводе предписывалось отправить в Монголию специального гонца «для сыску, что починилось от селенгинцов и иных наших... острогов от жителей мугалскому хану и его улусным людям и которые починились обиды и ссоры нашим великого государя людям от мунгалского хана и от улусных его людей»³⁴. В царской грамоте Тушету-хану также упоминается о посылке специального гонца для выяснения пограничных недоразумений («обид»), подчеркивается желание поддерживать с монгольскими ханами мирные отношения («жити дружно»). Однако на требование Тушету-хана возратить ушедших от него улусных людей в Москве ответили отказом, поскольку они ушли от монголов добровольно, «и таких людей никогда не отдают». Заставить бурят платить ясак монгольскому хану также «не доведетца ж потому что живут те брацкие люди около наших великого государя сибирского государства городов для своих пожитков и ясак платят нам великому государю добровольно ж». Грамота заканчивалась предложением поддерживать взаимную торговлю и просьбой способствовать проезду в Китай русских людей, посланных «для наших великого государя дел и для торговых промыслов».

В то время, когда происходил обмен посольствами между русским правительством и монгольскими феодалами, в пограничных областях, главным образом в Забайкалье, наблюдались далеко не дружественные, а порой и открыто враждебные выступления монголов³⁵. «Обиды и задоры», чинимые монгольскими феодалами, выражались в разных формах: иногда это были угоны скота, сбор ясак в свою пользу, иногда же хорошо организованные вторжения на русскую территорию, которые сопровождались массовым уводом в Монголию местного населения и даже осадой русских острогов. Так, в 1671 г. пятнадцатитысяч-

³⁴ ЦГАДА, ф. 126, 1675 г., стлб. 1, л. 146.

³⁵ В архивных материалах Иркутской приказной избы сохранилось много сообщений о враждебных вылазках со стороны монгольских феодалов в 70-х и 80-х годах XVII в. Особенно они участились в 80-х годах, что уже неоднократно отмечалось в работах по истории Бурят-Монгольской АССР (см., например: Ф. А. Кудрявцев, *История бурят-монгольского народа*, М.—Л., 1940, стр. 50—51; *История Бурят-Монгольской АССР*, т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 156—158; Е. М. Залкинд, *Из истории западного Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в.*, стр. 220—221 и др.).

ный отряд монголов захватил кочевавших около Нерчинска бурят, «братцких людей... всех взяли в свою мугалскую землю и розвели тех братцких людей по разным улусом»³⁶. В 1674 г. в Прибайкалье вторгся некий «Гыган тайша» с крупным отрядом воинских людей и угрожал нападением на Иркутск, Братск и другие остроги. В 1679 г. в Селенгинске были получены сведения о готовящемся Тушету-ханом походе на этот город. Через лазутчиков стало известно, что в «генваре месяце поехали ото всех тайшей к царю к Саин Очиною кану лутчие люди и об том, что итти на государевы остроги и на ясачных людей войною и разорением»³⁷. В отписках из Удинска за 1681—1682 гг. содержатся многочисленные жалобы на «воровских мунгалских людей», которые угоняют скот, выжигают сено около заимок и даже убивают встретившихся им по пути «промышленных людей»³⁸.

В связи с участвовавшими нападениями монголов к Тушету-хану и к Ундур Гэгэну в 1681 г. из Селенгинска был отправлен по распоряжению Москвы Василий Турсково, который отвез монгольским феодалам «ропись всех причиненных обид и разорения». После возвращения из Монголии Турсково подал в Иркутске статейный список, в котором он описал происходившие переговоры и изложил свои интересные наблюдения о Монголии. Тушету-хан распорядился перевести на монгольский язык привезенную посланцем роспись, но никакого определенного решения по этому вопросу не принял. В переговорах он снова высказал недовольство по поводу постройки Селенгинска и требовал возвращения «братцких людей». При этом упоминалось и письмо, будто бы задержанное в Тобольске с Сейдяшем Кулмаметовым. Никакого реального результата поездки Василия Турсково не имела.

Враждебные действия со стороны монгольских и табунгутских князей продолжались и значительно участились в последующие пять-шесть лет. В 1682 г. иркутский воевода сообщал в своей отписке, что «в нынешнем году в розных месяцах и числах приходят к Селенгинскому и Удинскому острогу и Селенгинского уезда на заимки мугалских и табунгучских тайшей улусные люди и русских

³⁶ ЦГАДА, ф. 126, 1675 г., стлб. 1, л. 144.

³⁷ ЦГАДА, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 3, л. 179.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 23, лл. 58—59, 103—104.

служилых людей и разных чинов людей под городом и на заимках и на проездах до смерти побивают и рогатый скот отгоняют непрестанно, а говорят слова с похвалюбою угрожаючи воинским походом на твои, великого государя, остроги»³⁹.

В 1684 г. в Тункинскую долину вторгся десятитысячный отряд Цэцэн-нояна и Шиптар-батура. О подготовке этого вторжения в Тункинском остроге было известно заранее. Цэцэн-ноян предварительно пытался склонить тункинских бурят к выступлению против русских. Эмиссары Цэцэн-нояна сулили «братцким мужикам по бахче табаку да по стреле»⁴⁰. Известно, что присылка стрелы служила призывом к выступлению. Однако тункинские буряты не поддались на эту провокацию, и когда Цэцэн-ноян и Шиптар-батур вторглись в русские земли и осадили Тункинский острог, их «жестокые приступы» были успешно отбиты⁴¹.

Совершая набеги на русские владения, монгольские князья не прекращали отправлять своих послов в сибирские города. В 1682—1683 гг. в Иркутск приезжали посланцы от восьми монгольских князей, в том числе от Эрхе-хунтайджи (Ирки—в русских документах), Эрдэни-хунтайджи, Мерген Ахая⁴², принявших впоследствии русское подданство. Посланцы неоднократно вели переговоры об установлении мирных отношений и возобновлении торгового обмена, прерванного из-за мелких военных выступлений. Это свидетельствует о несомненной заинтересованности некоторой части монгольских князей в дружбе с Россией, несмотря на то, что наиболее влиятельные феодалы (например, Тушету-хан) занимали явно враждебную позицию по отношению к русским⁴³.

В 1684 г. в Селенгинск приехал посланец от Тушету-хана и вновь потребовал вернуть бурят, живших не только в долине р. Селенги, но и около Иркутска, Верхоленска

³⁹ ДАИ, т. VIII, № 106, стр. 102.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1121, оп. 1, ед. хр. 23, л. 96.

⁴¹ Е. М. Залкинд, *Из истории западного Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в.*, стр. 221.

⁴² Имя Мерген Ахая носили два князя из многочисленного потомства Тумэнкэна Сайн-нояна, который был четвертым сыном Нухуну. Последний был сыном Гэрэсэндзэ, считавшегося родоначальником всех халхаских князей («*Шара Туджи*». *Монгольская летопись XVII в.*», стр. 156).

⁴³ «*История Бурят-Монгольской АССР*», т. I, стр. 157.

и Балаганска. Он говорил «с угрозами»: «Если не отдадите (бурят.—*Н. Ш.*), и прежнее наше послованье не в послованье и мирное де пословленье не в мир, а вас бы в нашей земле не жить, и острогу вашему не стоять...»⁴⁴. Так далеко претензии Тушету-хана еще не заходили. При этом его посланец подчеркивал близкие отношения монгольского хана с Канси: «У нашего Саин Очирой хана с Багдойским ханом заодно»⁴⁵. Посол сообщил далее, что Канси задал провокационный вопрос Тушету-хану: «Чи де те брацкие люди — ваши или не ваши?»⁴⁶. В этом проявилась подстрекательская политика маньчжурского богдыхана, толкавшего Тушету-хана на открытое выступление против русских. Канси добивался выступления монголов одновременно с начавшимися военными действиями маньчжуров против Албазина.

Обострение русско-монгольских отношений в 80-х годах XVII в. явилось результатом нажима Маньчжурской империи на монгольских феодалов. Когда в 1682—1686 гг. во время албазинского конфликта развернулись военные действия, монгольские князья не остались в стороне. Они выступили на стороне маньчжуров. Во время столкновения двух основных сил на Дальнем Востоке — Русского государства и Маньчжурской империи в последней четверти XVII в. монгольские князья представляли собой третью силу, с которой приходилось считаться при решении некоторых вопросов.

В конце 1685 г. в Москве было решено для мирного урегулирования вспыхнувшего конфликта отправить к маньчжурскому богдыхану посольство. Это посольство имело большое значение для истории русско-монгольских отношений, поскольку московское правительство предполагало вести переговоры при помощи и участии монгольских князей. Впервые со времени возникновения русско-монгольских и русско-китайских связей из Москвы были отправлены не только дипломатические представители, но и большой военный отряд⁴⁷. Это было вызвано тем, что

⁴⁴ ДАИ, т. X, № 67, стр. 242—243.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Посольство сопровождало несколько полков стрелецких и служилых людей. Полк Федора Скрипичина (в XVII в. полки назывались по имени находившегося во главе полковника) состоял из пятисот московских стрельцов. Полк Павла Грабова «солдатского строю» и полк Антона Фаншмалым Берха, состоявший из служилых

посольство отправлялось на далекую окраину, где происходили военные столкновения и где, согласно донесениям из Албазина, действовали большие отряды маньчжурских войск.

Вести переговоры было поручено искусному дипломату Федору Алексеевичу Головину, который был облечен полномочиями великого посла («великий и полномочный посол и воевода» — так называл себя Головин в статейном списке). В состав отправляемого посольства входили также стольник Иван Власов, дьяк Иван Юдин, стольник Алексей Синявин, дьяк Семен Корницкий (главный секретарь) и др. Ф. А. Головина снабдили большой казной, предназначенной на подарки, в частности для монгольских князей, через кочевья которых посольство должно было пройти.

С извещением об отправлении столь значительного и ответственного посольства в Китай были направлены предварительно два гонца: подьячие Никифор Венюков и Иван Фаворов. Они везли грамоты к Тушету-хану и к Ундур Гэгэну, которых московское правительство просило оказать помощь и пропустить русское посольство в Китай.

Головин в сопровождении своей огромной свиты выехал из Москвы 26 января 1686 г. Хотя он отправился послом в Китай для решения вопроса о маньчжуро-русском конфликте, но ему пришлось вступить в переговоры и с монгольскими князьями. Головин вез из Москвы царские грамоты, адресованные к Тушету-хану и Ундур Гэгэну⁴⁸.

Головин сыграл огромную роль в русско-монгольских отношениях конца XVII в. Поэтому небезынтересно сообщить некоторые сведения о нем. Федор Алексеевич Головин (1650—1706) был выдающимся деятелем своего времени, обладавшим незаурядными дипломатическими способностями. Он получил хорошее образование, владел несколькими языками, знал латинский настолько хорошо,

людей сибирских городов, насчитывали 1400 человек. Таким образом, посольство сопровождал отряд почти в две тысячи хорошо обученных и вооруженных воинов, что составляло по тем временам несомненно значительную военную силу.

⁴⁸ Хранятся в ЦГАДА, ф. 126, 1686 г., 1687 г. — Подробный отчет Ф. А. Головина состоит из 1261 листа (хранится в ЦГАДА, ф. 62, оп. 1, стлб. 10. Далее — Статейный список Головина).

что во время нерчинских переговоров мог говорить речь на этом языке, обращаясь к иезуитам, принимавшим в них участие. Посольство в Китай было его первым дипломатическим поручением, и он справился с ним успешно. Заключенный им Нерчинский договор «явился крупным успехом России, заинтересованной в закреплении за собой Восточной Сибири и установлении официального соглашения с пекинским правительством»⁴⁹. После возвращения из Сибири Ф. А. Головин получил титул боярина и наместника Сибири. Интересно заметить, что отец его Алексей Степанович Головин тоже был связан с Сибирью своей административной деятельностью, так как был воеводой стольного города Сибири Тобольска. Впоследствии Ф. А. Головин ведал Посольским приказом и руководил деятельностью русских послов в Польше, Турции и других странах. Он принимал также активное участие в заключении мира с Турцией. Головин был не только дипломатом, он обладал также выдающимися военными способностями, которые впервые проявились во время пребывания его в Забайкалье, где он перенес длительную осаду в Селенгинске.

Впоследствии за успешные боевые действия во время Северной войны Головин получил звание генерал-фельдмаршала.

С самого начала своей посольской деятельности на востоке Сибири Головин придавал немалое значение отношениям с монголами. Еще с дороги, из Рыбного острога, он отправил в Селенгинск Степана Коровина с наказом «разведать о мунгалских вестях подлинно» и выбрать «доброего человека из детей боярских», который отвез бы «к мунгальскому Гэгэн кутухте» письмо, написанное «любезно», и «любительные» подарки. С. Коровин должен был «разведывать накрепко... союзу какова мунгалской хан и кутухта и тайши не взяли ль между собою с китайским ханом»⁵⁰ и сообщить монголам о выезде Головина в Даурскую землю для переговоров с маньчжурами.

Посольство двигалось медленно, так как сибирские дороги труднопроходимы, особенно во время весенней распутицы. Летом плыли на дощаниках, причем посольству

⁴⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», М., 1954, стр. 619.

⁵⁰ Статейный список Головина, л. 70.

приходилось своими силами строить дощаники⁵¹, так как тех, что высылались местными властями, не хватало. Только глубокой осенью 1686 г. добрался Головин до Рыбного острога на р. Ангаре, где и зазимовал. В течение зимы он неоднократно получал информацию о положении в Забайкалье, где продолжали появляться «мунгалские воровские люди»⁵².

Весной 1687 г. к Головину в Рыбный острог явились вернувшиеся из Китая подьячие Никифор Венюков и Иван Фаворов. Путь их проходил через Монголию, причем Ундур Гэгэн способствовал их проезду, высылая навстречу своих людей. Венюков по пути в Китай виделся с Тушету-ханом, которому вручил царскую грамоту и подарки. Монгольский князь по-прежнему настаивал на возвращении ушедших от него «братских ясашных людей». По сведениям Венюкова, маньчжурский богдыхан не раз отправлял к Тушету-хану и другим князьям послов с предложением принять участие в маньчжурско-русской войне. «Мунгалские де ханы и тайши,—рассказывал Венюкову прикомандированный к нему монгольский пристав Ги-чюл,—по присылкам к ним китайского бугдыхана, чтоб войсками своими спомогать китаицом, зело склонны»⁵³. Венюков отмечал, что Ундур Гэгэн не сочувствует этим военным планам, «всчать войска монголским владельцом, конечно, не позволяет». Тушету-хан же настроен воинственно, «хочет всчать войну для того, что ево братские люди, бежав, живут в стороне царского величества». Сведения Венюкова заставили Головина поставить перед Москвой вопрос о возвращении Тушету-хану «беглых ево, Очирой саин хана, братских людей... есть ли сышутца»⁵⁴. Впоследствии он оставил эту мысль, по-видимому не получив поддержки Посольского приказа. Да и события в Забайкалье развернулись таким образом, что необходимость пойти на подобную уступку Тушету-хану отпала.

Летом 1687 г., когда Головину был передан статейный

⁵¹ Например, для Головина в Енисейске было изготовлено 120 дощаников, которых ему не хватило. Один дощаник поднимал 400 пудов хлебных запасов. Эти цифры показывают, какой огромный груз пришлось везти с собой Головину и какая большая организационная работа была проделана, чтобы обеспечить продвижение посылства по Сибири.

⁵² Статейный список Головина, л. 87 об.

⁵³ Там же, л. 150.

⁵⁴ Там же, л. 151 об.

список сына боярского Василия Перфирьева, отвозившего к Ундур Гэгэну письмо «великого и полномочного посла», стало известно, что письмо Головина и подарки были приняты шандзабой⁵⁵ по приказу Ундур Гэгэна, который отказался лично принять Перфирьева потому, что последний не согласился поклониться ему и получить от него благословение, как этого требовал монгольский обычай. Посланцу объявили, что ответное письмо и подарки Ундур Гэгэн отправит со своими послами к Головину. Несомненно, что Ундур Гэгэн дорожил дружескими отношениями с русскими.

Головин только в июле 1687 г. прибыл в Иркутск, и в тот же день к нему явились «из мунгалской земли от тайш Цецен ноена с товарищи посланцы». Это была первая встреча Головина с монголами, которая положила начало его дипломатической деятельности в период нерчинских переговоров. Во время пребывания в Забайкалье Головин постоянно боролся за сохранение достоинства и престижа Русского государства. В переговорах с монгольскими послами Головин—прежде всего представитель русской государственности, охранять и защищать которую он послан в далекие новоосвоенные сибирские земли. И эту линию поведения Головин проводил неуклонно—и в труднейших условиях переговоров в Нерчинске, когда, пользуясь огромным численным перевесом своих войск, маньчжурские послы предъявили непомерные требования, и во время приемов монгольских посланцев, приезжавших как от крупных влиятельных ханов, так и от более мелких феодалов.

Церемониал приема монгольских послов также подчеркивал величие Русского государства. Когда в Иркутск в июле 1687 г. приехали гонцы Цэцэн-нояна, они были встречены согласно всем правилам посольского приема. По дороге к посольскому двору были выстроены полки московских стрельцов («была стойка всем полком»). Во время приема монголов «подчевали», на прощание одаривали «из казны великих государей».

Цэцэн-ноян отправил своих послов с предложением «быть в совете»⁵⁶. Он сообщал в письме, что желает под-

⁵⁵ Ш а н д з а б а (šangdzoba) — одна из наиболее крупных ламских должностей в феодальной Монголии.

⁵⁶ Статейный список Головина, л. 224.

держивать с русскими дружеские отношения и обмениваться с ними посольствами. В ответ на это Головин перечислил «обиды», нанесенные монгольскими тайшами русскому населению Прибайкалья, и потребовал, чтобы они «учинили в улусех своих заказ крепкой, чтоб которые люди есть под их владением, ссор и задоров с пограничными жителями не чинили»⁵⁷. Предметом длительного обсуждения были вопросы торгового обмена, в этом были заинтересованы обе стороны. Головин договорился с послами о том, чтобы монголы могли беспрепятственно приезжать «в пограничные города с торгами». В ответ на просьбу монгольского посла направить к «Цэцэн ноену посланных для подлинного ведома, чтоб де им мунгалским тайшам кочевать было в ближних местех безопасно»⁵⁸, Головин отправил иркутского сына боярского Шестакова с «любительным поздравлением». Он должен был добиться возвращения бежавших в Монголию «ясаших иноземцев брацкого роду».

Известно, что буряты не раз уходили в Монголию, спасаясь от притеснений не в меру ретивых приказчиков и других представителей администрации сибирских острогов и городов. Но часто бежавшие возвращались обратно, так как гнет монгольских феодалов оказывался еще тяжелее.

Осенью 1687 г. прибыло посольство (второе по счету, которое Головин принимал в Удинске) от самых влиятельных феодалов Халхи—Ундур Гэгэна, Тушету-хана и Шидишири Багатур-хунтайджи. Монгольские послы подчеркивали, что они приехали «для подлинного уверения», т. е. для выражения дружеских чувств. Об этом свидетельствовали присланные Ундур Гэгэном подарки (лошади в богатом золоченом уборе). Приехавшие монголы спрашивали, «для чего они, великие и полномочные послы, присланы и для каково поведения при них, великих и полномочных послех, пришли многие ратные люди с воинскими припасы»⁵⁹. Несомненно, монголы были встревожены появлением русского отряда, хотя Головин неоднократно подчеркивал, что «ратные люди идут для обережения посольских съездов... а не для воинского способу»⁶⁰. Появление рус-

⁵⁷ Там же, л. 225.

⁵⁸ Там же, л. 226.

⁵⁹ Там же, л. 257.

⁶⁰ Там же, л. 260.

ского войска в Забайкалье могло послужить монгольским князьям удобным предлогом для выступления против русских. Во всяком случае впоследствии именно этой причиной они пытались объяснить свой поход в Забайкалье в 1688 г. Но ранней осенью 1687 г. этот поход был, по-видимому, еще не решен, и монгольские князья отпращиванием посольства пытались показать свое доброжелательное отношение к русским.

Немалое место в переговорах занимал вопрос о возвращении «бракских людей». Посол Гичюл Лодон Сенге (т. е. гэцул⁶¹ Лодой Сэнгэ) указывал Головину, что Тушету-хан неоднократно по этому вопросу отправлял письма в Москву, но ответа не получал «и по се число». Головин в ответ перечислил «обиды» последних лет, полученные от «мунгалских людей» в Забайкалье.

Он пытался выяснить позицию монгольских князей в маньчжуро-русском конфликте и установить с ними миролюбивые отношения. Но все же он не передал им царской грамоты к Ундур Гэгэну и к Тушету-хану, заявив, что ее у него нет, так как выехал он из Москвы «наскоро».

Между тем грамоты были и сохранялись в делах канцелярии Головина. Почему же он не передал их монгольским посланцам или не отправил с каким-либо «добрым» сыном боярским в Монголию? Головина удерживало от этого создавшееся у него впечатление о близких взаимоотношениях Тушету-хана и Ундур Гэгэна с маньчжурским богдыханом Канси. (Это мнение вполне подтвердилось впоследствии, когда выяснилась расстановка политических сил во время военных действий.) В царском же письме к Тушету-хану содержалось предложение выступить против Канси «в потребное время для споможения». Головин не без основания считал, что передача этой грамоты не будет иметь желательного эффекта, так как «мунгалские владельцы и китайцы между собой зело склонны»⁶². Поэтому он вскоре отправил в Москву донесение

⁶¹ Гэцул — вторая степень монашеского посвящения у ламистов.

⁶² Статейный список Головина, л. 262. — Интересно отметить одну мелкую деталь. В подробном описании пребывания монгольских послов в Удинске упоминается, что на первом торжественном приеме монголы заявили: «Они де мунгалы породы от Александра царя Македонского». Это же поистине неожиданное утверждение можно встретить в статейном списке Головина, где цитируется перевод одного из писем монгольских князей от 1689 г.: «Божиею милостию

с требованием изменить некоторые выражения в царской грамоте.

Монгольские послы задержались в Удинске для продажи привезенных товаров. Головин устраивал им пышные приемы, преподносил дорогие подарки. Пробыв почти месяц в Удинске, 30 сентября они уехали в Монголию, договорившись о будущих «любительных пересылках». Тем не менее сразу же после их отъезда участились случаи угона лошадей и рогатого скота. Даже в ночь отъезда из Удинска было отогнано «воровскими мугалскими людьми» 100 лошадей и 50 «скотин рогатых». Это было по тем временам значительное богатство. И Головин решил отправить Демьяна Многогрешного для того, «чтобы послам выговорить» о воровстве. Монгольские послы, которых Демьян Многогрешный догнал в дороге, обещали принять меры «для сыску тех лошадей и рогатого скота», для чего с ними поехал в Монголию толмач Тараска Афанасьев. Последнему удалось добиться возвращения части угнанного табуна.

Так как угоны лошадей не прекращались, Головин отправил к главному табунгутскому тайджи Цэбдэну специального гонца Ивана Поршенникова для урегулирования этих мелких, но жизненно важных для русских вопросов.

В середине октября 1687 г., несмотря на тревожные

Макидонского царя пяти языков земель и четырех частей света владетеля северные страны от Солонгоские орды, полуденные страны Китай, черные табуны...». В этом волном переводе на русский язык монгольской грамоты легко можно угадать известное выражение: „tabun öngge dorben hari ulus“ (пять цветных и четыре чужих народа). Эта формула выражала в период монгольских завоеваний XIII в. состав Монгольской империи, в которую входили «пять цветных и четыре чужих народа». Это выражение неоднократно встречается в монгольских летописях XVII в., в которых также дано и его толкование. Из приведенной выше цитаты видно, что русские переводчики переделали неизвестное им имя монгольского завоевателя Чингис-хана в имя Александра Македонского, которое им было знакомо, тем более что в русской литературе XVII в. были широко распространены рассказы о походах Александра Македонского на Восток. Даже на известной карте С. Ремезова имеется надпись о том, что около устья р. Амура зарыты ружье и колокол Александра Македонского [см. статьи А. П. Окладникова: «Первые известия об археологических памятниках нижнего Амура» («Известия Всесоюзного географического общества», М., 1955, № 4), стр. 336; «У истоков культуры народов Дальнего Востока» («По следам древних культур», М., 1954), стр. 228].

сведения о внезапных нападениях монгольских «воровских» людей, Головин в сопровождении 100 стрельцов выехал в Селенгинск, где должны были происходить переговоры с китайскими послами. Из предосторожности он отправил вперед небольшой казачий разъезд, который должен был занять позицию «в прикрытых местах» по р. Хилок и смотреть, нет ли где скоплений монгольских людей.

Головин добрался до Селенгинска за четыре дня и еще дорогой получил известие о приезде посланца от Цэбдэнтайджи, которого принял в Селенгинске 29 октября. Посланец пригнал часть отогнанного монгольскими «воровскими людьми» табуна. Но в ту же ночь люди Цэбдэнтайджи опять угнали из-под Селенгинска 12 лошадей.

При таких обстоятельствах началось пребывание «великого и полномочного русского посла» в Селенгинске. В течение почти всего (более чем полугодового) пребывания в Селенгинске русский посол принимал монгольские посольства и вел с ними переговоры. В то же время отряд Головина непрерывно подвергался нападениям «воровских мунгалских людей», в конце концов он был осажден в этом городке. И даже во время осады к Головину приезжало посольство от Ундур Гэгэна. В этой двойственной линии поведения монгольских князей отразилась и та двойственная политика, которую они вели по отношению к русскому правительству в 80-х годах XVII в.

Головин, прибыв в Селенгинск, расположился на долгую зимовку в ожидании мирных переговоров с маньчжурами. 11 ноября к нему прибыли посланцы от «табунгуцких князей» Цэбдэнтайджи, Ахай-тайджи, Дзаб Эрдэнтайджи. Переговоры с этими посланцами, так же как и с другими, приезжавшими позднее, носили один и тот же характер. Стремясь добиться мирных переговоров с представителями китайского государства при участии монгольских князей, Головин пытался урегулировать напряженные отношения между монголами и русскими. Пограничные вопросы были неизменной темой переговоров с монголами. Головин после обычной процедуры (взаимных вежливых вопросов о здоровье великих государей и Ундур Гэгэна) начинал перечислять крупные и мелкие «вины» монгольских князей (а их было немало) и подчеркивал при этом свои добрые намерения вести мирные переговоры. Монгольские послы в свою очередь указывали на раз-

личные неприятности, учиненные русскими казаками: угон скота, разорение юрт и пр. И с каждым приездом этот мотив звучал в их речах все сильнее.

Основной причиной прибытия в Селенгинск монгольских послов в конце 1687 г. и в начале 1688 г. была, несомненно, разведка. Но была и другая причина, более глубокого характера, имевшая определенное политическое значение. Она была связана с той выжидательной позицией, которой придерживался Ундур Гэгэн по отношению к развертывавшимся событиям. Следует отметить, что Ундур Гэгэн занимал привилегированное положение среди монгольских князей как духовный их руководитель. Он определял направление их политики, имел огромное влияние во всех делах как внутренних, так и внешних. Ундур Гэгэн, как это будет показано в дальнейшем, не хотел занимать явно враждебной позиции по отношению к русским. Он вел двойственную политику. С одной стороны, он отправлял к Головину посланцев с заверениями в любви и дружбе, а с другой—поддерживал хорошие отношения с маньчжурами, задерживал русских гонцов, едущих в Китай, срывая тем самым сроки предполагавшихся переговоров. Ундур Гэгэн, по-видимому, не хотел ссориться ни с одним из двух крупных и могущественных соседей.

Как уже упоминалось, в Селенгинск 11 ноября приехало первое монгольское посольство от «табунгуцких тайшей». Последние были настроены недоброжелательно. Об этом свидетельствует прием русских в монгольских улусах: табунгутские князья весьма неохотно откликнулись на просьбы русских разыскать виновников угона лошадей, «розыску никакова не учинили»⁶³ и толмача Тараску Афанасьева в улусе у Дзэб Эрдэни «били неведомо за что... да и у товарища ево Тараскина, у селенгинского казака, отняли корольков на десять рублей, а у него, Тараски, лошадь»⁶⁴. Отмечая подобные случаи недоброжелательного отношения к русским в табунгутских улусах, Головин указывал монгольским посланцам, что в «их приездах и разговорах никакой правды и дружбы сыскать невозможно и верить нечему»⁶⁵. Головин настаивал на выдаче ему обидчиков и требовал для них сурового наказа-

⁶³ Статейный список Головина, л. 313 об.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, л. 314 об.

ния. Послы пообещали передать это требование своим владетельным князьям, но и со своей стороны указывали на то, «что де отогнали у них ис под Удинска руские люди сто сорок лошадей, и... он, великий и полномочный посол, велел сыскать и сыскав отдать»⁶⁶. Подобными взаимными упреками сопровождался разговор между русским великим послом и монголами. Пробыв в Селенгинске несколько дней, дважды побывав «на переговорах» у Головина, монгольские посланцы отправились к себе в улусы.

Вслед за уехавшими монголами Головин направил в Китай дворянина Степана Коровина с известием, что он прибыл на границу и ждет приезда китайских представителей «для съезду». Русского посла сопровождали 30 человек «служилых людей». Толмачом при нем был все тот же «селенгинский казак Тараско Афанасьев», который в переговорах с монголами в 1687—1689 гг. сыграл немалую роль. Тарас Афанасьев был человеком смелым, находчивым и, по-видимому, свободно владел разговорным монгольским языком.

При отъезде Степан Коровин был снабжен подробной инструкцией: «Идучи дорогою, мунгалскими улусы проводить, всяких ведомостей о китайском их поведении подлинно, какое у них в посольстве есть намерение и чают ли быть миру или хотят поступать воинским поведением, и нет ли ныне вновь в готовности китайских воинских людей и в зборе мунгалских ханов, и для чего ис Китай в мунгалы послы прежде сего посыланы были, о чем у них с кутухтою на съезде и с ыными мунгалскими владельцы была дума, и на чем положили о том всякими мерами проводить»⁶⁷. Из этой инструкции ясно видно, что поведение монгольских князей заставляло Головина насторожиться и даже ожидать от них какой-либо провокации. Как показывает дальнейший ход событий, предположения Головина были не лишены оснований.

Вместе со Степаном Коровиным выехал из Селенгинска специальный посол к Ундур Гэгэну Иван Качанов, который тоже должен был «проведать» о настроениях монгольских князей. Большой интерес представляет наказ, данный Ивану Качанову Головиным, и копия письма к Ундур Гэгэну, приложенная к этому наказу⁶⁸.

⁶⁶ Там же, л. 318.

⁶⁷ Там же, лл. 334—335.

⁶⁸ Там же, лл. 335—359.

Ивану Качанову было поручено «проведывать о всяких ведомостях накрепко», т. е. собирать сведения о положении в Монголии, но при этом ему рекомендовалось проявлять осторожность и бдительность, так как путь по монгольским кочевьям был явно не безопасен.

Ивану Качанову было поручено установить с Ундур Гэгэном добрые отношения, убедить его в том, что Головин вовсе не намерен идти через Монголию для встречи с китайскими послами: «Чтоб ему подлинно было ведомо, что путь их, великих и полномочных послов, чрез мунгалские их улусы не надлежит, а идут они, великие и полномочные послы, для перемирных договоров чрез Нерчинской...»⁶⁹. Эти заверения сопровождались богатыми подарками, вручая которые Качанов должен был подчеркнуть, что они посланы только «для любительных пересылок», и «за них воздарков» русский посол не ожидает. С обычной тщательностью в наказе перечислены эти подарки (соболя, чернобурые лисицы и т. д.) стоимостью в 100 с лишним рублей.

Качанов должен был убедить Ундур Гэгэна не только в том, что пребывание в Селенгинске военного отряда русских не представляет никакой опасности для монголов, но и что отправление в Китай через Монголию гонцов в «малом числе людей» не должно внушать никаких беспокойств. Вместе с тем Качанову было поручено также урегулировать пограничные отношения. Головин в наказе подробно перечисляет «вины» монголов, которые «ссоры и задоры всчинали... приходя... под украинные города великих государей под Брацкой, и Балаганской под Иркутской, под Тункинской остроги, также и под Селенгинской, и под Удинской, и под Нерчинской, и под Яравинской остроги ж и Селенгинского острога под займки многие отгоны чинили и людей побивали...»⁷⁰. Подчеркивая инициативу «мунгалских людей» в организации набегов на пограничные русские города, Головин считал нужным передать Ундур Гэгэну, что и русские, «за те их обиды неистерпя, в походы на их мунгалские улусы ходили»⁷¹, но что в дальнейшем следует прекратить пограничные конфликты. Качанов должен был заверить Ундур Гэгэна, что служилые люди приходят «на те мунгалские

⁶⁹ Там же, л. 343.

⁷⁰ Там же, л. 344.

⁷¹ Там же.

улысы не будут», если монгольские князья прекратят свои выступления.

Еще одна задача была поставлена перед Качановым: вести переговоры с Ундур Гэгэном о возможности «вольного торга» в монгольских кочевьях, пропуске русских торговцев в Китай, беспрепятственном проезде в русские города «торговых иноземцев иных государств». Эта задача, как известно, была поставлена не впервые, «вольного торга» среди монголов добивался еще Н. Венюков.

Выехавший 19 ноября из Селенгинска Иван Качанов не смог выполнить поручений. Он был надолго задержан в ставке Ундур Гэгэна. Последний не пожелал принять его за отказ выполнить церемониал поклонения, который, по понятиям монголов, надлежало воздать их духовному владыке. Почти два месяца провел Качанов в ставке Ундур Гэгэна, добиваясь приема и возможности вести переговоры. Вместе с ним был задержан и Степан Коровин, который должен был срочно доставить в Китай известие о прибытии Головина в Селенгинск. Эти проволочки не были случайными, они диктовались двойственной позицией Ундур Гэгэна, стремившегося сохранить добрые отношения с маньчжурским правительством и предпочитавшего выжидать: не принимать русского посланца и не отпускать его, пока не выяснится положение. А положение между тем выяснялось. Во-первых, к Ундур Гэгэну приехал посланец от Канси. Во-вторых, монгольские князья, собрав довольно сильное для того времени войско, осадили Селенгинск, закрыв из него выход Головину.

Пока Иван Качанов и Степан Коровин со всеми сопровождавшими их казаками добирались до ставки Ундур Гэгэна, навстречу им выехали посланцы от хутухты. Но встречи не произошло: посольства шли разными путями. 30 ноября 1687 г. монгольский посол Гичюл Лодой Сенге в сопровождении 10 человек подъехал к Селенгинску и через несколько дней был принят Головиным с соблюдением обычного в таких случаях церемониала. Монгольский посланец рассказал, что причиной его приезда является запрос маньчжурского правительства Ундур Гэгэну о том, где в настоящее время находится Головин и почему он не присылает в Китай своих гонцов⁷². Таков

⁷² Там же, л. 362.

был официальный предлог приезда монгольского посольства. Неофициальной же причиной приезда Лодой Сенге, судя по некоторым его словам, была, несомненно, разведка.

Так как Головин требовал от монгольских князей возмещения «всех обид» и возвращения отогнанных лошадей, то Лодой Сенге просил дать ему точную роспись, «с которых чисел и сколько числом ис под Удинска и испод Селенгинска мунгалские их люди отгонов учинили...»⁷³. Получив подробный список, Лодой Сенге 6 декабря уехал в Монголию.

Через две недели в Селенгинск поступили первые тревожные вести о движении большого монгольского войска. Привез эти сведения «браккой мужик шуленга Зербо», утверждавший, что на Селенгинск и Удинск идет войско «семи тайшей долонкошуевщины»⁷⁴.

Головин тотчас же отправил разведку, которая подтвердила полученные сведения. Тревога за Степана Коровина и Ивана Качанова вынудила Головина 29 декабря отправить в табунгутские улусы служилых людей Ивашку Тарского и Ваську Баскула с наказом узнать про отправленных русских посланцев. В результате предпринятой разведки, а также сообщений, получаемых от бурятского населения, Головину стало известно, что «в ближних местах» от Селенгинска стоит монгольский отряд под командой «Шириширея» (Шидишири-бэйле), младшего брата «Вячирай Сайн-хана» (Тушету-хан). К этому отряду постепенно присоединялись и другие.

Донесения добровольных разведчиков еще раз свидетельствовали о том, что буряты были не только дружелюбно настроены по отношению к русским, но и считали себя подданными «великого государя». Они с тревогой смотрели на военные приготовления монгольских феодалов, грозившие им разорением и, возможно, угоном в Монголию.

⁷³ Там же, л. 372.

⁷⁴ Там же, л. 375. — В этом выражении «долонкошуевщина» можно легко узнать известное монгольское название Халхи, существовавшее с конца XVI в Dolon hoshun, т. е. семь хошунов. Так называть Халху стали после того, как она была поделена вдовую Гэрэсэндээ на семь частей, или хошунов, по числу семи ее сыновей, и не случайно бурятский разведчик назвал монгольское войско войском «семи тайшей долонкошуевщины», ибо речь шла о соединенных отрядах халхаских феодалов.

Несмотря на известия, явно свидетельствовавшие о враждебных намерениях монгольских князей, в Селенгинск продолжали приезжать послы от Ундур Гэгэна и от Тушету-хана. Так, 6 января прибыл от Ундур Гэгэна Манзей Балдан в сопровождении трех человек, 12 января прибыл дзайсан Чюла-дарага с двумя товарищами от Тушету-хана. Манзей Балдан привез присланные Ундур Гэгэну для передачи Головину письма от маньчжурского правительства: «Из китайского государства листы на мунгалском языке, да с тех же листов для лутчаго выразумления... писано на латинском и русском языках»⁷⁵. Русский перевод с латинского письма приведен полностью в статейном списке Головина. О письмах же на монгольском языке отмечено, что они «слово в слово» повторяют латинский текст. Письма были запечатаны большой китайской печатью, датированы «Камги (т. е. Канси. — *Н. Ш.*) повелителя 26-м году луны 11-й дня 11-го». Они содержали извещение о прекращении военных действий под Албазином еще весной и приглашение Головину прибыть в Китай для переговоров: «Ты, московский великий посол, послушен повелителю нашему указу сюда в тот час приди»⁷⁶. При этом подчеркивалось, что «...с обеих сторон в миру жити и границу ограничить есть вещь великого разсуждения...»⁷⁷. Головин отвечал, что писал об этом Ундур Гэгэну и богдыхану Канси, но что до сих пор С. Коровин и И. Качанов задержаны в Урге, и просил отпустить их «без задержанья», одного в Китай, другого в Селенгинск.

Головин потребовал объяснить, зачем «ханской брат Шириширей збираетца с войски и стоит на Арангое от Селенгинска в ближних местех, для какова дела»⁷⁸. Посол дипломатично ответил: «Шириширей стоит на Арангое для того, что ведомости им мунгалским владельцем есть, что он, великий и полномочный посол, пришел в Удинской и в Селенгинской со многими ратными людьми, и он де Шириширей, стоит, опасаясь приходу на себя

⁷⁵ Статейный список Головина, л. 378 об. — Интересно заметить, что в данном случае китайцы воспользовались монгольским языком как дипломатическим.

⁷⁶ Статейный список Головина, л. 381 об.

⁷⁷ Там же, л. 381.

⁷⁸ Там же, л. 387.

русских людей, а не для воинского промыслу»⁷⁹. Этот ответ был попыткой замаскировать истинные причины появления под Селенгинском монгольских войск, подстрекаемых, по-видимому, к открытому выступлению маньчжурским правительством. Недостаток архивных материалов не позволяет нам утверждать это положение. Однако неоднократные присылки к Ундур Гэгэну гонцов из Пекина, наличие китайского оружия у монголов, задержка в Урге Коровина и Качанова до приезда маньчжурского гонца и ряд других фактов косвенно свидетельствуют о нажиме Канси на монгольских феодалов.

Посланец Ундур Гэгэна недолго задержался в Селенгинске. Получив письмо к Ундур Гэгэну и довольно богатые подарки, он через несколько дней покинул Селенгинск. И вскоре же приехали новые послы, на этот раз от Тушету-хана. Монгольский князь, находившийся в состоянии войны с ойратским Галданом Бошокту-ханом, стремился договориться о мирных отношениях с русскими на выгодных для него условиях. Цель приезда посольства зафиксирована в статейном списке Головина довольно туманной фразой: «Чтоб учинить ныне с ханом и с тайши совершенства мира»⁸⁰. Монголы предъявили требование возвратить «брацких людей» и очень интересовались причинами задержки в Тобольске татарина Сейдяша, у которого якобы имелось разрешение московского правительства на выдачу этих «брацких людей».

Большой интерес представляет письмо Тушету-хана, переданное лично Головину. Монгольского оригинала не сохранилось, но по переводу можно судить о вызывающем тоне письма. Тушету-хан настаивал на своем праве владеть «брацкими людьми»: «Да назад де тому будет лет с пятьдесят, как брацкие люди учали великим государем... платить ясак, да их же, великих государей... люди, пришед в их мунгалскую землю, и поставили осереди земли их город Селенгу. И о тех де брацких людех к великим государем... писано и послы были посыланы, и с тем де посланным от великих государей послана к Очарой

⁷⁹ Там же. — Несколько позднее посланец также заявил, что «Шириширей де тайша стоит на Орконе не для воинского промыслу и всчатие войны токмо для опасности приходу на мунгалские улусы ратных людей».

⁸⁰ Статейный список Головина, л. 396 об.

Саин хану грамота, да с тем же де посланным послан был Сейдяшь и того де Сейдяша в Тобольску задержали...»⁸¹.

Эти же требования предъявляли и предыдущие и последующие посольства Тушету-хана. Поглощенный военными приготовлениями против Галдана Тушету-хан не мог принять участия в походе монголов на русских и, по-видимому, гурчил это дело своему брату Батур-контайше (Шидишири Багатур-хунтайджи).

Посланец Тушету-хана держался независимо, отказывался отправить своего переводчика к Ундур Гэгэну с наказом отпустить Коровина и Качанова и настаивал на скорейшем проведении «мирных переговоров». Тушету-хан рассчитывал, что угроза, нависшая над Селенгинском, заставит Головина пойти на уступки. Последний, без труда разгадав эту хитрость монгольского хана, заявил: «Присылают к нему... говорить о перемирных договорах, чтоб поступить к мирным договором бутто из неволи, и то они, тайши, поступают не по посольскому обыкновению...»⁸². Отказавшись вести мирные переговоры в подобных условиях, Головин отправил гонца Тушету-хана на посольский двор и велел приставить караул, чего не делал с гонцами, приезжавшими от Ундур Гэгэна.

Следующая встреча Головина с послом Тушету-хана произошла в скором времени, после того как был переведен на русский язык привезенный монгольский лист. Головин просил передать монгольским князьям требование вернуть Коровина и Качанова, а также русских толмачей, отправленных для поисков угнанных конских табунов. Посол обещал выполнить поручение и тут же (12 января) был отпущен из Селенгинска. Головин не решился задержать его, так как полагал, что это может печально отразиться на судьбе Коровина и Качанова: «А не задержаны те посланцы в Селенгинску для того, чтоб не учинили чего над посланцами, которые были у них в мунгалских улусех»⁸³. Кроме того, при создавшихся обстоятельствах было неразумно держать в Селенгинске явного разведчика монгольских феодалов, близко подошедших со своими отрядами к городу.

16 января стало известно, что монгольские мелкие

⁸¹ Там же, л. 401 об.

⁸² Там же, л. 400.

⁸³ Там же, л. 404 об.

отряды (человек по 50 или меньше) перерезали сообщение с Удинском. Нападению подверглись несколько русских казаков, отправленных в острог; двое спаслись и вернулись в Селенгинск, один был убит, и один пропал без вести. Проехать «с вестями» в Удинск было невозможно, посланные в разведку казаки, «не доезжая до усть реки Хилка, увидели на острове многие огни и стоят часто... почали их окликать их мунгалские караулы, и видят они что проехать невозможно, побежали назад в Селенгинской»⁸⁴.

Таким образом, с 16 января Селенгинск оказался в плотном окружении монгольских отрядов. По-видимому, Головин неустанно вел оборонительные работы. Он ничего не пишет об этом в статейном списке, но когда монголы пытались взять город приступом, они натолкнулись на хорошо сооруженные надолбы, стены и башни. Головин успел подготовиться к осаде. Он хорошо организовал разведку, в которой не раз участвовал известный Демьян Многогрешный, сыгравший немалую роль в защите Селенгинска.

Как это ни странно, 17 января, несмотря на окружение, в Селенгинск вернулся из Монголии один из русских толмачей Алексей Гаранин, посланный «для розыска отогнанных табунов». Ему пришлось побывать в лагере Шидишири Багатур-хунтайджи, где его держали связанным под охраной четыре недели, кормили впроголодь, через день. После того как он был допрошен самим Шидишири, его отпустили в Селенгинск в сопровождении четырех монголов, которым было поручено потребовать у русских аманатов, взятых еще в 1687 г. Толмачей Павла Черного и Герасима Шидишири задержал у себя до возвращения своих заложников. Монголы, сопровождавшие Алексея Гаранина, не рискнули захватить в Селенгинск, а остановились в трех верстах от города. Головин не хотел отпустить аманатов, а послал для переговоров с приехавшими подьячего в сопровождении 20 казаков. При виде казаков монголы «на перекличку не пошли и въехали на верхние бугры человек з десять и, стояв долгое время, поехали за камень»⁸⁵. Переговоры так и не состоялись.

⁸⁴ Там же, л. 406.

⁸⁵ Там же, л. 408 об.

Алексей Гаранин привез Головину важные сведения, которые сумел собрать, несмотря на то что сидел у монголов «за караулом». Он рассказал, что войско монгольских князей состоит примерно из 8 тыс. воинов, что двухтысячный отряд «куячников на лошадях и с заводными двумя конями на каждого воина» должен был выступить на третий день «после ево, Алешкина, отпуску»⁸⁶. Цель похода — вернуть бурят: «Брацких людей хотят побити, а иных к себе возвратить попрежнему в ясак». Гаранин даже в какой-то мере выяснил дислокацию монгольских отрядов, он рассказал, что «тайши собираютца для походу на брацких людей, и табунуцкие люди собираютца вниз по Селенге реке по левой стороне, а стоят улусами по Хилку... а иные мунгалские улусы собираютца по правую сторону Селенги. А в зборе мунгалцов ныне тысяч с восемь...»⁸⁷.

После получения этой информации Головин опять сделал попытку наладить связь с Удинском, но отправленные с письмами казаки не смогли пробиться через стоявшие в 12 верстах вокруг Селенгинска монгольские караулы. Посылаемая ежедневно разведка приносила неутешительные сведения: «А в те числа кругом Селенгинского видеть было на камнях мунгалских воинских людей много, также и в ночах огни кругом Селенгинского были великие...»⁸⁸, «мунгалских воинских людей стоит по Чикюю реке множество и стоят опасно»⁸⁹.

25 января монголы начали враждебные действия. Они стали нападать на разведочные отряды казаков, уничтожать находившиеся под Селенгинском запасы сена и дров: «Генваря з 26 числа февраля по 3 число были кругом Селенгинского... в самых ближних местех сена и иные припасы жилецких людей пожгли без остатку»⁹⁰. 4 февраля из Селенгинска была предпринята вылазка, закончившаяся боем с быстро появившимися с окрестных гор монголами. Осада продолжалась: «Февраля з 6-го числа февраля по 14 число были кругом Селенгинского во вся дни воинские мунгалские люди, многие и на каменных горах: днем и ночью стояли караулы их непрестанно

⁸⁶ Там же, л. 408.

⁸⁷ Там же, л. 407.

⁸⁸ Там же, л. 410 об.

⁸⁹ Там же, л. 411.

⁹⁰ Там же.

человек по триста и больше»⁹¹. Но, несмотря на осадное положение, 14 февраля под Селенгинском неожиданно появился гонец от Ивана Качанова с сообщением, что последний в сопровождении посла от Ундур Гэгэна возвращается из Урги. К вечеру того же дня в Селенгинск прибыло монгольское посольство во главе с Манзей Балданом, приехал Иван Качанов «с товарищами» и гонец от Степана Коровина с «вестовым письмом». В поданном Иваном Качановым статейном списке подробно описано его пребывание в Урге и переговоры с приближенными Ундур Гэгэна.

Таким образом, пока шла осада, в Селенгинске состоялись переговоры с представителем Ундур Гэгэна. Посол утверждал, что хутухта был против похода, пытался удержать от наступления монгольских князей и предлагал им вернуться обратно. Разговоры с послом, рассказы Ивана Качанова, сведения «вестового письма» Степана Коровина позволяют установить довольно точно занятую Ундур Гэгэном позицию: выжидать и не обострять отношений ни с русскими, ни с маньчжурами. Очень похоже, что, несмотря на нейтральную позицию, Ундур Гэгэн выжидал, пока развернутся военные действия и угроза продвижения русского отряда в Китай через земли Монголии отпадет. Вместе с тем отправление посольства в феврале 1688 г. и возвращение Ивана Качанова свидетельствуют о желании Ундур Гэгэна поддерживать добрососедские отношения с Русским государством.

Именно так и понял его Головин, заявивший Манзей Балдану, что «впредь мунгалским всем владельцем, кроме кутухты, верить некому»⁹². Поэтому разговоры с представителем Ундур Гэгэна проходили в довольно мирных тонах, несмотря на осаду Селенгинска и продолжающиеся нападения монгольских отрядов.

Во время этих переговоров Манзей Балдан заявил, что «листа» (письма) с ним нет, что ему приказано объяснить причины приезда «словесно». Он должен был, в-первых, потребовать возвращения «брацких людей», которые «искони вечные их» (т. е. монгольские подданные), во-вторых, выяснить, почему в Монголию до сих пор не

⁹¹ Там же. л. 412 об.

⁹² Там же. л. 439 об.

отпущен Сейдяш, везший из Москвы разрешение о возврате «брацких людей», и, наконец, в-третьих, объяснить задержку в Урге Качанова и Коровина. Головин отправил Ундур Гэгэну большое письмо, причем, чтобы монголы не смогли отговориться незнанием русского языка, велел перевести его на монгольский. Записывал перевод сам Манзей Балдан, которому статьи письма читал Коровин и переводил толмач.

Головин хотел использовать появление посла Ундур Гэгэна для того, чтобы вступить с осаждавшими Селенгинск князьями в мирные переговоры. Но Манзей Балдан отказался ехать к Багатур-хунтайджи. Головину не удалось ничего от него добиться, кроме заверений в том, что хутухта печется о мире. Он не смог уговорить посла дать провожатого для гонца, которого он предполагал отправить в Иркутск якобы для мирных известий, а на самом деле, чтобы доложить о трудном положении: «А говорено о проезде... для того, что о походе ратных людей учинить к полковникам ведомость и чтоб, собрався, шли в Селенгинской для того, что в Селенгинску хлебных запасов было гораздо мало и пробавливались с великою скудостью...»⁹³. Пробыв в Селенгинске четыре дня, посольство Ундур Гэгэна, снабженное письмами и подарками, уехало в Монголию.

Между тем осада длилась. 29 февраля, поздно вечером, монголы пошли на приступ. «Ударили... с трех сторон мунгалские воинские люди и пушали в город стрелы зажигальные с медными трупками и бросали с огнем пуки тростяные, и был бой до света»⁹⁴. В штурме Селенгинска принимали участие конные отряды шести монгольских князей. По сведениям захваченных «языков», в распоряжении монгольских князей имелось и огнестрельное оружие (пушки и пищали), полученное из Китая. Так, бывший русским лазутчиком «мунгалский мужик» сообщил, что у Багатур-хунтайджи есть две пушки и «мелково оружия много», что пушки «привезли ис Китай сего лета, а иные пушки есть деревянные, а к тем пушкам ядра льют из чюгунного железа, а порох делают сами, а свинец к мелкому ружью привозят ис Китай»⁹⁵. Применя-

⁹³ Там же, л. 453.

⁹⁴ Там же, л. 462

⁹⁵ Там же, л. 458 об.

ли монголы огнестрельное оружие и в бою в Соляной пади (в двадцати верстах от Селенгинска). Здесь они встретились с отрядами полковников Павла Грабова, Федора Скрипицына и Антона Берха, которые вышли на выручку Головину в конце марта 1688 г. «Встретили их мунгалские войски многие с пушками и с огненным боем, и был бой... и мунгалских людей збили...»⁹⁶. Наличие китайского огнестрельного оружия в монгольских войсках служит одним из доказательств подстрекательской политики маньчжурского правительства, которое пыталось вовлечь монгольских феодалов в борьбу против русских. Если во время албазинского конфликта Канси не удалось добиться выступления монголов, то теперь он действовал более успешно. Момент был удачный — приход двухтысячного отряда русских служилых людей в Забайкалье явился удобным предлогом для открытого военного выступления.

Монгольский поход в Забайкалье был задуман широко: часть войск должна была осадить и разбить отряд Головина в Селенгинске, другая часть — пойти под Удинский острог, третья — направиться к Байкалу и привести к покорности живших там бурят. Шидишири Багатур-хунтайджи, заняв позицию около Селенгинска, отправил двухтысячный отряд на север, к Удинску, но монголам не удалось осуществить свой план. Сопrotивление селенгинского гарнизона задержало основной отряд монгольских войск, продвижение на север было с успехом остановлено частями, расквартированными в Удинске. Эти же части дали отпор конным отрядам монголов. На выручку Головина из Удинска поспешили войска Павла Грабова и других полковников.

Здесь уместно внести небольшие коррективы в текст «Истории Бурят-Монгольской АССР», где по поводу описанных нами событий сказано следующее: «В 1687 г. конные отряды Очирой-хана вторглись в Западное Забайкалье. Они осадили Селенгинск и продвинулись дальше — к Верхнеудинску. Все способные носить оружие участвовали в защите Селенгинска, гарнизон которого насчитывал не более 300 человек. Во главе осажденных был ссыльный украинский гетман Демьян Многогрешный. Отряды Очирой-хана потерпели поражение и отступили.

⁹⁶ Там же, л. 463, об.

Однако в Забайкалье находились еще крупные отряды табунгутских тайшей. Против них выступили соединенные силы русских стрельцов и казаков, бурятских и эвенкийских конников. Командовал этим войском русский посол Федор Головин, прибывший для переговоров с Китаем»⁹⁷.

Так же описывает эти события Е. М. Залкинд: «В 1687 г. крупные монгольские силы осаждают Селенгинск и быстро продвигаются к северу, рассчитывая на захват Верхоленска. Но гарнизон Селенгинска, под командой ссыльного гетмана Демьяна Многогрешного, нанес монголам поражение, и дальше Удинска им продвигаться не удалось. Осада острогов затянулась надолго»⁹⁸.

Ни авторы «Истории Бурят-Монгольской АССР», ни Е. М. Залкинд не указывают источников, на основании которых ими описано вторжение Очирой-хана. Можно предположить, что они пользовались материалами Иркутской приказной избы. Однако только подробный статейный список Ф. Головина, раскрывающий день за днем события в Забайкалье в 1687—1688 гг., позволяет проследить, как на самом деле развивалось наступление монголов. Мы уже видели, что вторжение монгольского отряда началось в декабре 1687 г. и продолжалось три первых месяца 1688 г. Осада Селенгинска длилась с 26 января по 25 марта. Во главе осажденных находился Головин, а не Демьян Многогрешный, который также сыграл немалую роль в защите города. Конные отряды Очирой-хана на самом деле были отрядами соединенного войска монгольских феодалов во главе с Шидишири Багатур-хунтайджи. Табунгутские тайши также присоединились к монголам.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Не получая от Головина никаких сведений в течение января, февраля и половины марта, расквартированные в Удинске полки стрельцов и казаков, как указано выше, двинулись на выручку Селенгинска. До 25 марта «стояли круг Селенгинского мунгалские воинские люди в самых ближних местех, а в Селенгинску в надолбах и кругом слобод стояли по местам служилые люди днем и

⁹⁷ «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 100.

⁹⁸ Е. М. Залкинд, *Из истории западного Забайкалья в конце XVII—начале XVIII в.*, стр. 222.

ночью во всякой готовности»⁹⁹. Подошедшие к Селенгинску русские отряды встретились в Соляной пади с монголами и разбили их. Взятый в этом бою «язык мунгальской породы» рассказал любопытные сведения о настроении среди войска Шидишири. По его словам, Шидишири, которого он везде называет Батур-хунтайджи, выбрав «лутчих куяшников тысени с три человек и послал на брацких людей мимо Удинской и Илинской заимки, а сам со всеми ратными людьми стоял кругом Селенгинска»¹⁰⁰. Во главе трехтысячного отряда находились Мерген Дайчин-тайджи, Даши Батур-тайджи и Ирки-хунтайджи. Они встретились с русскими, «бились три дни» и отступили к Багатур-хунтайджи. Раненный в этом бою Мерген Дайчин-тайджи умер. Когда за 10 дней до боя в Соляной пади Багатур-хунтайджи получил извещение о движении русских полков к Селенгинску, среди монгольских феодалов начались разногласия. Некоторые из них говорили, что идти им «на встречу русским не для чего». Но Багатур-хунтайджи «неволею» отправил их к Соляной пади, где и состоялась уже известная нам встреча. Захваченный в плен монгол по имени Сегитка утверждал, что «мунгалские тайши на Батур контайшу поносили, что зачел войну собрався со многими людьми... и людей... ростеряли, а брацких людей в подданство возвратить к себе не могли»¹⁰¹. При этом Сегитка сказал, что монголы собираются уходить в свои улусы и «оберегать себя». Это соответствовало действительности, так как разведка, отправленная из Селенгинска 25 марта, установила, что «вверх по Селенге реке в верст с тридцать до урочища Камянской степи и никаких мунгалских людей нигде не видали... где прежде сего стояли мунгалские войска таборами своими, и те де стапы все пожжены и никого на тех станех они не видали»¹⁰². Спешно сняв осаду, монгольские отряды удалились, не без основания полагая, что их могут преследовать русские. Однако Головин не решился выступить вслед за монголами, так как осада истощила запасы гарнизона. Лошади находились в плохом состоянии, и двинуться в поход было трудно («...а на мунгалские улусы войною с ратными людьми не пошел для

⁹⁹ Статейный список Головина, л. 462 об.

¹⁰⁰ Там же, л. 464.

¹⁰¹ Там же, л. 465.

¹⁰² Там же, лл. 465—466.

того, что лошадьми было в полках стрелецких гораздо скудно») ¹⁰³.

Как только отряды стрельцов пришли в Селенгинск, Головин срочно выехал в Удинск. Уже к вечеру 27 марта, «собрався с ратными людьми, послы пошли из Селенгинского к Удинскому острогу» ¹⁰⁴.

В Селенгинске был оставлен отряд из 240 служилых людей во главе с Иваном Качановым и увеличены военные запасы: восемь пушек (до осады было пять), четыре бочки пороха «весом двадцать девять пудов», много ручных гранат. В Селенгинске было плохо с продовольствием. Поэтому хлебные запасы были «иманы у стрельцов и с полков», а всего «на прокормления до водяного пути тем служилым людям оставлено сухарей и муки пуд сполтретьяста» ¹⁰⁵ (т. е. 250 пудов на 240 человек на два месяца). Обратный путь в Удинск Головин совершил благополучно. В Удинске он получил письмо от нерчинского воеводы Ивана Власова. В нем содержались данные о военных намерениях монгольских феодалов. Хорошо поставленная разведка позволила Власову узнать интересные подробности о только что состоявшемся походе монголов на Селенгинск. Привезенные в Нерчинск «мунгалские языки» рассказали, что «в прошлом де 195 году (т. е. 1687 г.) весною присылан был ис Китаи ко всем мунгалским тайшам дьяк китайское де имя ему Кара Заргучей для совету, чтоб итти войною под Селенгинские и Нерчинские остроги, и мунгалские тайши китайского царя в том послушны учинились, и по ево, Кара Заргучеву, наряду посланы в осень под Селенгинск мунгалские многие люди. А ручной де бой у них лучной, да копейщики атбираны де те люди у всех тайш со ста человек по двадцати человек и больше, а корм де иман со всех же мунгалских людей и дано де ратным мунгалским людям корму по пяти баранов, да по скотине, по верблюду человеку» ¹⁰⁶. Эти сведения вполне подтверждали имевшиеся уже у Головина данные о вмешательстве Канси в монгольские дела.

Возможно, что маньчжурское правительство предполагало весной 1688 г. возобновить военные действия пре-

¹⁰³ Там же, л. 466.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, лл. 467, 468.

тив Албазина. По крайней мере слухи об этих намерениях были широко распространены в Монголии. Они неоднократно становились известными русским и способствовали усилению и без того напряженного положения в Забайкалье. Так, например, 11 марта в Удинск был доставлен пленный монгол, который сообщил, что «мунгалские тайши со многими людьми будут под Нерчинск безотложно, а с ними де и китайцы с пушечным боем»¹⁰⁷. Подобные же сведения были получены и в Нерчинске. «А под Нерчинские остроги, — писал Иван Власов, — вышеписанной же Кара Заргучей отрядил мунгалских тайш Ахаи Даичина да Тархана контайджи со многими людьми, и чтоб де им, тайшам, дожидатца ис Китай ево, Кара Заргучея, с ратными людьми и с пушками и со всяким огненным боем, а срок де поставлен быть ему в мунгалы в марте месяце нынешнего 196 году (1688 г.)»¹⁰⁸.

Только что перенесенная осада Селенгинска, новые тревожные известия о предполагаемом походе на Нерчинск, а также весеннее бездорожье и недостаток лошадей задерживали Головина в Удинске и не позволяли ему предпринять какие-либо действия. Отправив подробное донесение о событиях, происшедших за январь—май, в Посольский и Сибирский приказы, он ждал указаний из столицы. Головин провел все лето в Удинске, выжидая дальнейших сведений из Китая о предстоящих мирных переговорах. В это время он усиленно занимался работами по укреплению Удинска, Ильинской слободы и постройкой новых острогов, имевших в то время стратегическое значение. «Велено в Удинску зделать город, а из него тайник к реке для воды, да кругом Удинского и слобод зделаны тройные большие надолбы на трех стах на шестнадцати саженьях... А круг Ильинской слободы построен коложитеней острог и поделаны бойницы и посланы четыре пушки да зелья 16 пуд»¹⁰⁹. Кроме надолб, кругом Удинска было велено построить «всякие крепости... круг башен обрубь и засыпать землю и учинить ров...». «Построил я — доносит в Москву Головин, — в Удинску стрелецкими полками для всякие опасности от приходу воинских людей город деревянной, четыре стены мерою

¹⁰⁷ Там же, л. 468.

¹⁰⁸ Там же, л. 467 об.

¹⁰⁹ Там же, л. 494.

по двадцати по три сажени, стена вышиною трех сажен трехаршинных в ширину, в обламах по полчетверта аршина; пять башен шириною по полчетверты сажени трех аршинных, в высоту по три сажени и в том числе один роскат штиугольной шириною шти сажен, в высоту четырех сажен да в городе погреб зелейной, на нем анбар...»¹¹⁰. Размах проведенных работ был, как это видно из сделанных выписок, достаточно широк и требовал много сил. Не прекращалась и разведка, которая в течение лета 1688 г. не могла обнаружить в Забайкалье монгольских отрядов: они все ушли в Монголию.

Пока Головин находился в Удинске, к нему два раза приезжали посланцы от Ундур Гэгэна. 14 июня прибыл Манзей Балдан, который приезжал в Селенгинск в январе 1688 г. Он привез известие о Степане Коровине, возвращавшемся из Китая. Ундур Гэгэн, стремясь показать свое лояльное отношение к русским, тотчас же отправил с этим известием к Головину своего посланца. Он также охотно откликнулся на просьбу Коровина предоставить ему верблюдов для переезда через Монголию, так как, «едуци он, Степан, ис Китайского государства з дороги, с Кобинской степи, к мунгалскому Геген кутухте прислал от себя гонцов для того, что идучи дорогою, верблюды обнуждали гораздо... а у мунгалских людей скот весь выпал, и купить верблюдов не у кого»¹¹¹. Манзей Балдан сообщил также, что вслед за Коровиным должны выехать и китайские посланники для мирных переговоров. При этом он рассказал Головину, что, по слухам от «торговых людей», китайцы усиленно закупают лошадей для отправки с военными целями к пограничным русским городам. Передача этих сведений доказывает, что монголы чутко реагировали на действия маньчжурского правительства и выжидали, как развернутся дальнейшие события.

Вторым гонцом от Ундур Гэгэна, приехавшим в Удинск 28 июня 1688 г., был Лубсан, который сопровождал возвратившегося из Китая Коровина. Последний подал Головину подробный статейный список¹¹², содержащий отчет о выполнении возложенной на него задачи (выяснение причин задержки китайских послов) и инте-

¹¹⁰ Там же, л. 611.

¹¹¹ Там же, л. 472.

¹¹² Там же, лл. 500—533.

ресные сведения о внутреннем положении Монголии. Информация его заслуживала внимания, ибо свидетельствовала об активизации действий ойратского хана Галдана Бошокту и о том, что Ундур Гэгэн был занят с весны 1688 г. организацией отпора Галдану. Коровин, например, сообщает, что 12 июня к Ундур Гэгэну приехал гонец от Очирой Сайн-хана с просьбой «прислать ратных людей в прибавку немалое число»¹¹³. Напомним, что Галдан Бошокту-хан, вступив в союз с Дзасакту-ханом, с осени 1687 г. начал открытые враждебные действия против Тушету-хана. Вероятно, по этой причине Тушету-хан не смог принять участия в походе Шидишири на Селенгинск. Весной 1688 г. Галдан Бошокту-хан, как известно¹¹⁴, разбил Галдана — сына Тушету-хана, которого Ундур Гэгэн после неудачного похода на Селенгинск отправил на помощь отцу. По словам Коровина, Ундур Гэгэн «воинских людей с ним послал тысяч с пять»¹¹⁵. Гонец Тушету-хана, появившийся 12 июня в Урге, известил монгольского хутухту о том, что «Бушукту хана де воинские люди, не допустя ево, Галдана, с теми ратными людьми до Ачироя хана, встреча учинили бой»¹¹⁶. Встревоженный Ундур Гэгэн «посылает еще в прибавку к Ачирой хану и к сыну ево. А Бушукту хан де стоит ныне от кутухтины урги днищах во шти»¹¹⁷. Такова была информация Коровина, из которой видно, что Ундур Гэгэн, несмотря на свой ламский сан, активно принимал участие в войне против ойратского хана.

Лубсан и Коровин привезли сведения о выезде китайских послов, следовательно, мирные переговоры должны были состояться в скором времени. Но пока было неясно, где они будут происходить, и Головин оставался в Удинске.

В начале июля к Головину приехал гонец из Москвы Иван Логинов, который привез царскую грамоту. Москва торопила с заключением договора с маньчжурами. Грамота состояла из нескольких статей, в ней содержалась также инструкция, как вести переговоры, и указы-

¹¹³ Там же, л. 532 об.

¹¹⁴ А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»*, СПб., 1883, стр. 190—192.

¹¹⁵ Статейный список Головина, л. 532 об.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

вался ряд действий, которые могли бы содействовать более скорому и выгодному для России заключению договора. Головин должен был настоять на том, чтобы границей между Россией и Китаем оставалась река Амур¹¹⁸. Чтобы привлечь к себе симпатии монгольских феодалов, а также ойратского Галдана Бошукту (по терминологии Посольского приказа «калмыцкого хана»), Головину рекомендовалось послать им царские грамоты и государево жалованье. В Москве еще не знали о разыгравшихся в Забайкалье военных действиях, подробное сообщение о которых было отправлено Головиным лишь в июне 1688 г. В Посольском приказе по-прежнему считали, что вмешательство Ундур Гэгэна может способствовать заключению мирных переговоров между Россией и Китаем. Поэтому к нему направлялась особая царская грамота, в которой подчеркивалось, «что он (т. е. Ундур Гэгэн. - *Н. Ш.*) в том великим государем к их царскому величеству службу свою показал», и высказывалось пожелание, чтобы он лично поехал в Китай или написал богдыхану о скорейшем успокоении «между государством их царского величества Даурскою странюю и китайцами»¹¹⁹. Логинов привез наказ послать монгольскому хутухте также государево жалованье, «а на жалованье взять мяхкие рухляди из сибирских городов из Ылымска и Енисейска что пристойно»¹²⁰. Сразу же в Илимск был отправлен нарочный, чтобы закупить 30 самых «добрых и чистых рысей, 30 юфтей (кож) больших» и, «если сыщется у торговых людей, кож золоченых». Это позволяет думать, что и Посольский приказ и сам полномочный и великий посол считали необходимым поддерживать добрые взаимоотношения с главою монгольских феодалов, все еще полагая, что он сможет помочь в предстоящих переговорах.

Между тем летом 1688 г. военные действия в Монголии достигли наибольшего напряжения и приобрели очень широкий для того времени размах. Эта война повлекла за собой трагические последствия. Потерпев поражение от ойратского хана, крупнейшие монгольские феодалы бежали к маньчжурскому императору Канси.

¹¹⁸ Там же, л. 549.

¹¹⁹ Там же, л. 551 об.

¹²⁰ Там же, л. 570.

надеясь найти у него защиту. А за этим, как известно, последовала полная потеря национальной самостоятельности Монголии.

Мы уже не раз отмечали двойственность поведения Ундур Гэгэна, стремившегося поддерживать хорошие отношения с обоими могущественными соседями. С Китаем Монголию связывали многовековые отношения, с Русским же государством дипломатические связи возникли значительно позже и существовали не более трех четвертей столетия. Появление и укрепление русских в Забайкалье, на Амуре создавали прочную преграду продвижению маньчжуров на север. Этого не могли не понимать монгольские феодалы и в том числе Ундур Гэгэн, который, несомненно, был крупной политической фигурой в Монголии во второй половине XVII в. И все-таки в момент, когда решалась судьба страны, Ундур Гэгэн оказался на стороне маньчжуров, у них искал он помощи и защиты. Это он настоял на принятии маньчжурского подданства, которое повлекло за собой закабаление всего монгольского народа. Основной причиной, толкнувшей Ундур Гэгэна на этот решительный шаг, было поражение, понесенное Тушету-ханом в войне с Галданом Бошокту. Не следует при этом забывать, что Галдан через своих эмиссаров в Халхе распространял слухи, будто в его войсках имеются русские ратники, будто ему помогает Россия. Это не могло не оказать влияния на решение Ундур Гэгэна и Тушету-хана искать спасения у маньчжуров. Об этих слухах было известно и Головину и Канси. Так, Степан Коровин сообщил Головину, что во время его вынужденного пребывания в Урге взятые в плен ойраты утверждали: «Наступил Бушукту хан калмыцкой на их мунгалскую землю, соединяя царского величества с людьми»¹²¹. Основанием для подобных разговоров мог послужить неоднократный приезд русских послов к Галдану и его заявления о якобы полученной им помощи от русских. Ойратский хан стремился усилить свою позицию и действительно поддерживал добрососедские отношения с русскими, хотя и не получал от них реальной помощи.

О том, что Галдан разбил соединенные силы Тушету-хана, Ундур Гэгэна, Цэцэн-хана и других менее влиятельных феодалов, Головину стало известно сразу же

¹²¹ Там же, л. 531.

после этого события. Уже 10 июня 1688 г. в Селенгинск явилось одиннадцать «табуницких мужиков с женами и з детьми и с конным табуном и рогатым скотом», бежавшие к русским в связи с вступлением Галдана в хошуны центральной части Халхи. Простой народ — «табуницкие мужики», которые оказались «мунгалской и брацкой породы» и издавна платили ясак табунгутским дзайсанам, первыми бежали под защиту русских. Они-то и рассказали подробности о победе Галдана: «...Что де он, Бушукту хан... Очарой саин хана розвоевал и вверху де по Оркону реке кутухтины и Ачирой саин хановы... многие городки разорил и шабинаров их многих побрал же. А к нему де, Ачарой саин хану, на помоч с Оркону реки с войски шел Геген Цецен хан, и слых де тот есть, что он Геген Цецен хан с войски Бушуктыхановыми сошлись, а про Ачароя де саин хана называют, что ушел в малых людех з бою х кутухте, а иной де слух проноситца, что бутто ушел он х китайскому бугдыхану...»¹²². Слух об этом распространился, повидимому, в Монголии с необыкновенной быстротой.

Еще до бегства из Халхи Ундур Гэгэн писал к Канси, прося о помощи: «Взят городок Эрдениджюу, а городок этот стоит в двух днях пути от моего кочевья, поэтому в великом утеснении нахожусь и прошу помощь подать»¹²³. В ответ Канси послал ему указ, в котором обещал помощь: «...Поелику вы подлинно находитесь в крайнем утеснении и совершенно желаете в наше защищение отдасться, то мы вас принятием и довольством не оставим, а так как ты смиренно нам доносишь, то за донесение в знак нашего удовольствия к тебе шелковое белое полотенце послали и послу делали особливое награждение»¹²⁴. Но пока посланный Канси ехал к Ундур Гэгэну, последний бежал в одно из монгольских княжеств («сунитские кочевья»), расположенное неподалеку от Великой китайской стены¹²⁵. «А Галданово войско разграбило жестоко всех мунгал, стало при местечке Кара

¹²² Там же, л. 574 об.

¹²³ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, т. II («История о завоеваниях китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа»). Переведена с маньчжурского языка на русский язык прапорщиком Илларионом Рассохиним, 1750 г.).

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн зрихэ»*, стр. 191.

Джоргонь, в одном дне от Джебцзун Дамбы (т. е. Ундур Гэгэна. — *Н. Ш.*), отчего тот, забрав Тушету хановых жен и детей, лам и бандиев до трехсот человек, с великой робостью в побег пошел, в прочие калки (т. е. халхасцы. — *Н. Ш.*), оставя свое имение, кибитки, посуду, оружие, лошадей, верблюдов и рогатый скот, бегут к нашим (т. е. китайским. — *Н. Ш.*) землям, как овцы, лишившиеся своего пастуха, из стороны в сторону бросаются. Где сам Тушету-хан неизвестно»¹²⁶. В Монголии, действительно, наступило смятение. Под натиском ойратских войск монголы бросились искать спасения кто где. Многие ушли на юг под защиту маньчжуров, а некоторые перекочевали в русские владения. Кроме того, часть монгольских феодалов со своими подданными присоединилась к Галдану еще в начале его наступления на Халху.

Указанные события в Монголии задержали русско-китайские переговоры, так как отправленные в мае китайские послы («пять вельмож, облеченных полномочной властью»), узнав о победе Галдана, вернулись в Пекин. Об этом они известили Головина. 30 июля в Селенгинск прибыл китайский «полковник с товарищи» — гонец в сопровождении охраны «человек со сто». Через три дня они были отправлены в Удинск к Головину. Китайский полковник сообщил ему последние новости о событиях в Монголии. Сведения, привезенные почти месяц назад табунгутскими «мужиками», не только подтвердились, но и были дополнены существенными подробностями. Китайский гонец проехал только что через всю Монголию, был в Урге, но «кутухты де, где он прежде сего ургою своею стоял, не застали, и то место все выжжено»¹²⁷. Галдан же быстро прошел восточные хошуны Халхи, преследуя Цэцэн-хана и Ундур Гэгэна. Китайский посланец убедил Головина, что из-за военных действий Галдана «близ Селенгинского острогу съезду быти немочно»¹²⁸. Переговоры было решено проводить в Нерчинске, куда уже маньчжуры отправили своих послов¹²⁹. Теперь, когда Галдан

¹²⁶ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, т. II.

¹²⁷ Статейный список Головина, л. 580 об.

¹²⁸ Там же, л. 589 об.

¹²⁹ См., например, отписку Афанасия Бейтона, сообщавшего от 12 июля, что в Албазин явился китайский «боярин Чечен» и просил пропустить вверх по Амуру суда, идущие в Нерчинск «для посольских переговоров» (Статейный список Головина, л. 604).

захватил почти всю Халху, Канси не хотел затягивать переговоры с русскими, поскольку ему было нужно сконцентрировать внимание на монгольских делах. Он начал готовиться к активному в них вмешательству, так как война с ойратами послужила удобным предлогом для покорения Халхи. Бежавшие от Галдана монгольские феодалы облегчили ему эту задачу.

Как только определилось место для проведения переговоров, Головин стал собираться в Нерчинск. Сборы осложнились медленной доставкой из Иркутска и других сибирских городов хлебных запасов, а местная «государева пашня» не могла обеспечить полностью стрелецкие полки. Плохо было и с конным транспортом. Последнее обстоятельство сказалось вскоре же после выступления Головина из Удинска в Нерчинск. Когда Головин в сопровождении 1160 московских и сибирских стрельцов выступил 29 августа из Удинска, то на первой же остановке «замешка учинилась», так как лошади у многих стрельцов «за неучением в телегах ушли в степи». Это задержало отряд на два дня, пока не были собраны разбежавшиеся лошади. Кроме того, срочное стратегическое строительство, проводимое в Удинске, задерживало выезд. За летние месяцы 1688 г. Головин провел ряд работ, значительно укрепивших Удинский острог, ставший после перестройки городом Удинском.

Казалось бы, общее положение несколько улучшилось: место переговоров определилось, маньчжурские и русские послы направлялись для встречи в Нерчинск. Тем не менее обстановка оставалась тревожной. Не могло не смущать известие, что маньчжурские послы идут под охраной большого войска (по данным разведки, в 30 тыс. человек), беспокоила Головина и мысль, что «мунгалские владельцы собрався с войски своими не учинили какова разорения байкаловским острогам и ясачным иноземцом брацкого и тунгуского родов»¹³⁰. Уже по пути в Нерчинск Головин получил известие из Албазина, что шедшие на «мирные переговоры» маньчжуры на 106 бусах (китайские речные суда) с 41 пушкой покосили и пожгли все «без остатку». Албазин оставался, следовательно, без запасов продовольствия на зиму. Кроме того, Головину стало известно, что маньчжурские суда, направлявшиеся

¹³⁰ Статейный список Головина, л. 621 об.

в Нерчинск, повернули обратно в Китай. Переговоры, стало быть, вести было не с кем. А из Селенгинска между тем пришли сведения о перекочевке в Забайкалье большой группы («не в одну тысячу») монголов, бежавших от ойратов. Все эти обстоятельства, а также полученное из Сибирского приказа распоряжение внезапно изменили план действия Головина. Он с дороги вернулся в Удинск и тотчас же выступил против «монгольских выходцев». «Сентября в 16 день пошли под мунгалские улусы, чтоб привести их в послушание по наказу, каков мне, холопу вашему, дан из Сибирского приказу»¹³¹, — писал Головин в Москву.

В этом походе «для воинского помыслу на мунгалские, табуницких тайшей улусы» активное участие приняли буряты и эвенки, о чем неоднократно упоминается в статейном списке Головина.

Наиболее напряженными были последние дни сентября 1688 г. Обнаружив, что за р. Хилком «мунгалские улусы стоят в многолюдствие», отряд Головина быстро переправился через Хилок и «ударил» по ним. Результатом этих военных действий был приезд к Головину двух гонцов от «мунгалских зайсанов» с просьбой принять их «в вечное подданство». Монголы, бежавшие от разорительной войны с Галданом, встретив русский «огненный бой», предпочли сразу же признать русскую власть. Головин отправил в Москву подробное описание этих событий¹³².

Головин действовал оперативно. Не следует забывать

¹³¹ Там же, л. 815.

¹³² «...И того ж числа (30 сентября) зделав плогы служилыми людьми и смотря перевозы, где переплавливатца с ратными людьми, дождався ночи и пришед к Хилку реке, переплавился с служилыми людьми человек с пятьсот да брацких людей и тунгусов человек с триста, просяя у всемогущаго бога милости, пошли под улусы, а достальные служилые люди оставлены были на том перевозе с тяжелыми выюками, и з запасы, також де и с пушки с начальными людьми для того, что перевестися тою ночью совсем никонми дела было невозможно, и была стужа великая и река была быстрая и многих служилых людей и с плотами сносило от того перевозу верст по пяти и больши, а днем переплавливатися было опасно караулов мунгалских, чтоб не подсмотрели и не побежали в дальние места (курсив мой.—Н. Ш.). И тое ж ночи, которые сошли те мунгалские улусы от перевозу верст с пятнадцать на урочище вышеописанной реки Топкой... чтоб учинить над мунгалы поиск, ударили на улусы и с теми мунгалы был бой превеликой и ... побили мунгалских людей человек з двести и в полон многих поймали, и конных табунов и рогатого скота множества отогнали, а в то время на том бою

при этом, что еще совсем недавно (полгода назад) монголы выступали с явно агрессивными намерениями, приведшими к осаде Селенгинска. У Головина были серьезные основания бояться слишком большого скопления «монгольских выходцев» в Забайкалье.

Прием в русское подданство большого числа монголов также несколько тревожил Головина, который не доверял им полностью и, по-видимому, переоценивал их военные возможности. В одной из отписок в Москву он признается, что «опасно было тех выходцов, которые вышли вновь под самодержавную великих государей руку... что их выкочевало многое число»¹³³. Подобная подозрительность вполне понятна, так как в Забайкалье прибывали все новые и новые беженцы из Монголии.

Через восемь дней после боя на р. Хилок Головин выступил из Селенгинска с отрядом, «чтоб учинить поиск и над заречными мунгалскими тайши»¹³⁴. Монголы, прикочевавшие к р. Джиде, узнав о движении русского отряда, бежали «в дальние места», побросав свое имущество. Разведка Демьяна Многогрешного сообщала по этому поводу: «Кочевали мунгалские люди с великою скоростью, и по дороге метаны тяжелые юрты и войлоки, также усталой скот и лошади»¹³⁵. Поэтому Головин ни с чем вернулся в Селенгинск, где начал принимать «под самодержавную царскую руку» табунгутов, выразивших, как мы видели, желание стать русскими подданными после боя на р. Хилок. Согласно переписи, русское подданство приняли шесть дзайсанов, два даруги¹³⁶, 13 шуленг, один

только убили Павлова полку Грабова стрельца одного человека да ранили дву человек посольских людей и пошли с того бою к обозу и того ж числа собрався многие люди с тайшамн и хотя отбить полон и взять скот шли з боем до самого обозу, до реки Хилка.

Октября в 1 день к обозу приехав мунгалских людей два человека Тархан Батур зайсан табунуцкого Заб Ирденя тайши и били челом великим государем, а послу говорили словестно, чтоб великие государи пожаловали велели принять их многих мунгалских зайсанов и даруг и шуленг со всеми их улусными людьми в вечное подданство под державу царского величества в ясачной платеж, а ратным бы людем улусом их никакова разорения чинить не велели». (Статейный список Головина, лл. 622, 623).

¹³³ Статейный список Головина, л. 623, об.

¹³⁴ Там же, л. 624, об.

¹³⁵ Там же, л. 625.

¹³⁶ Д а р у г а — начальник, один из тушемилов (чиновников) монгольского феодала, ведавший делами управления.

лама и 1200 принадлежавших им улусных людей, которые должны будут платить ясак ¹³⁷ (платежеспособными: считались мужчины с 15-летнего возраста).

Не вполне доверяя лояльности новых русских подданных в напряженных условиях жизни в Забайкалье, Головин распорядился взять у них в аманаты 13 «лутчих людей», т. е.: применил обычный в Сибири способ удержать в повиновении новые группы обложенных ясаком. Местом кочевков для табунгутов была определена территория «межь Селенгинском и Удинском».

Стремясь привлечь «под высокую государеву руку» и других монгольских тайшей, Головин отправил к ним одного из «новых выходцев» — ламу Тархан-ланзу (Дархан-лацаба). Ему был дан соответствующий «лист», адресованный к монгольским князьям. Лама должен был передать им, «что они, тайши, ведали про великие великих государей их царского величества храбро ополчающиеся силы, которые содержатца при великим и полномочным послех и не хотя от тех войск себе и улусным своим людем разоренья» ¹³⁸, пришли бы сами «под высокую самодержавную руку в подданство». Головин обещал монгольским князьям, что жить они будут хорошо и «честь их не пострадает», и «ясак с них имать не будут», и от войны они будут защищены русскими ратными людьми. Перед отъездом Тархан-ланзу привели к шерти и наградили подарками.

Одновременно в Монголию был отправлен Демьян Многогрешный с отрядом в 80 служилых людей. Он также должен был способствовать переходу в русское подданство монгольских тайшей, но несколько иными методами.

Так, «подсмотрев», что «за озерами» находились 22 юрты монголов, Демьян Многогрешный «на те юрты бил» и «на том бою побили тритцать человек, а жен их и детей и конной табун и рогатой скот и юрты побрали и привезли в Селенгинск» ¹³⁹.

С октября 1688 г. по май 1689 г. в Забайкалье появлялись все новые и новые группы беженцев из Монголии,

¹³⁷ Следует отметить, что общее число принявших русское подданство в этот период было значительно больше (примерно 3 тыс. человек), поскольку при переписи женщины и дети не учитывались.

¹³⁸ Статейный список Головина, л. 632.

¹³⁹ Там же, л. 636 об.

заявлявших о своем желании найти покровительство у русских. Головин только что отправил в Монголию ламу Тархана, как к нему 11 ноября явился гонец от 20 князей: Очир Дары-хутухты (племянника Тушету-хана по имени Вачирай Дара-хутухта), Цэцэн-нояна, Мерген Дайчина, Эрдэни Батура и др.

Гонец привез «лист за печатью», в котором князья просили принять их в русское подданство, разрешить им кочевать «от Селенгинска в ближних местех» и «от калмыцкаго Бушухту-хана оборонить»¹⁴⁰. Они просили также прислать представителя, с которым они могли бы договориться об условиях перехода в русское подданство и добиться права в будущем отправлять своих послов непосредственно в Москву. Монгольский гонец передал также Головину отдельное письмо от тайши Ирдэни Контазия. Под этим именем (и под именем Дайчин Контазия) в русских архивных материалах фигурирует Гендун Эрдэни Дайчин-хунтайджи, родной брат хотогойтского князя Лубсан-тайджи. Подробности довольно интересной биографии этого предприимчивого князя, желавшего сохранить титул Алтын-хана, который носили его брат, отец и дед, были исследованы по русским архивным документам А. П. Окладниковым¹⁴¹. Можно только добавить, что Гендун Дайчин, искавший в 1689 г. защиты у русских, через четыре года потребовал у них возвращения ушедших от него вассалов. По свидетельству Канси, он «своих подданных, которые, взбунтовавшись, предались россиянам, вооруженною рукою, разбоем назад отобрал»¹⁴².

В переговорах с Головиным монгольские послы настаивали на том, чтобы «быть в подданстве, а ясаку не платить»¹⁴³. Обложение ясаком воспринималось монгольскими феодалами как личное оскорбление. Они готовы были обмениваться «любительными» подарками, но выплата ясака представлялась им унижительной. И несмотря на трудности данного момента, заставившего монгольских феодалов искать защиты у русского царя, они по-прежнему по-своему понимали обязанности по отношению к новому сюзерену.

¹⁴⁰ Там же, л. 637 об.

¹⁴¹ А. П. Окладников, *Очерки по истории западных бурят-монголов*, М.—Л., 1937, стр. 188—192.

¹⁴² Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, т. 1,

¹⁴³ Статейный список Головина, л. 655 об.

В ответ на просьбу монгольских феодалов о принятии их в русское подданство Головин составил большое и подробное письмо. Оно было переведено на монгольский язык и отправлено с возвращавшимся в Монголию гонцом. Вместе с ним поехал дворянин Иван Качанов, на которого была возложена миссия вести переговоры об условиях приема в русское подданство. При отъезде Качанов получил от Головина для передачи монгольским правителям письмо, в котором содержатся некоторые данные, могущие пролить свет на историю перехода в русское подданство некоторых монгольских и табунгутских князей¹⁴⁴. Эта тема уже неоднократно привлекала внимание русских и советских историков Сибири, выявивших немало архивных материалов по данному вопросу¹⁴⁵. Но письмо Головина оставалось ими до сих пор не использованным.

Хотя Головин и называет свое письмо «любителем поздравлением», он вместе с тем диктует монгольским князьям условия перехода в русское подданство. Он отмечал, что в присланном князьями заявлении не указаны «статьи», по которым они могут быть приняты в подданство. Головин, перечисляя все прежние «мунгалские вины» (задержки русских послов, отгоны лошадей и пр.), указывал на недопустимость в будущем подобных поступков. Для выработки условий перехода в русское подданство Головин предлагал прислать особых посланцев, «с которыми мы в разговорах учиним довольство».

Иван Качанов изложил монгольским князьям выработанные Головиным условия перехода в русское подданство. Прежде всего он начал переговоры с Ирдэни Контазием, который в 1689 г. кочевал «в самых ближних местах от Селенгинска»¹⁴⁶. Ирдэни Контазий, выслушав

¹⁴⁴ Там же, лл. 642—646.

¹⁴⁵ См., например: А. П. Окладников, *Очерки по истории западных бурят-монголов*; Е. М. Залкинд, *Из истории западного Забайкалья в конце XVII—начале XVIII в.*; Б. О. Долгих, *Некоторые данные к истории образования бурятского народа* («Советская этнография», 1953, № 1); Б. О. Долгих, *Племена и роды коренного населения Забайкалья и южного Прибайкалья в XVII в.* («Краткие сообщения Института этнографии», XVII, М., 1952); С. А. Токарев, *Расселение бурятских племен в XVII в.* («Записки Бурят-Монгольского государственного научно-исследовательского института», вып. 1, Улан-Удэ, 1939).

¹⁴⁶ ЦГАДА, ф. 62, оп. 1, стлб. 10, л. 738.

Качанова, велел перевести на монгольский язык и записать статьи Головина для «подлинного вразумления». Изучив монгольский текст условий договора, он упорно возражал против первой статьи, в которой говорилось о вечном подданстве русскому царю. Хотогойтский князь заявил, что он сам, его отец и братья ни у кого в подданстве не бывали, и он «о том к великим и полномочным послам не писывал». Прикочевав из районов, находившихся западнее оз. Хубсугул, в долину р. Селенги, Ирдэни, Контазий искал прежде всего безопасности и хотел союза с Русским государством. Об этом он сообщил Качанову: «Великих государей с людьми соединился и в вечном миру быть желает, а не в вечном подданстве»¹⁴⁷. В течение нескольких дней спорил Ирдэни Контазий и против второй статьи, в которой определялся размер «поклонного во вся годы». В конце концов он согласился подписать договор. Подобные же разговоры повторялись и у других князей, к которым ездил Качанов.

Во время пребывания у Ирки Контазия (Эрхэ-хунтайджи—одного из вассальных князей Тушету-хана)¹⁴⁸, владевшего несколькими родами табунгутов, Качанов встретился с подданными этого князя, которые заявили, что они ждут заключения договора с Русским государством, и если Ирки Контазий не согласится, они сами, захватив лошадей и скот, «выйдут на имя великих государей к Селенгинску»¹⁴⁹.

Такие настроения среди простого народа не могли не повлиять на решение князей подписать соглашение с Головиным о русском подданстве.

В результате поездки Качанова шесть монгольских феодалов во главе с Ирдэни Контазием и Ирки Контазием приняли русское подданство. Они принесли клятву верности московским царям, согласившись выполнять 10 статей договора. Эти статьи были выработаны Головиным и впоследствии были зафиксированы в «Своде законов»¹⁵⁰. Сравнение опубликованного в своде текста с текстом, находящимся в статейном списке Головина, уста-

¹⁴⁷ Там же, л. 742.

¹⁴⁸ А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ»*, стр. 267.

¹⁴⁹ ЦГАДА, ф. 62, оп. 1, стлб. 10, л. 748.

¹⁵⁰ «Полное собрание законов Российской империи», т. III, 1830, стр. 3—7, № 1329.

навливают их полную идентичность. Только в опубликованном тексте прибавлена последняя статья о дипломатической неприкосновенности русских посланцев. Она состоит из шести пунктов, в которых определяется размер штрафа за оскорбление, нанесенное посланцу или одному из членов посольства. Так, за оскорбление посланца монгольские тайши обязывались заставить оскорбителей выплатить в пользу посланца 5 верблюдов, 10 лошадей, 10 быков, 20 баранов. За оскорбление толмача штраф был несколько ниже, за служилого человека — еще ниже. Убийство посла или члена посольства каралось смертью. Казнь должна была совершаться в присутствии представителей обеих сторон. Новые подданные оговорили в особой статье (9) право посылать в Москву своих послов и не замедлили воспользоваться этим правом. Зимой 1689 г. они отправили в Москву посольство. Монгольские князья хотели показать свою лояльность по отношению к новому владыке. По крайней мере содержание посланных ими писем сводится к перечислению их заслуг (впрочем, весьма сомнительных) перед Русским государством. Особенно усердствовал Ирдэни Контазий, который еще до возвращения своего посланца из Москвы перекочевал в Монголию, а затем оказался у Галдана.

Присутствие монгольских князей в Забайкалье причиняло много беспокойств. Головин вскоре получил «извет» на вновь принятых в подданство шестерых князей. Автором его был лама Тархан-ланзу, которого Головин отправил «в мунгалские улусы» в ноябре 1688 г. Лама предупреждал Головина, что монгольские посланцы «присланы от тайшей с обманом, а не совершенною правдою для того, чтоб промедлить время, покамест збираться будут, а собрався, де хотят, пришед под украинные... города под Селенгинской и под Нерчинской, учинить воинской промысел и чтоб отомстить обиду свою, что нынешнею осенью розбили табунуцких тайшей, и, отомстя, хотят кочевать х китайскому богдыхану, и ныне де тайши послали в Китай посланцов своих»¹⁵¹. Лама, по-видимому, довольно точно передает замыслы прикочевавших в Забайкалье западных монгольских князей, которые в русском документе именуется «боронкошуевщиной» (это наименование произошло от монгольского термина «Ба-

¹⁵¹ Статейный список Головина, л. 704.

рун хошун», что значит западный хошун). Князья вели себя довольно независимо, отказывались платить ясак, требовали возврата своих улусных людей, несмотря на то что в подписанном ими договоре была особая статья (6), где указывалось: «Которые завоеванные мунгалские улусные люди, а иные добровольно пришли... и о брацких людях и о тунгусах... никогда им, тайшам... не просить и о том не упоминаться»¹⁵². И нет ничего удивительного, что вскоре (в июле 1689 г.), забыв о принятии русского подданства, Ирдэни Контазий ушел в Монголию, а затем и в Китай. Его примеру последовали другие князья, но многие из их подданных предпочли остаться под властью Русского государства.

Искали русского подданства и табунгутские сайты со своими «улусными людьми». В январе—марте 1689 г. они, чаще всего небольшими партиями, являлись в Селенгинск. Иногда их приводили казаки, отправленные на поиски новых выходцев, как было, например, сначала с сыном Цэрэн Сокулая¹⁵³, а затем и с ним самим: «Взяты мунгалские тубунутские тайши Серень Секулаи да Дураи Табунан на реке Хилке по посылке на них»¹⁵⁴. В марте приехавшие «самостоятельно» и привезенные табунгутские сайты и шуленги были приведены к шерти в Селенгинске Петром Демьяновичем Многогрешным и подьячим Федором Удачным. Всего принесли шерть на основании договорных статей¹⁵⁵ 13 сайтов и 21 шуленга. Сайты не только подписали договор «своими руками», но для большей крепости клялись разными «страшными» клятвами: «Целовали пищаль в дуло, саблю собак рубили да тое кровавую саблю лизали, по чашке студеной воды пили»¹⁵⁶. От всех для верности были взяты аманаты.

Многие новые «выходцы» из табунгутов сообщали тревожные вести о планах монгольских феодалов. Любопытно заметить, что вести эти приносили главным образом простые «мужики». Так, например, один бывший холоп табунгутского тайши Цэрэна по имени Булгайко доносил

¹⁵² Статейный список Головина, л. 683.

¹⁵³ Там же, л. 766.

¹⁵⁴ Там же, л. 796 об.

¹⁵⁵ «Полное собрание законов Российской империи», т. III, стр. 15—17, № 1396.

¹⁵⁶ Там же, стр. 17.

в Удинск, что монгольские князья «под Селенгинской де и Удинской хотели приходить войною в скорых числах»¹⁵⁷. От Тархана Ширетуя стало известно об оборонительном и наступательном союзе монгольских феодалов с китайским богдыханом. Эти слухи были одной из причин, вынудивших Головина отправить в Китай в январе 1689 г. Ивана Логинова¹⁵⁸ «по вестям, чтоб мунгалы, согласясь с китайцы и пришед со многими ратьми, не учинили совершенного разорения байкаловским и даурским острогам»¹⁵⁹. В пространном наказе, данном Логинову, особо было предписано «проведать накрепко», действительно ли китайцы, «хотят поступать воинским поведением согласуясь с мунгалскими владельцы»¹⁶⁰. Русскому послу вменялось также в обязанность выяснить, где точно находятся Ундур Гэгэн и Тушету-хан (Очирой-хан): «В которых они местех пребытие свое имеют, и не в подданстве ли для наступающей войны калмыцкой учинился у китайского хана и не имеют ли какова согласия о войне в сторону царского величества на украинные города»¹⁶¹. Замыслы монгольских феодалов не могли не тревожить Головина; в Монголии продолжалась война, и неясно было, как она может развернуться в дальнейшем. Наплыв «выходцев» из Монголии продолжался. Однако не все тайши шли «под государеву высокую руку». От них можно было ожидать всяких неприятностей («...и чают от тех тайшей всякого зла»). Летом 1689 г., после того как из Китая вернулся Логинов и привез известие о выезде маньчжурских послов, Головин вторично отправился в Нерчинск на переговоры.

К этому времени большинство из перекочевавших в Забайкалье монгольских князей и табунгутских сайтов были приняты в русское подданство. Некоторые из них, в том числе и Ирки Контазий с сыном, за этот период побывали в Удинске у Головина, чтобы лично установить с ним контакт, «чтобы за выход обнадежить». Русский посол одаривал их разнообразными и часто ценными подарками. Интересно отметить, что он дарил подарки не только из

¹⁵⁷ Статейный список Головина, л. 680.

¹⁵⁸ Логинов был отправлен главным образом для того, чтобы выяснить, приедут ли маньчжурские послы и состоится ли переговоры.

¹⁵⁹ Статейный список Головина, л. 680 об.

¹⁶⁰ Там же, л. 712.

¹⁶¹ Там же, л. 730.

казны (так называемое «государево жалованье»), но и «от себя», причем дары «от себя» были значительно щедрее. Вероятно, Головину надо было расположить к себе «выходцев» из Монголии. Средства же казны, отпущенные Головину специально на подарки, по-видимому, к этому времени уже истощились.

В начале лета 1689 г. монгольские «выходцы» впервые почувствовали свою зависимость от русской администрации края. Головин, призвав к себе принявших русское подданство князей и сайтов, потребовал лошадей для своего отряда. Шесть князей «боронкошуевщины» обязались поставить 60 подвод, табунгутские сайты — 90. И те и другие жаловались, что лошади «зело худы». Только 24 июня Головин, «собрав подводы под пушки и под полковые запасы», смог покинуть Удинск и отправиться в Нерчинск, где в августе 1689 г. состоялись, наконец, долгожданные переговоры и был подписан известный Нерчинский договор. Никакого участия в этих переговорах монгольские феодалы, как известно, не принимали, да и не могли принимать, так как почти вся Халха находилась в руках Галдана. Крупнейшие монгольские феодалы бежали к Канси. Решение Ундур Гэгэна и Тушету-хана принять маньчжурское подданство усилило позиции маньчжурской стороны во время переговоров в Нерчинске. Монгольские князья, потерявшие свою самостоятельность, уже не играли заметной роли во взаимоотношениях между двумя основными силами на Востоке — Русским государством и Маньчжурской империей. Но переход их на сторону Канси в какой-то мере укреплял позиции маньчжурских послов. Поэтому, например, посол Сангута настаивал при переговорах, чтобы граница России и Китая была проведена под самым Селенгинском, ссылаясь на то, что монгольские ханы (Тушету-хан и Цэцэн-хан) и Ундур Гэгэн находятся в подданстве у богдыхана, а земли Забайкалья якобы ранее принадлежали им. (Как известно, Головину удалось отстоять Забайкалье от притязаний маньчжурского императора и монгольских феодалов.) Кроме того, маньчжурский посол требовал вернуть «тех мунгалских владельцев, которые учинились в подданстве царского величества добровольно и завоеваны, и тех бы тайшей отдать в сторону ханова высочества и землю ограничить»¹⁶².

¹⁶² Там же, л. 1079.

Головин отказался говорить на эту тему, заметив, что с «монгольскими владельцами» границы «чинить не будет». Этим разговоры о монгольских выходах и ограничились.

Хотя монгольские феодалы и не принимали участия в совещаниях, но все же один отряд «мунгалских людей» вместе с войсками маньчжурского правительства стоял у Нерчинска во время переговоров. Об этом отряде известно немного: когда Головин отправил из Нерчинска группу казаков к тунгусам, которых агенты маньчжурских послов «прельщали» уйти в Китай и выступить против русских, эти казаки были задержаны у Шилки «мунгалскими людьми». «А те де мунгалы пришли с великими китайскими послы, и стоит их у перевозу Шилки реки человек с пятсот»¹⁶³. Вероятно, этот отряд был частью монгольского корпуса для охраны границ¹⁶⁴, организованного по приказу Канси еще осенью 1688 г. Корпус состоял из подданных Хонгор Дайчина и других феодалов, ушедших первыми к маньчжурам при приближении Галдана к центральным областям Халхи.

Переход в маньчжурское подданство наиболее влиятельных монгольских феодалов, с одной стороны, укрепил позицию Канси, с другой — поставил перед необходимостью войны с ойратами, которая, по-видимому, соответствовала его планам захвата Северной Монголии. Маньчжурским послам не удалось отстоять требования, выдвинутые в начале переговоров. Надо отдать должное дипломатическому умению Головина, который в трудных условиях (не надо забывать большого численного превосходства военной свиты маньчжурских послов) сумел добиться выгодного для России договора.

В нашу задачу не входит выяснение значения Нерчинского договора. Мы старались только выяснить, какую роль в заключении Нерчинского договора и событиях, ему предшествовавших, сыграли монголы. Но, подводя итоги переговоров и деятельности Головина, следует отметить, что в результате заключения Нерчинского договора за Россией было официально закреплено право на Забайкалье, в русском подданстве остались многочисленные монгольские перебежчики, были установлены первые тор-

¹⁶³ Там же, л. 1098.

¹⁶⁴ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, т. II, лл. 215, 216.

говые отношения с Китаем. Последнее было особенно большим достижением, так как Россия в течение почти трех четвертей века неоднократно пыталась завязать регулярную торговлю с Китаем. И хотя Головину пришлось пойти на уступки и согласиться на разрушение Албазина и на проведение границы не по р. Амуру, а западнее — по р. Горбице, все же Нерчинский договор был первой дипломатической победой России во взаимоотношениях с маньчжурами.

* * *

Положение в Монголии к осени 1689 г. было чрезвычайно напряженным. Ойратский князь, ставший хозяином большей части территории Халхи, готовился к войне с маньчжурами, под защиту которых бежали его враги — монгольские ханы. Одновременно он вел переписку с Канси о выдаче ему Тушету-хана и Ундур Гэгэна¹⁶⁵. Пока шел обмен письмами и гонцами, оба правителя усердно готовились к предстоящей войне.

Галдан был не только смелым и энергичным руководителем военных операций, но и обладал, по-видимому, талантами политика. Как уже упоминалось выше, он использовал свои связи с русскими во время похода на Халху, распространяя слухи о том, что ведет войну в союзе с ними. Еще в ноябре 1688 г. он отправил в Иркутск посланца с предложением вступить в войну против Тушету-хана¹⁶⁶. Это была первая попытка Галдана заключить военный союз с Россией, и хотя она не увенчалась успехом, ойратский хан не отказался от своих намерений. Он еще несколько раз пытался добиться или военного союза и помощи «ратными людьми и огненным боем», или по крайней мере заручиться обещанием полного мира на своих северных границах. В июле 1689 г., когда Головин, узнав о приближении маньчжурских послов, стал собираться в Нерчинск, Галдан вновь отправил в Иркутск посла Цокто-хошучи (Сокто Кашихту, по записи воеводы Л. Кислянского)¹⁶⁷. Он прибыл в сопровождении посланцев от

¹⁶⁵ Тексты писем Галдана и Канси полностью приведены в «Истории о завоеваниях китайским ханом Канхием калкаского и электского народа» (Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, т. II).

¹⁶⁶ Е. М. Залкин, *Из истории западного Забайкалья в конце XVII—начале XVIII в.*, стр. 223.

¹⁶⁷ Архив ЛОИИ, Иркутские акты, оп. 168, д. 1, док. 17.

монгольских феодалов Очир Дара-хутухты, Далай Цэ-цэн-нояна, Мерген-тайджи, Бату Мерген-тайджи, Манжик-тайджи и Дайчин-хунтайджи, признавших власть ойратского хана. Очир Дара-хутухта и Дайчин-хунтайджи были, как известно, в числе 20 князей, которые еще в ноябре 1688 г. просили принять их в русское подданство и охранить от ойратского хана. Через 8 месяцев посланцы их в Иркутске заявили, что они «ныне ж калмытцкому Бушухту-хану учинились в подданство» и желают жить в мире с русскими («жить с крайними великих государей людьми их калмытцким и мунгалским людем безсорно») ¹⁶⁸. Когда воевода Кислянский стал выяснять причину этой перемены подданства монгольских князей, то посланцы заявили, что «которые мунгалские тайши Очирдара кутухты братья с товарищи ныне живут у Селенгинского, а не отпускают де их в Мунгалскую землю и к калмыцкому к Бушухту хану в подданство русские люди, и они де многие хотят быть в подданстве у калмыцкого Бушухту хана» ¹⁶⁹. Особое внимание Кислянского привлек уход хотогойтского князя Дайчин-хунтайджи (родной брат Лубсан-тайджи) из русского подданства потому, что он был особенно тесно связан с русскими и уже давно считался подданным московского царя. По поводу Дайчин-хунтайджи в дальнейшем состоялись особые разговоры с Галданом и его послом во время поездки Григория Кибирева в 1691 г. Посол Цаган Батур, присланный хотогойтским князем, объявил во время приема в Иркутске, что Дайчин-хунтайджи разбит Галданом. «А ныне ж его повоевал и поневоле подклонил под себя калмытцкой Бошухту хан» ¹⁷⁰. Подобные действия Галдана насторожили против него не только местную администрацию края, но и вызвали беспокойство в Сибирском приказе, что не могло не отразиться на исходе дальнейших попыток ойратского хана вступить в более тесный союз с русскими.

Когда перед Галданом возникла необходимость начать войну против маньчжуров, он вновь попытался установить

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Архив ЛОИИ, Иркутские акты, оп. 168, д. 1, док. 18.—Этот брат Очир Дары-хутухты по имени Эрдэни Цокто не замедлил уйти из русского подданства. В августе того же 1689 г. он, «изменя великим государем... ушел в мунгалскую землю человеках в пятидесят...» (Статейный список Головина, л. 1203).

¹⁷⁰ Архив ЛОИИ, Иркутские акты, оп. 168, д. 1, док. 17.

с русскими контакт. Ойратский хан отправил одно за другим два посольства — в Иркутск и в Нерчинск. Посол Галдана по имени Дархан-зайсан приехал в Иркутск в начале 1690 г. Он привез письмо, содержащее предложение Галдана о совместном наступлении русских и ойратов на маньчжуров. Перевод письма очень интересен. Судя по нему, ойратский хан обладал незаурядными дипломатическими способностями. Он, например, высказывается так: «...Ис Китай рядом приходили, а нам и вам обоим великую досаду учинили, и зато де не боясь смерти, не дошед своей земли, я поехал их воевать, а ты де своим войском подымайтесь на урочное место и на том месте свестимся и будем заодно промышлять...»¹⁷¹. К сожалению, оригинал этого письма не обнаружен, но и по несовершенному переводу ясно, что Галдан отчетливо понимал сложившуюся ситуацию. Возможно, это письмо оказало бы должное воздействие на русских, если бы оно было написано несколько раньше. Но в феврале 1690 г., когда его получил Головин, только что прибывший в Иркутск после трудного и затяжного пути из Нерчинска, было уже поздно поднимать вопрос о совместных военных действиях против маньчжуров. Уже был заключен Нерчинский договор с Китаем, многие табунгутские тайджи и монгольские князья принесли шерть на верность русскому царю. Все это разрядило напряженную обстановку в юго-восточных приграничных районах Сибири. Неизвестно, каков был бы ход событий второй половины 1689 г., если бы Галдан выступил со своим предложением на 8—9 месяцев раньше, когда Головин просил прислать из Москвы официальную грамоту к ойратскому князю, который, по его мнению, мог бы стать его союзником в предстоящих переговорах.

В то же время Головин был явно смущен письмом, так как в нем содержалось довольно заманчивое предложение — послать русских ратных людей против монгольских феодалов: «А калмычкой де Бушукту хан желает того, чтоб войска царского величества, соединясь, на тех вышепомянутых мунгал воинским поведением и до основания их искоренили»¹⁷². Следует вспомнить, что ко времени встречи ойратского посла с Головиным последний

¹⁷¹ Статейный список Головина, л. 1225 об.

¹⁷² Там же, л. 1220—1221.

уже знал о «бегстве» в Монголию некоторых феодалов, только что присягнувших русскому царю. Воспользовавшись предложением Галдана, можно было бы вернуть их, да и новых подданных приобрести. Но Головин имел приказ из Москвы закончить все действия в Забайкалье и был уже на пути в столицу. Поэтому хотя он и признался Дархан-зайсану, что вот уже третий год как желал он «з Бушукту ханом о воинском наступлении на мунгал учинить согласие»¹⁷³, но был вынужден ограничиться в данный момент лишь переговорами о пропуске через Монголию в Иркутск бухарских торговых караванов и отправлением к Галдану своего посланца.

Вместе с Дархан-зайсаном к Галдану поехал иркутский казак Григорий Кибирев, которому было вручено письмо Головина для передачи ойратскому хану. Судя по этому письму и пространному наказу, данному Кибиреву, Головин не остался равнодушным к предложению Галдана. Он считал возможным продолжить переговоры о союзе, но в связи с заключением Нерчинского договора хотел предварительно выяснить характер этого союза. Головин прежде всего хотел использовать предложение Галдана в интересах русской администрации восточных областей Сибири. В своем письме Головин предлагает Галдану «на вышеписанных (т. е. на тех, кто наступал на Селенгинск и Нерчинск.—*Н. Ш.*) неприятельских мунгалских людей войски своими наступити поддися, чтоб тех неприятелей скоренить до основания»¹⁷⁴. Сам же Головин ограничился платоническим обещанием: «А з стороны царского величества ратные люди на мунгал войною ходить никогда не престанут и за их неправды всегда отмишати за божиею помощию будут»¹⁷⁵.

И в наказе Кибиреву Галдану предлагается «воинский поиск над ними (т. е. монгольскими феодалами. — *Н. Ш.*) чинить с всяким тщанием» и сообщать в Иркутск, «а в которых числех на мунгал войною поступит и ис которых и на которых тайшей и сколько при нем будет ратных людей числом, о том бы он, Бушукту-хан, к великим и полномочным послом писал с посланцы своими, также и в города царского величества»¹⁷⁶. Только при таких усло-

¹⁷³ Там же, л. 1221 об.

¹⁷⁴ Там же, л. 1227 об.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же, л. 1232.

виях Головин готов был оказать Галдану помощь. Кибирев должен был внушить ойратскому хану, чтобы тот в своем «воинском промысле» никакого насилия над монгольскими феодалами, ставшими русскими подданными, «не чинил». Головин не случайно опасался военного нажима на новых русских подданных со стороны ойратского хана. Он также тревожился за спокойствие русских людей и «ясачных иноземцев», живущих поблизости к границам Монголии. Это обстоятельство отчетливо отражено в наказе Кибиреву, который должен был указать Галдану на своеволия, допускавшиеся, например, в Тункинской долине, где люди Цэцэн-нояна (вассал Галдана) «ныне непрестанно конные и рогатые табуны отгоняют и юрты разоряют»¹⁷⁷. Кроме того, Кибирев должен был добиться возвращения «изменившего» русским Гендун Эрдэни Дайчин-хунтайджи. Последний пункт наказа был посвящен вопросам торгового обмена с ойратами в Иркутске и свободного пропуска торговых караванов бухарских купцов.

Перед Кибиревым были поставлены также задачи разведки. В частности, ему предлагалось выяснить причины войны между Галданом и монголами, а также установить, какие связи у него были с маньчжурами («зачем у него были китайские послы и какой учинился договор»).

Кибирев уехал из Иркутска вместе с ойратским послом, и, пробыв в ставке Галдана некоторое время, вернулся обратно в сентябре (т. е. через полгода после отъезда Головина из Иркутска). Посылка Кибирева в Монголию была последней акцией Головина в деле сношений с ойратским князем. Дальнейшие события развивались уже без его прямого участия.

Статейный список Кибирева, сохранившийся в нескольких экземплярах, содержит интересные сведения о событиях, развернувшихся в ставке ойратского хана. Кибирев стал невольным свидетелем военных действий между маньчжурами и Галданом, когда маньчжурский отряд под командой Арани (у Кибирева: «Алехан ханба») впервые столкнулся с ойратами и был разбит на р. Ульху-Бира (у Кибирева: «Илгу»). Сведения Кибирева вполне совпадают со сведениями, приведенными в маньчжурском сочинении «Бейе дайиламе варги амарги бабе нэцихэмо

¹⁷⁷ Там же, л. 1234 об.

токтобуха бодогони битхе»¹⁷⁸. Маньчжуры понесли полное поражение, Арани, отчитываясь перед Канси, отмечал, что ойраты, выстроившись «полумесяцем в две линии», встретили их «жесточайшей огненной ружей пальбою». По видимому, Галдан применил широко распространенное у монголов построение войска, носившее название «лук-ключ»¹⁷⁹. За понесенное поражение Арани был разжалован императором.

Маньчжуры знали о пребывании русского посланца у Галдана. Им было известно от взятого в плен «языка», что Галдан предлагал союз русским и даже «просил вспомогательного войска до 20 000 человек, но как российский посол (т. е. Кибирев. — *Н. Ш.*) объявил, что элеты (т. е. ойраты. — *Н. Ш.*) у них подлинно просили на помощь войска, однако они дать не обещались...»¹⁸⁰. Другой халхасец, бежавший от Галдана, сообщал Арани более подробные сведения о Кибиреве: «Видел он у Галдана посла, прибывшего к нему вместе со служителем от поданного российского Будун нояна (т. е. «Толстого вельможи», монгольское прозвище Головина. — *Н. Ш.*), однако оный посол у него недолго был, но весьма в скором времени назад возвратился»¹⁸¹.

Намерение Галдана заключить союз с русскими стало известно Канси и довольно сильно встревожило его. Он сразу же велел сообщить об этом русскому послу Григорию Лоншакову («Гири гури» в маньчжурской летописи), находившемуся в Пекине. Ему предложили срочно направить в Нерчинск двух человек с напоминанием о заключенном только что договоре, о том, что халхасцы стали подданными маньчжуров и военные действия против них могут нарушить этот договор, «россияне не только клятвоступниками себя учинят и нарушат свою верность, но и к возбуждению войны явную причину подадут»¹⁸². Совершенно ясно, что Канси, начав военные действия с Галданом, стремился не допустить заключения союза между русскими и ойратами, что поставило бы ойратского хана в более выгодные условия.

¹⁷⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 1, док. 6, л. 36.

¹⁷⁹ Ц. Жамцарано, *Монгольские летописи XVII века*, М.—Л., 1936, стр. 58.

¹⁸⁰ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 1, док. 6, л. 349.

¹⁸¹ Там же, л. 354.

¹⁸² Там же, л. 348.

Пока Кибирев находился у Галдана, к последнему приехал посланец от Канси Илагуксан-хутухта (Илгасун-кутухта, по Кибиреву), который впоследствии перешел к ойратам, а после поражения их был взят в плен маньчжурами и казнен. Застал Кибирев в ставке Галдана и посланца от далай-ламы. Недолгое пребывание Кибирева у ойратского хана позволило ему стать свидетелем значительных событий, происходивших в Монголии. В этом отношении его статейный список весьма интересен.

Выше было отмечено, что Галдан вскоре после отправки Тархан-зайсана в Иркутск послал также гонца в Нерчинск. Перед Тархан-зайсаном стояла задача большой государственной важности — добиться военного союза с русскими. Задача Аюки-дархана, приехавшего в Нерчинск в июне 1690 г., была более скромной. Аюки-дархан просил прислать двух или трех русских казаков для контроля над военными действиями Галдана, «для того чтоб ему, Бушукту хану, в неведении Аргунского острогу не разорить и государских ясашных людей не побить»¹⁸³. Это говорило о полной лояльности по отношению к предполагававшемуся союзнику. Аюки-дархан, кроме того, должен был информировать нерчинского воеводу Федора Скрипицына о положении в Монголии, о причинах развернувшейся там войны и просить военной помощи.

Нерчинский воевода «без указа великих государей» не решился дать ратных людей в помощь ойратам, а трех казаков для «обережи Ангурского острогу и ясачных людей»¹⁸⁴ тут же отправил в Монголию к Галдану. Два письма от ойратского хана он, не читая (так как в Нерчинске не оказалось толмача), отправил в Сибирский приказ. Посланец же приехал из Нерчинска в Иркутск, где задержался, и уехал оттуда лишь в августе 1691 г. вместе с Матвеем Юдиным. Письма Галдана затерялись, но копии переводов с них сохранились в выписке, составленной в Сибирском приказе. Одно из писем, адресованное нерчинскому воеводе, содержит краткую информацию о ходе войны с Тушету-ханом, а также рекомендацию посла Аюки-дархана, которому наказано передать устное поручение. В конце письма Галдан просит прислать «сколько пригоже» лошадей, так как его собственные лошади «от

¹⁸³ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 1059, лл. 69—70.

¹⁸⁴ Там же, л. 72.

многие службы и от волокит дальних позахудели»¹⁸⁵. Содержание письма вполне соответствует тому, что говорил в Нерчинске Аюки-дархан.

Сложнее обстоит дело со вторым письмом. Оно является довольно подробным наказом некоему «Чохту Тархану-зайсану кашке», которого Галдан отправил также для переговоров в Нерчинск. Но в отписке нерчинского воеводы имени этого посланца не упомянуто. В наказе подчеркивается, что прежде послы Галдана часто ездили в Москву, нередко и русские послы бывали у него. Ныне ж «от великих государей ко мне указу и письма никакова не прислано»¹⁸⁶. Между тем автор наказа готов «с их государскими ратными людьми... заодно воевать китайцов и мунгал», но от русских «про то у него ведомости не было». Это предложение о совместной войне против «мунгалских тайшей» повторяется в наказе несколько раз.

Когда в Москве в Сибирском приказе получили эти письма, была составлена длинная выписка о предыдущих сношениях с Галданом (за последние два года). В основном это были выписки из донесений Головина, который ко времени получения писем Галдана перевалил уже Уральский хребет и скоро ожидался в Москве. Так как Нерчинский договор был заключен, письма остались без ответа. Но в Иркутск и в Тобольск, куда приезжали обычно послы, был направлен указ не пропускать в Москву ни ойратских, ни монгольских послов, а решать возникшие дела «с иноземцы» на месте. «...А велено де таким посланцом одповель чинить и корм давать в Ыркушском и отпусках в их край, а о том к великим государем писать»¹⁸⁷. Это распоряжение диктовалось не только экономией государственных расходов («чтоб великих государей казне лишних расходов не было»), но, главное, тем, что Галдан и его предложения перестали интересовать московское правительство. После заключения Нерчинского договора восточные дела временно отошли на второй план. В этот период внимание правительства было сосредоточено на последствиях неудачных крымских походов в 1686, 1689 годах. Русское государство вошло в коалицию с западными державами против турок.

¹⁸⁵ Там же, л. 73.

¹⁸⁶ Там же, л. 74.

¹⁸⁷ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 544, л. 312.

В последнее десятилетие XVII в. Русское государство продолжало поддерживать посольские отношения лишь с Галданом и с теми из монгольских князей, которые, хотя и признали верховную власть московского царя, но выговорили себе право отправлять послов в столицу. С другими же монгольскими феодалами отношения прекратились, так как все они оказались отрезанными от русских владений военными действиями ойратского хана, многие из них признали власть маньчжурского богдыхана Канси. Весной 1691 г. принятие маньчжурского подданства монгольскими князьями было торжественно оформлено на Долоннорском съезде.

Обмен посольствами с Галданом в 1691 и 1692 гг. уже не имел для Русского государства такого значения, как раньше. Галдан все еще стремился наладить более тесную связь с русским правительством, рассчитывая на военную помощь. Поэтому он отправил в Москву несколько посольств. Но немногие из них дошли до русской столицы; большинство было задержано в Тобольске в соответствии с указаниями, полученными из Москвы в начале 1691 г.

После заключения Нерчинского договора русское правительство не считало возможным принимать в Москве послов от монгольских князей, ставших подданными маньчжурского императора. Тем не менее периодически возникавшие пограничные вопросы требовали решения. Поэтому из Посольского приказа был отправлен указ от 12 января 1691 г. о том, чтобы посланцев из Монголии не пропускать в Москву, а принимать в сибирских городах¹⁸⁸. Только в особых случаях можно было пропустить в столицу монгольских посланных, получив предварительно разрешение из Посольского приказа. Русское правительство в 90-х годах XVII в. стремилось ограничить обмен послами с Монголией и рассматривало связи с монгольскими правителями только как имеющие местное значение. В частности, такое ограничение относилось к тем монгольским феодалам, которые принесли присягу русскому царю, но вместе с тем добились права отправлять своих послов непосредственно в Москву.

Все указанные обстоятельства наложили свою печать на судьбу отправленных Галданом в самом начале 90-х годов посольств — Ачин-кашки (1691—1692 гг.), Цокиста-

¹⁸⁸ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 1180, л. 20.

кашки (1691 г.), Санум-зайсана (1692 г.). В 1691 г. к Галдану отправился Матвей Юдин для выяснения некоторых вопросов, в том числе вопроса о двойном подданстве хотогойтского князя Дайчин-хунтайджи. К ойратскому князю были затем отправлены еще три посланца (в 1692 г., 1695 г. и 1696 г.)¹⁸⁹.

Сибирские воеводы, получившие право решать дела по внешним сношениям с Монголией по своему усмотрению, использовали его прежде всего для всевозможных притеснений ойратских посланцев. Характерен случай с посольством Ачин-кашки, которое длилось более двух лет из-за задержек в пути. В сохранившихся материалах по поводу этого посольства содержатся пять ойратских писем; лишь одно из них принадлежало Галдану и адресовано московскому царю (см. калмыцкий текст этого письма в приложении), а четыре представляют собой жалобы Ачин-кашки на чинимые в пути сибирскими воеводами задержки. Ачин-кашка приехал в Нерчинск 9 января 1691 г. В Иркутск он попал только в марте и довольно скоро выехал оттуда, так как воевода Л. К. Кислянский опасался, как бы «не учинить з Бушухту ханом ссоры»¹⁹⁰, и, несмотря на полученный указ, отправил посла в Москву. Но тобольский воевода боярин Степан Иванович Салтыков задержал посла в Тобольске более чем на полгода. Экономия государственных средств, воевода отпускал продовольствие лишь на четырех человек, хотя посольство состояло сначала из десяти, потом из шести. Это обстоятельство заставило Ачин-кашку неоднократно писать жалобы. Но несмотря на унижения (Салтыков, например, распорядился поместить ойратское посольство не на посольский двор, а «у захребетных татар в деревнях»), посол держался независимо. Приехав в Тобольск, он отказался явиться к воеводе, отдать ему письмо Галдана, заявив, что может передать его только в руки царя, и если его «к Москве не отпустят и он де с тем листом поедет

¹⁸⁹ В нашем обзоре посольских отношений с Монголией мы не касались связей с ойратскими ханами и упоминали о посольстве Кибирева к Галдану только потому, что оно было связано с деятельностью Ф. А. Головина и его политикой по отношению к монгольским правителям. В данном случае мы также кратко останавливаемся на истории одного из посольств ойратского хана в Москву, поскольку оно имело отношение к русско-монгольским связям этого периода.

¹⁹⁰ ЦГАДА, ф. 214, стлб. 544, л. 312.

назад к Бушухту хану, а в Тобольску де не подаст»¹⁹¹. Салтыков только через два с половиной месяца согласился написать в Москву запрос о пропуске посла. В Москве также не сразу решили этот вопрос. Он был рассмотрен в Сибирском приказе. Только благодаря Головину было дано разрешение на приезд ойратского посольства в Москву. Головин при этом указал, что «калмыцкой Бушухту ханчинил вспоможение» во время наступления монгольских феодалов на Забайкалье, что он «Очирой хана и Гегенькутухту з жилищ их збил и многих тайшей и улусных их людей побил, и впредь для войнского промыслу на мунгал он, Бушухту-хан, с ним, окольников и воеводу Федором Алексеевичем, списывался»¹⁹². Принимая во внимание эти заслуги ойратского хана, Сибирский приказ решил пропустить Ачин-кашку в Москву, но при этом тобольскому воеводе было указано, что это решение относится только к данному посольству, «а иным никому не в образец». Салтыков тотчас же использовал это указание и не отправил в Москву другого посланца Галдана по имени Сунум, прибывшего в январе 1692 г. и также пытавшегося вести переговоры о совместных военных действиях против китайского богдыхана и монгольских феодалов. Салтыков принял от Сунума письмо и подарки ойратского князя и отправил их в Москву (текст письма см. в приложении). Только один Ачин-кашка был пропущен в Москву. Он выехал из Тобольска 7 марта 1692 г., после 14-месячной задержки в Сибири. В Москве ему пришлось долго ждать приема и решения дела, неоднократно напоминая о себе Сибирскому приказу жалобами или челобитными (текст одной из челобитных см. в приложении). Он жаловался на то, что его задерживают в Москве, что держат «взаперти» и «никуда с караулом з двора не отпускают», и «корму» дают мало, не на всех, «а прежде того так не бывало»¹⁹³. Галдан в своем письме к царю просил снабдить его свинцом и пушками («ихэ ухэр буу»). Просьба эта была оставлена без внимания.

Никаких реальных результатов посольство ойратского хана не имело. И хотя в ноябре 1692 г. Ачин-кашка добился приема «у великих государей на дворе», но этот

¹⁹¹ Там же, л. 268.

¹⁹² Там же, л. 265.

¹⁹³ Там же, л. 449.

прием был просто формальной любезностью и никаких последствий для развития более тесного контакта с Галданом не дал. В Москве соблюдали Нерчинский договор и вмешиваться в маньчжуро-ойратский конфликт не собирались.

Заключение Нерчинского договора в 1689 г. и формальное признание монгольскими феодалами верховной власти маньчжурского императора в 1691 г. явились гранью в истории русско-монгольских посольских отношений. Эти два факта завершили последний этап свободных связей между Монголией и Россией в XVII в. Отныне монгольские князья были лишены права непосредственно поддерживать обмен посольствами со своим северным могущественным соседом. При заключении Нерчинского договора не было установлено точной границы в южной части Забайкалья между владениями России и владениями монгольских ханов. Русское правительство не проявляло намерений установить точную границу, маньчжурское правительство не могло настаивать на своем требовании установить границу, так как сделать это для него было невозможно — Халха находилась в тот момент под властью Галдана.

И только после смерти ойратского хана в 1696 г. Халха вновь была занята монгольскими феодалами. Но это уже не были независимые монгольские князья, стремившиеся, как прежде, поддерживать посольские связи и торговый обмен с московским правительством. Это были вассалы маньчжурского богдыхана, контроль которого распространялся и на их взаимоотношения с Россией. Поэтому русско-монгольские отношения после 1691 г. носят уже иной характер и представляют собой новый период, содержание которого выходит за рамки поставленной нами задачи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Handwritten text in Oirat script, likely a letter to the Russian Tsar. The text is arranged in approximately 12 horizontal lines, written from right to left. The script is a form of Mongolian script used by the Oirats. At the bottom center of the page, there is a square seal or stamp containing a grid of characters, possibly a signature or official mark. The paper shows signs of age and wear.

Письмо ойратского посланца Ачин-кашки к русскому царю (1691 г.)

Много обещавъ Курей Царей въшедъ
иной развинуи о мѣстехъ Петра сурѣе
и оа Сего Цѣлшиа и мала и обвоя роин,
Синодѣ рше множибъ Арстабъ иземель до
дъ гв Сестолны изачурныхъ и пдварны Битин царѣ Амеи и ма
САДНИНО Курей и ола а д а п е н . Мѣстномъ Охороб сайнб
Хонѣ ише Курнобо Пдвнстпа Млтиное слово ;

ВНЕШНЕ ВО РУ СЕВЕРИ ПЕЛИНИХЪ КУРЕЙ ИШЕ БО КУРНОБЪ ДѢЛЕТСТАЯ ГРАМОДѢ
Писанъ ише въ охороб сайнхъ Курей ишени попорне по славы она дѣши Курей
Сше Курнобо Свндетпа Грамото Свндетпаиное Арстабо что и дпрокур и Свомѣ Раго

Начало царской грамоты к Очрай-хану, посланной в Ф. А. Головиным в 1686 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.

ДАИ — «Дополнения к Актам историческим».

«Известия ОРЯС» — «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук».

РИБ — «Русская историческая библиотека».

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Глава I. Посольские отношения с Алтын-ханами (до 1650 г).	19
Глава II. Начало посольских отношений с ханами Северной Монголии	59
Глава III. Отношения с Алтын-ханами во второй половине XVII в.	78
Глава IV. Русско-монгольские отношения в период Нерчинского договора	104
Приложения	175
Список сокращений	181

Нина Павловна ШАСТИНА
РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ПОСОЛЬСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В XVII в.

*

*Утверждено к печати
ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *З. М. Евсенина*
Художник *Л. Г. Ларский*
Художественный редактор *Л. С. Эрман*
Технический редактор *А. К. Красная*
Корректоры *А. С. Киняпина* и *Е. Б. Сницарева*

Сдано в набор 14/V-1958 г. Подписано к печати 25/VIII-1958 г.

Т-07484 Формат 84×1081/32 П. л. 5,75+1 вкл.—0,125.

Усл. п. л. 9,43+1 вкл.—0,21. Уч.-изд. л. 9,39.

Тираж 1100 экз. Зак. 1135

Цена 6 р. 65 к.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

6 р. 65 к.